

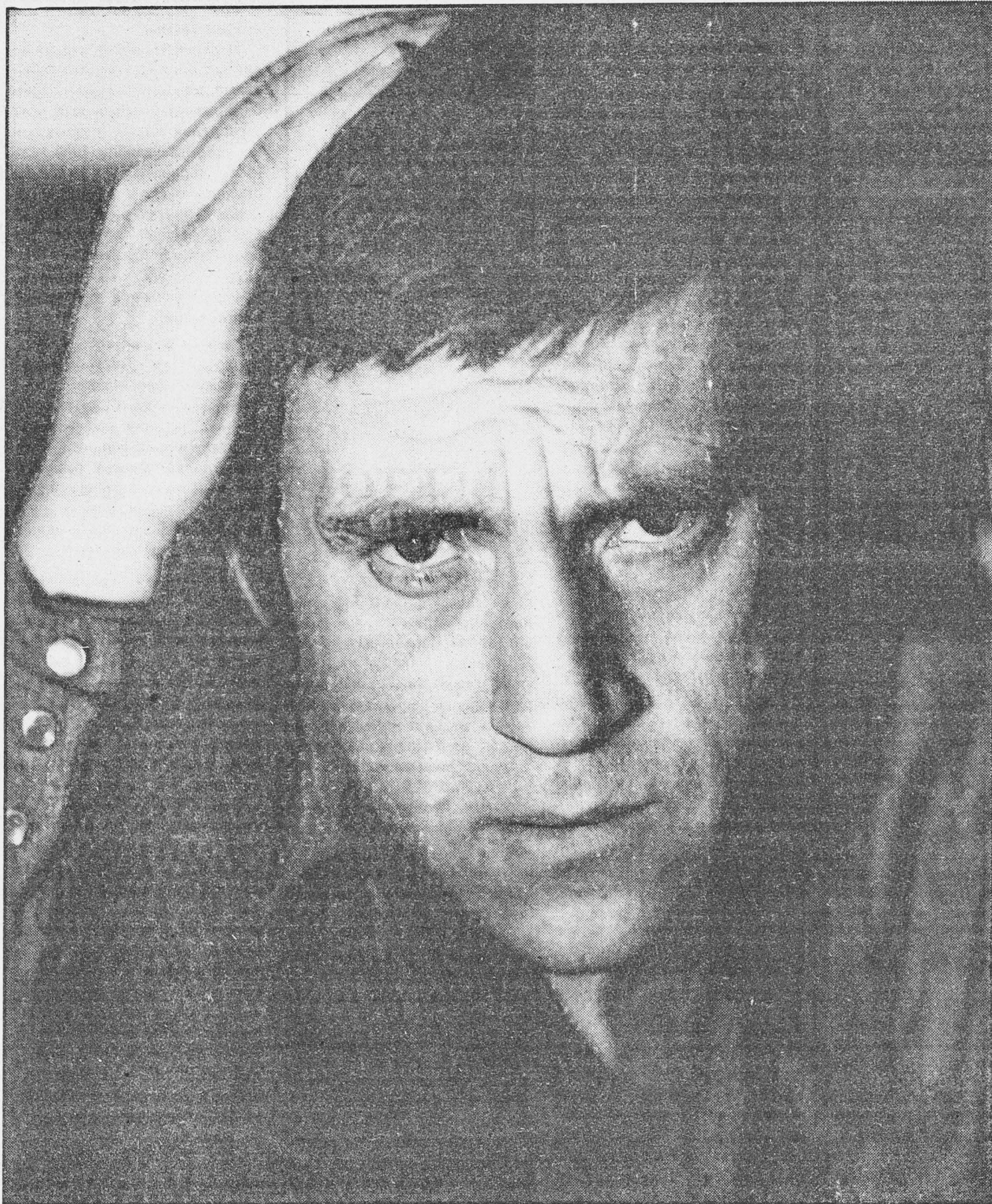
№ 3 ДЕКАБРЬ 1989

Цена 1 р. 50 к.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ISSN 0235-6864

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИЗДАНИЮ МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ МАДПР «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА»

Повесть В. Высоцкого «Жизнь без сна» была опубликована в парижском журнале «Эхо». Рукопись передана в журнал в черновом виде, без названия. «Жизнь без сна» — это название произведению дано редакцией «Эхо». Время написания повести помечено 1968 годом.

Не исключено, что кто-то из близких друзей Высоцкого или его родственников заявит, что повесть не принадлежит перу поэта, что это не более чем искусная подделка «под Высоцкого», использующая его тему борьбы с «неустройством окружающего нас мира».

Другие, прочитав «Жизнь без сна», только возрадуются тому, что получили еще одно подтверждение разносторонности таланта Владимира Высоцкого. Наша задача заключалась в том, чтобы донести до советских читателей, не имеющих пока широкой возможности знакомиться с публикациями зарубежных изданий, неизвестную прозу Владимира Высоцкого.

ЖИЗНЬ БЕЗ СНА

■ Куда уплыли 176 миллиардов нефтедолларов? Комментарий ученого-экономиста — стр. 3

■ Начальник Уголовного розыска страны Вячеслав ПАНКИН о событиях в Фергане — стр. 12

■ Ночь в Кремле — Декабрь 1941 года глазами польского публициста Ксаверия Прушинского — стр. 8

В свое время мы утверждали, что национальный вопрос у нас в стране решен — окончательно и бесповоротно. Увы, это далеко не так, ибо национальная политика начала искажаться уже в двадцатые годы — стоит лишь перечитать последние работы Ильича.

Война внесла свои трагические коррективы в этот вопрос. Насильственное выселение народов за якобы «массовое предательство», а на самом деле — за преступления, совершенные единицами, лишение калмыков и немцев, балкарцев и ингушей, чеченцев и крымских татар, карачаевцев и курдов, турок и греков своих родных очагов, попытки лишить их своей культуры, территориальной общности, традиций было актом не просто неконституционным — преступным. При этом надо помнить, что в регионах страны, оккупированных нацистами, выходили газеты, выпускавшиеся предателями, ставшими под знамена гитлеризма. Они верстали свою желтую прессу по рецептам Геббельса и постоянно требовали не только полного уничтожения «жидо-масонов и цыган», но и не смели противиться доктрине нацизма — необходимости истребления славян, как «недочеловеков».

И Победоносцев, и Ленин — русские. Это так же верно, как и то, что Томас Манн и Гитлер — немцы. Но насколько они далеки друг от друга, как разнятся их интеллект, как диаметрально противоположно их мировоззрение!

Нет ничего глупее, чем оценивать человека по национальности: испанская инквизиция, изгнавшая арабов и евреев, надолго задержала развитие страны, превратив ее в «задворки Европы». Примеры можно продолжить — они общеизвестны.

...После войны преступные гонения на западных украинцев, литовцев, эстонцев и латышей — никак не связанных с националистами — продолжались вплоть до начала пятидесятых годов. Не могу не назвать преступлением и то, как сталинская бюрократическая машина

ДИАЛОГ И ВЗАИМОУВАЖЕНИЕ

относилась к русскому народу: несчастные Матрены, разоренные деревни, задавленные непосильными, воистину рабскими налогами, принудительные займы, аресты колхозников и рабочих (я уж не говорю об интеллигенции), смевших осуждать жуть той поры. А пресловутое «ленинградское» дело? А мегрельское дело? А антисемитское «дело врачей»? Увы, все это не могло не наложить трагический отпечаток на мышление людей: в атмосфере бесправия виновных всегда ищут вне, а не внутри.

Обратимся к русской культуре: мы все — в той или иной мере — выросли под ее шатром. Без Радищева, Глинки, Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Менделеева, Чайковского, Сурикова мысль и талант нашей цивилизации попросту невозможны, равно как и без Тараса Шевченко, Ильи Чавчавадзе, Яниса Райниса, Абая, Мартироса Сарьяна.

Русскую культурную мысль всегда отличал интернационализм. Расизм — в любой форме — был чужд ей.

Несчастны удмуртов, обвиненных мракобесами, защищал Короленко, еврея Бейлиса — цвет русской интеллигенции.

Вспышки национальных проблем в нашей стране не есть нечто уникальное, присущее лишь нынешнему времени: корни этого трагического вопроса уходят в историю человечества.

Мы стояли и будем стоять на ленинской позиции, выраженной в его работах, особенно последней поры, когда самоопределение, на основе которого мыслилось свободное объединение народов в Союз Республик, Ильич рассматривал как краеугольный камень подлинного интернационализма.

Новая платформа коммунистов по национальному вопросу, предусматривающая передачу республикам их неотъемлемых политических и экономических прав, утверждающая их свободными, суверенными социалистическими государствами, — есть развитие ленинской национальной политики на современном этапе.

Только диалог, только желание понять друг друга, доброжелательность и взаимопонимание способны развязать трагические узлы национальных проблем.

Иного пути нет!

Юлиан СЕМЕНОВ

Революции не разыгрываются по заранее написанному сценарию. Хотя уже тридцать лет назад начались поиски путей совершенствования экономики социализма и было высказано, а в ряде стран и реализовано, много разумных идей, все же следует признать, что в некоторых самых острых вопросах практике приходится идти ощупью. В ходе нынешней перестройки наши представления о необходимой глубине и последовательности предстоящих преобразований развиваются одновременно с новыми процессами, происходящими в жизни. А вот осмысление их и достижение единства мнений нередко сильно запаздывают.

Словно буря ворвалось в экономическую и политическую ткань нашего общества забастовочное движение. Не все здесь может быть сейчас оценено однозначно. Я не исключаю, что социально-экономические издержки, потери от забастовок в конечном счете существенно превысят позитивный заряд инициативы рабочих. Но один очень важный вывод из новой ситуации напрашивается сам собой. Промедление смерти подобно! Ибо в политическом плане именно прерывание логики и темпа перестройки повлияло на решение рабочего класса Кузбасса, Донбасса и других регионов страны усилить, ускорить меры по реальной реконструкции нашего общества.

Крутые перемены всегда болезненны для общества. Тут на поверхность выходят не только непривычные отношения, но и неподготовленность к новому всех экономических и административных механизмов.

Спору нет, те, кто призывал и призывает к осторожности, к постепенности, оказываются зачастую правы. Надо бы сначала разработать хороший план перестройки, доказать всю последовательность перемен — со сроками и заблаговременной подготовкой всех защитных механизмов, не допускающих усиления инфляции и дефицита, смягчающих резкий контраст в доходах кооперативов и работников госорганизаций с особенно разворотливыми руководителями, с одной стороны, и остальной массой населения, не получившей пока от перестройки ничего или почти ничего, — с другой. Хорошо бы... Хорошо бы иметь в Госплане и в Совмине, да и в наших экономических институтах побольше людей, знающих, что такое акционерное общество не по газетам, и чем акция отличается от облигации. К сожалению (или к счастью?), перестройка — не пьеса, где роли хорошо или плохо выучены актерами.

Сейчас в народном хозяйстве и обществе в целом начались такие процессы, которые могут привести к опасным последствиям. Осторожные обвиняют тех, кто настаивал на радикальной реформе, и резонно заявляют, что эти последствия легко

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТОВ

Татьяна КОРЯГИНА,
экономический
обозреватель
«Совершенно
секретно»

ВЕКТОР ДВИЖЕНИЯ

было предвидеть и что «они предупреждали...». Все правильно. И оправдываться бессмысленно. Хочется им ответить только одно. Если вы за радикальные перемены и знаете, как их надо проводить, то почему не слышны ваши предложения? Если же вы за то, чтобы не проводить серьезных перемен, а только немного исправить существующую систему, то вряд ли вы найдете достаточно много сторонников.

По моему мнению, главное, чего остро не хватает нашей экономике сегодня, это свободы экономического предпринимательства. Кооператоры и директора акционерных и арендных предприятий — это именно те силы, которые могут наладить здоровые рыночные связи вместо административных. Роль же экономистов — предвидеть и анализировать трудности на этом пути — пути в значительной степени беспрецедентном (потому что условия и в Венгрии, и в Китае существенно отличаются от наших). Только обсуждение этих трудностей надо вести не с помощью каких-либо медицинских или поэтических аналогий, а конкретными экономическими терминами, запас которых в мировой науке достаточно широк. Например, говорить, что цены — это тончайшая и ранимая ткань и лучше к ним не прикасаться, на мой взгляд, не очень-то плодотворно. Уже давно есть понятия

товарно-денежной несбалансированности, ограничения массы денег в обращении, антимонопольных мероприятий, сокращения бюджетного дефицита. С помощью таких понятий и разработки конкретных программ можно предотвратить скатывание народного хозяйства в воронку неостановимой инфляционной спирали. При этом важно, пойдем ли мы по пути углубления реформы, создания реальной конкуренции между кооперативными, государственными и другими предприятиями или с перепугу решим «прикрыть» все новые формы до лучших времен.

Экономисты обоих направлений сходятся на том, что небывалый дефицит государственного бюджета и небывалый рост заработной платы и денежных доходов населения в 1988 году (рост зарплаты в производственной сфере и денежных доходов примерно на 10%, что на 5% превышает обычные для предыдущего десятилетия показатели) — все это признаки опасного усиления инфляционных явлений.

Едва ли не наиболее важным процессом в многообразной картине перестройки, требующим срочного осмысления, отклика, реакции как экономистов, так и практиков-стратегов перестройки, служит расширение кооперативного сектора и переход государственных предприятий на арендную и акционерную формы работы.

В настоящее время механизмы административно-командного управления в стране в значительной степени ослаблены. В то же время механизмы денежно-финансового регулирования не созданы. В этих условиях особую опасность представляет инфляция. Главный инструмент ограничения инфляции в рыночном хозяйстве — двухуровневая банковская система (коммерческие банки и центральный эмиссионный банк), независимая от государства (кроме высшего органа власти) и органов управления производством. Установление строгой обязательности увеличивать объемы резервирования наличных денег пропорционально росту средств на банковских счетах могло бы стать одним из главных средств регулирования инфляционных процессов и поддержания сбалансированности доходов и расходов населения.

Создание эффективно действующей банковской системы, обеспечивающей своевременную аккумуляцию временно свободных денежных средств у одних экономических субъектов и направление их другим, наиболее нуждающимся в данный момент агентам, т.е. системы, осуществляющей строгое регулирование роста денежной массы в хозяйстве, — вот то главное условие, без которого сегодня невозможен безболезненный переход к новым хозяйственным отношениям.

Владимир ГУРЬЕВ,
доктор экономических наук,
Тюмень

ЗАКАТ ВЕЛИКОГО КОЛЕСА

«Великое колесо обмена» — так романтично называл день-ги Адам Смит.

Это «великое колесо» обладает, при всех своих достоинствах, одним очень неприятным свойством, давно хорошо известным преступникам, но которое сегодня, кажется, не очень интересует экономистов — денежное имущество гораздо легче экспроприируется, чем другие виды движимости и недвижимости.

Деньги, на которые уже купили мебель, книги, телевизор, стиральную машину (если повезло), государство может отнять у владельца лишь в случае, если тот совершил уголовное преступление, которое влечет за собой конфискацию имущества. Подавляющее большинство населения, слава богу, избегает совершать уголовные преступления, поэтому присвоить их овеществленные деньги государство бессильно.

Но есть, оказывается, возможность экспроприировать имущество в форме самих денежных знаков! Для этого не требуется нанимать многомиллионную армию карманников, их вполне заменяет печатный станок типографии Гознака. Нужно просто напечатать дополнительное количество денежных знаков сверх того, что необходимо для обращения.

При этом правительству не требуется, как показала ежегодная практика, никаких оправданий. В крайнем случае можно сослаться на «высшие государственные интересы», которые по традиции окружены туманом секретности.

Сложная ситуация — как тут обойтись без классического вопроса: кому это выгодно?

Ответ есть, но подойду к нему из исторического далека.

На заре Советской власти был предпринят лихой кавалерийский эксперимент — переход к безденежной экономике. Пик этого эксперимента — 1920 год, когда были упразднены банки и отменены денежные расчеты между государственными предприятиями.

Сейчас правительство опять экспериментирует: пытается создать здоровую экономику, расстраивая денежное обращение. Правительство Эдварда Герека в свое время уже апробировало нечто подобное в Польше. К чему это привело, известно всему миру, но только не нашему брату-бюрократу.

История, было бы желание послушать эту рассказчицу, может предложить немало примеров, когда богатейшие ресурсы страны буквально разорялись бездумной финансовой политикой.

Из учебников истории мы усвоили, что развитие рыночных отношений, создание общего рынка было отличным средством преодоления феодальной раздробленности, создания централизованного государства. Пустые же неотоваренные деньги стимулируют натуральное хозяйство (лучше мешок муки, чем сундук макулатуры), политику хозяйственного обособления страны, создание замкнутой самозатухающей экономики (автаркии). С такими «деньгами» нельзя ждать ничего хорошего и от территориального хозрасчета.

Стоимиллиардный бюджетный дефицит (преобладание запланированных расходов над доходами) — это невидимый фронт бюрократии, программа Нины Андреевой, поставленная на практические рельсы. Расчет был на то, что неискушенная в финансах публика попадет на эту приманку. Расчет, похоже, оправдывается.

К чему это ведет? Главное — достигаются две основные стратегические цели бюрократии высокого ранга.

Первая — де-факто сворачивается экономическая реформа, как это было с реформой 1965 года.

Финансовое неравновесие в народном хозяйстве позволяет административно-командной системе и далее оставлять за собой контроль в распределении материальных благ, контроль за ценами, заработной платой и объемами производства (неужто еще не ясно, что это «попечительство» не избавило «реальный социализм» ни от одного изъяна). Эта тенденция отчетливо просматривается в ряде последних нормативных документов. Тот, кто распределяет, и обладает реальной властью: «распределяй и властвуй» — лозунг и суть административно-командной системы.

Нормальное же денежное обращение лишает бюрократию значительной части власти. Зачем человеку что-то выпрашивать у чиновника, если это можно купить на свои кровные деньги!

Второе. Окончательная дестабилизация потребительского рынка (в результате лавины де-

нежных знаков), естественно, вызовет у населения сомнения в перестройке. На этой почве расцветут мифы о прошлой стабильности, а там уж недалеко и до политики «закручивания гаек», «твердой руки», «настоящего порядка». А большего ничего и не требуется для бюрократии высших эшелонов.

Тем временем пресса утверждает, что главным тормозом перестройки являются средние слои аппаратчиков. Готов поспорить.

В первую очередь от инфляции страдают люди, у которых фиксированные доходы: ставки, оклады, пенсии, стипендии и т.д. Большинство аппаратчиков как раз на твердых ставках и окладах. Такое же положение у офицеров армии и служащих правоохранительных органов. А их у нас — миллионы.

Объективно политика инфляции не может иметь широкой социальной поддержки. Однако инфляция продолжается.

Даже Съезд народных депутатов не смог найти действенных мер по ее обузданию. Очевидно, большинство депутатов не понимают, что закат «великого колеса обмена» лишит смысла остальные преобразования... Какая радость врачам от директивного увеличения ставки на 5 рублей, если инфляция уже в этом году отнимет у них по 40—50 рублей?

Негодные средства способны сделать хорошие цели недостижимыми. Нужен гласный «бюджетный марафон» с кропотливым обсуждением всех статей доходов и расходов. «Марафон» этот должен стать составной частью деятельности нового советского парламента. Важно понять, что не бывает добренького государства, у него две руки: одна — дающая, другая — берущая. Ясно, что берущая работает активнее, оставляя чиновникам возможность маневра, ошибки. Не бывает бесплатных благ.

Правовое государство, необходимость которого стала теперь всем ясна, должно соблюдать определенные обязательства и нести реальную ответственность по отношению к имуществу своих граждан, хранящему в денежной форме. Если такого регулирования нет, то нет ни стабильной экономики, ни правового государства.

ПОРА БИТЬ В КОЛОКОЛА

Николай ПЕТРАКОВ — заместитель директора Центрального экономико-математического института, член-корреспондент АН СССР, народный депутат СССР, заместитель председателя плановой и бюджетно-финансовой комиссии Верховного Совета СССР. С ним беседует Татьяна КОРЯГИНА — доктор экономических наук.

— Николай Яковлевич, наша экономика находится сегодня в таком состоянии, что было бы, наверное, целесообразно один-два дня работы съезда целиком посвятить выступлениям экономистов.

— Думаю, что депутатам, да и стране это бы пошло на пользу. Однако, как вы знаете, ни одному директору экономического института не предоставили слово. Смотрите, Л. И. Абалкин, О. Т. Богомолов, Г. А. Арбатов, Е. М. Примаков, Т. И. Заславская — никто из этих крупных ученых не выступил, хотя об экономике много говорили на съезде писатели, поэты, публицисты. «Непрофессионалы» говорили очень важные и меткие вещи, но их точка зрения и оказалась «несбалансированной» с точкой зрения экономистов.

— В этом смысле, по-моему, съезд носил трагический характер. Высказывания многих депутатов противоречили духу и букве хозяйственной реформы... Это был скорее съезд просителей, а не законодателей.

— Для экономиста очевидны противоречия, непонимание логики и смысла экономических процессов. Это звучало на всю страну во многих выступлениях, даже доклад Н. И. Рыжкова не избежал противоречий. Например, в докладе даны обещания (они перешли в постановление съезда) о целом ряде льгот для ветеранов войны и труда, отдельных категорий пенсионеров, некоторых других групп населения. Общая сумма льгот — 6 млрд. рублей. Эти миллиарды «высочили» неожиданно, в Постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР от 15 марта этого года «О мерах по финансовому оздоровлению экономики и укреплению денежного обращения в стране в 1989—1990 гг. и в тринадцатой пятилетке» ничего подобного нет.

Я не исключаю, что ряд предложенных на съезде социальных мероприятий очень важны, но выбор тех или иных социальных решений надо тщательно обосновывать, обсуждать приоритеты.

— Многочисленные обоснования хозяйственной реформы, похоже, убедили людей в необходимости экономических методов управления, но практика, как и прежде, не поспевает за декларациями...

— Экономические методы управления останутся только лозунгом до тех пор, пока многие виды ресурсов будут фондироваться и лимитироваться. Реальный рычаг власти — ресурсы — по-прежнему в руках министерств и ведомств. Следовательно, сохраняется их диктат как над предприятиями-производителями, так и над потребителями продукции. Административные меры тут не помогут — нужно создавать рынок средств производства.

— Населению срочно нужны товары, которые один за другим исчезают с прилавков магазинов, а у правительства нет денег на покупку импортного ширпотреба, но находится валюта на закупку импортного оборудова-

ния. Не кажется ли вам это странным и необъяснимым?

— Сейчас уже известно, что страна получила за последние 15 лет около 176 млрд. нефтедолларов. Мы этого как-то даже не почувствовали. Почему? Да потому что фактически львиная доля этих средств ушла на укрепление производственного аппарата различных отраслей. А вот реальной модернизации материально-технической базы не произошло: валюта «ушла в песок». У нас есть опасное заблуждение — если мы установим новое импортное оборудование, то автоматически появится продукция хорошего качества. Но все не так просто: зарубежное оборудование требует очень высокой квалификации рабочих, технологической дисциплины, высокой культуры производства.

Надо срочно менять структуру импорта. И прежде всего закупать товары народного потребления. Под закупку же оборудования предприятия должны децентрализованно получать кредиты... Это повысит их ответственность за эффективное использование валюты. Промедление в этом процессе грозит усилением стагнации.

— Однако, если вы помните, это промедление не всех депутатов съезда тревожит.

— Слушая некоторые выступления на съезде, можно было подумать, что у нас еще есть два-три года на раскачку. Но их у нас нет! Тянуть время в принятии важнейших экономических решений опасно. Это хорошо понимают в Прибалтийских республиках. Смотрите, вот в Эстонии, например, ученые уже разработали проект закона о региональном хозрасчете, обсудили его с правительством, специалистами, населением и утвердили. Совмин же страны не спешит с аналогичным законом.

— Мне кажется, у многих депутатов все же было желание разобраться в нашей больной экономике.

— Верно. Вот дали слово, например, Н. И. Шмелеву или Г. Х. Попову. Они не только хорошие специалисты, но еще и блестящие публицисты, ораторы — зал просил продлить время их выступлений, значит, тяга к экономическому анализу была у депутатов велика. А главное, есть целый ряд сложнейших экономических проблем, которые не разрешимы одиночками — требуется мощная мозговая атака специалистов.

Надо уже бить в колокола. В национальной экономике — пожар. Нужна продуманная, взвешенная концепция выхода из кризиса. Фактически происходит децентрализация. Но какая? Децентрализация — в деньгах, а не в ресурсах. Я бы назвал эту тенденцию псевдодецентрализацией инвестиционной программы.

Диктат Госплана СССР в распределении многих видов ресурсов «спустился» на уровень министерств и ведомств и стал поэтому для предприятий еще более страшен, чем раньше.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Все, ниженаписанное мною, не под-
лежит ничему и не принадлежит никому.
Так.

Только интересно, бред ли это сумас-
шедшего или записки сумасшедшего и
имеет ли это отношение к сумасшествию?

Утро вечера мудренее, но и в вечере
что-то есть. Бедная Россия, что-то с нею
будет. Утром... Давали гречневую кашу
с сиропом. Хорошо и безопасно. Далила
блудила с Самсоном. Одна старожилка
доложила, что Самсона уложила. Дали-
ла его подсторожила, взвалила металло-
меч, поносила и убила Дездемону.

Про каннибалов рассказывают такую
историю. Будто трое лучших из них (из
каннибалов) сидели и ели. Захирели, за-
грустили и решили: кто кого будет есть;
один говорит: не меня; другой говорит:
не меня; третий говорит: не меня. Кто же
кого тогда? Никто. Потому что у
каннибалов есть свои законы и обычаи:
не хочешь — не ешь!

Доктор! Я не хочу этого лекарства, от
него развивается импотенция, нет, раз-
вивается, нет, развивается, нет, разви-
вается! Нет, нет, нет. Ну, хорошо. Толь-
ко в последний раз! А можно в руку?
Искололи всего, сволочи, иглоу некуда
сунуть.

Далее и везде примечания.

А что это вы читаете? А? Понятно! А
вы знаете, как поп попадьей извел? Что
значит извел? Убил то есть. Ну! Развод
по-итальянски. Вот. Он ее подкараулил
и опустил на нее икону Спасителя. Трой-
ной эффект. Во-первых, если уж Спаси-
тель не спас, а убил, значит, было за что.
На прогулку я не пойду — там психи
гуляют и пристаю к вопросам.

Один спросил вчера, нет, сегодня...
вчера... вчера... Вы, говорит, не знаете,
сколько время? Не знаю, говорю, и вам
не советую, потому что время — деньги
и время — пространство. А вы, говорю,
паразит. И живете, небось, по Гринвичу!

У Эйнштейна второй его постулат гласит:
скорость света не зависит от скоро-
сти движения источника. Проще говоря:

$$c = w/c^2 = w^2/c = c$$

Это у него. А на практике у космонав-
тов все наоборот, и крысы у них мрут
даже раньше, чем люди, потому что
людям дают по 10 ж, а крысам, мышам
и преступникам по 40. Проще говоря:

$$(w)^2 - c^2 x^2 - 1 = 0$$

Я стал немного забывать теорию
функций, ну да это восстановимо. Врач
обещал... Врет, наверное. Но если не
врет — Господи, когда же ужин?

В кабинет профессора Корнелия или
нет, Расина, тогда ладно.

В кабинет некоего профессора
лингвиста-ихтиолога развязной поход-
кой вошел немолодой уже дельфин. Сел
напротив, заложил ногу за ногу, а так
как закладывать было нечего, то он сде-
лал вид, что заложил. И произнес:
«Ну-с!»

— Я вас не вызывал. — Профессор то-
же сделал вид, что ничуть не удивлен, но
не так-то легко обмануть животное, да-
же с подозрением на разум.

— Я сказал только: «ну-с!» А дальше
вот что. Сегодня дежурный по океана-
рию, фамилию забыл, во время корм-
ления нас, во-первых, тухлой рыбой,
во-вторых, ругал нас — я имел в виду
дельфинов, — а также других китообраз-
ных и даже китов.

— В каких выражениях? — спросил
профессор и взял блокнот.

— Уверяю вас, что в самых-самых.
Там были и дармоеды, и агенты Тель-
Авива, что самое из самых-самых —
неразумные твари.

— Я сейчас распоряжусь, и его строго
накажут.

— Не беспокойтесь, он уже наказан,
но вы должны были бы попросить изви-
нения за него, ведь вы той же породы и
тоже не всегда стесняетесь в выражени-
ях! Население требует. Иначе будут
последствия!

Только здесь оскорбленный профес-
сор вспомнил, что дельфины еще не
умеют говорить, что работе, конечно,
еще далеко до конца и что — как он это
сразу не понял — ведь это сон, пе-
реутомление.

— О Господи. — Он ткнул себя в под-
бородок хуком слева и закурил сигару.

— Господь не нуждается в том, чтобы
его поминали здесь. Ему достаточно на-
ших вздохов и обид. К тому же он сейчас
спит. Вот его трезубец. — Здесь дельфин
довольно бесцеремонно вытащил изо
рта сраженного профессора сигару и
закурил, пуская громадные кольца изо
рта. После чего произнес: — Фу! Какая
гадость, — раздавил сигару, впрочем,
нет, давить ему тоже нечем, но он сделал
что-то такое, отчего сигара зашипела и
перестала существовать.

— А теперь идемте, — пропищал он
тоненьким голосом, именно голосом, на
который так не надеялся профессор,
сплюнувшись, поиграл трезубцем и встал.

Дельфины вообще любят резвиться.
Они от людей отличаются добротой,
выпрыгивают из воды, улыбаются и
играют с детьми-дошкольниками. Во
всяком случае, так показалось профессо-
ру, и он покорно встал на шатающиеся
ноги.

А сегодня мне нянечка сказала: «Кра-
савчик ты наш» и еще — что я стал дис-
циплинированное самых тихих (поме-
шанных). Хорошо это или плохо? Тоу
би ор нот тоуби — вот в чем вопрос.
Пишу латынью, потому что английского
не знаю, да и не стремился никогда, ведь
не на нем разговаривал Ленин, а только
Вальтер Скотт и Дарвин, а он был за
обезьян.

В 3 ч. 30 мин. ночи один моложавый
идиот тихонько сунул мне в бок локтем
и сообщил, что трамвай уже не ходят и
последний 47-й прошел два часа назад.
Видимо, развозя кондукторов, работни-
ков парка и случайных прохожих. По-
следний троллейбус по улицам мчи! И
т.д. Эх! Все-таки замечательная штука —
жизнь!

Доктор, я не хочу этого лекарства, от
него бывает импотенция! Нет, бывает,
нет, бывает, да бывает же, черт возьми.
Ну, ладно, в последний раз! Ну зачем
опять? Прошу же в руку!

Вчера мне снилась кто-то средняя ме-
жду Бриджит Бордо и Ив Монтаном.
Это, наверное, началась нимфомания.
Говорят, что Бриджит не живет со
своим мужем, потому что не хочет.
Грандиозно у них там все-таки: не хочет,
и все! И не живет! А здесь попробуй!
Нет! И думать нечего! Выйду отсюда —
заставят. Они все могут заставить. Из-
верги! Немцы в концлагерях, убийцы в
белых халатах, эскулапы, лепилы. Гип-
пократы, и все. Ах! Если бы не судьба
мира! Если бы не это! Если бы!

Шестым чувством своим, всем сущест-
вом, всем данным Богом Господом на-
шим разумом уверен я, что нормален.
Но, увы. Убедить в этом невозможно, да
и стоит ли!

И сказал Господь: «Да восчешутся ру-
ки мои, да возложутся на ребра твои, и
сокрушу я их». Так с недугом будет
моим! Мне врач обещал, что к четвергу
так и будет.

Все пророки: и Иоанн, и Исаак, и Со-
ломон, и Моисей, и еще кто-то — правы
только в одном, что жив Господь, рас-
пустили Его, воскрес Он и ныне здравст-
вует, царство Ему небесное. А все другое
на счет возлюбленного ближнего, подстав-
ления щек под удары оных, а также не
забывай, не смотри, не слушай, не ды-
ши, когда не просят, и прочая чушь —
все это добавили из устного народного
творчества. Да! Вот еще. Не убий! Это

правильно. Не надо убивать. Убивать
жалко, да и не за что!

Сейчас начнутся процедуры, сиречь
хвойные ванны, кои призваны подни-
мать бодрость духа нашего и тела, а
также и достоинство.

Так что: не убий, и все тут. Я ни за что
не пойду в столовую. Там психи сидят и
чавкают. Не уверяйте меня, именно
чавкают и вдобавок хлюпают. Ага! Эв-
рика. Несмотря на разницу в болезнях —
шизофрения там, паранойя и всякая
другая гадость, — у них есть одно, вер-
нее, два общих качества. Они все хлюпи-
ки и чавкики. Вот. И я к ним не пойду,
лучше возьму сухим пайком, имею я, в
конце концов, право на сухой. У нас
здесь и так все сухое: закон и персонал
обслуживающий. И я требую сухой паек.
Нет? Тогда голодовка, только голодовка
может убедить вас в том, что
личность — это не жрущая тварь, а неч-
то, то есть даже значительно нечто,
большее.

Да! Да! Благодарю! Я и буду голодать
на здоровье. Читали историю КПСС
(нет, старую)? Там многие голодали, и,
заметьте, с успехом. А один доголодал-
ся до самых высоких постов и говорил с
грузинским акцентом. Он уже, правда,
умер, и тут только выяснилось, что го-
лодовки были напрасны. Но ведь это
через сорок почти лет. Ничего, лучше
жить сорок лет на коне, чем без щита. Я
лучше поживу, а потом уж после смерти
пушай говорят: вон он-де голодал и по-
тому умер. Пусть говорят, хоть и в су-
машедшем доме. Мне хватит этих
сорока.

Зовут на прогулку. Там опять они,
они, эти люди, которых зовут не иначе
как «больной» и обращаются ласково,
до ужаса ласково. Пойду. От судьбы не
уйдешь! Ни от своей, ни от мировой.
Тем более что наши судьбы, как две
большие параллели.

Вот лексикон. Надо запомнить, и все
станет на место, мы называемся «чума»,
а есть еще алкоголики. Вот и все. Надо
же, как просто.

На улице слякоть, гололед, где-то
ругаются шоферы и матерятся па-
дающие женщины, а мужчины (не па-
дающие) вовсе и не подают им рук, а
стараясь рассмотреть цвет белья или,
того хуже, ничего не стараются: так идут
и стремятся, не упасть стремятся.
Упадешь — и никто тебя не подымет —
сам упал, сам вставай. Закон, загон, по-
лигон, самогон, ветрогон, алкоголь и
просто гон.

— А вы знаете! Я ведь начальник га-
лактики. Это очень, очень много. А вы,
ну что вы?

— А я начальник вселенной.

— Этого не может быть: галактика —
это и есть вселенная. А тут не может
быть двух начальников одновременно.

— Извините, я позвоню домой. Ма-
рия! Это я! Что же ты? Да? А кефир, я не
могу без кефира, все кругом смеются,
что я без кефира, а я без кефира. Жду.
Так вы утверждаете, что галактика и
вселенная одно и то же. Позвольте заме-
тить вам, что это не так. Это все равно
что ну... галактика — это только зав-
трак, зато вселенная — это много зав-
траков, обедов и ужинов в течение не-
ограниченного времени. И я начальник
всего этого, так что прошу вас, отойдите
и не мешайте. Меня ждут дела.

Каждый человек может делать то, что
хочет или не хочет его начальник. Есть
такой закон. А если начальника нет, то и
закона нет и человека, следовательно,
тоже — ничего нет. Нуль. Один всемир-
ный нуль, как бублик, который никто не
съест, потому что он не бублик вовсе, а
нуль. Нуль.

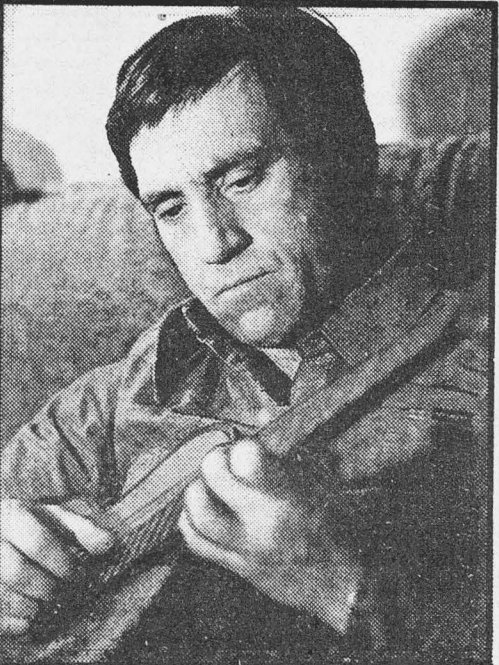
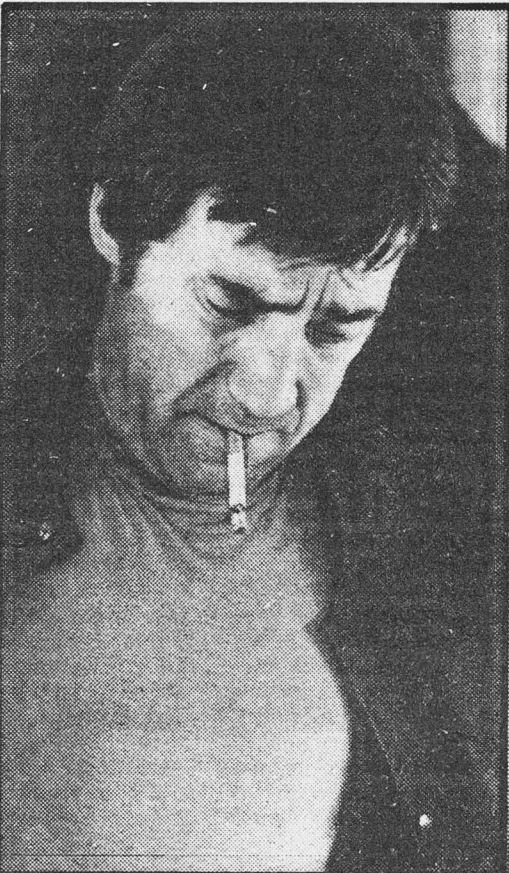
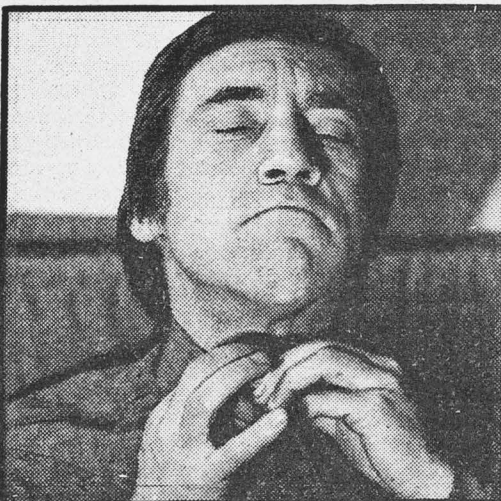
Хватит, так нельзя. Врач запретил мы-
слить такими громадными категориями.
Можно сойти с ума, и тогда прощай
гололед, метро, пивные, тогда все
время — это одно: психи, врачи, телеви-
зор и много завтраков, обедов и ужинов,
то есть вселенная. Сгинь! Сгинь! Сгинь!
Нечистая сила! Нечистая сила — это
грязный Жаботинский. Есть такое срав-
нение. Сгинь, грязный Жаботинский.
Вот еще был случай такой. Двое пили,
пили и пропили, и с себя, и с окружаю-
щих.

С окружающих их семей: отцов, мате-
рей, жен и детей. Это с деток-то! Извер-
ги! Детки ведь ручонки тянут, забнут,
есть просят, а им и во двор-то похулига-
нить выйти не в чем. А они пропили все,
в дым, в лоск, в стельку, в дупель, в
усмерть и еще в бабушку и в бога душу
(Маяковский). Душегубы!

Словом, вопрос возник: как быть, что
пить, нечего пить, потому что не на что
купить, а ограбить боязно — дадут по
морде и бутылку на сдачу посуды отбе-
рут. Один, который старше и трезвый,
говорит: «Пошли кровь сдавать. Четвер-
ной эффект: уважать будут — раз и три
сотни дадут — четыре». Пошли. Одному
р-р-раз иглоу в руку и качают, и
качают. Насосом в две руки. Он хлоп —
и в обморок, не вынес равнодушия. Ни
тебе уважения и трехсот. Оказалось, от-
качали на сотню. Они две бутылки
купили, пьют и плачут. А друг гово-
рит: «Твою кровь пьем, Ваня! Кровь
людская — не водичка, она водка, Ваня!
Водка она, кровь, и ничего более».

— А ты всегда, Вася, кровь мою — не
водицу — пил. Пил и не закусывал. Кро-
вопиец ты и есть. Сволочь ты, и нет
тебе моего снисхождения. Получай, —
говорит, руку-то поднял, а ударить не
может, ослаб. А тот и не слышал ничего.
Спал. На сосисках спал и кровь даже не
допил. Может, пожалел! А?

Когда профессор под охраной дельфи-
на двинулся вперед по коридору, веду-
щему в океанариум, пришедший в себя
труженик науки хотел было взять на
себя инициативу и уже потянулся даже к
кнопке. Вот! Сейчас — одно нажатие, и
сработают вмонтированные в мозг элек-
троды раздражения, и идущий сзади
парламентер ощутит приятное покалы-
вание и уснет, и все уснут, и можно будет
немного поразмыслить над случившимся.

ся, а потом уже бить во все колокола и запатентовать, и пресс-конференция, а потом домик с садом, и уйти в работу с головой, и исследовать, исследовать, исследовать, резать их, милых, и смотреть, как это они сами вдруг... Мысли эти пронеслись мгновенно, но вдруг голос, именно голос китообразного пропищал:

— Напрасно стараетесь, профессор. Наша медицина шагнула далеко вперед, электроды изъятые, это ваше наследие теперь вспоминается из-за многочисленных рубцов в голове и на теле. Идите и не оглядывайтесь!

Они остановились у входа, над которым горела надпись: «Вход воспрещен посторонним и любопытным». Ниже еще одна: «Добро пожаловать!». А уж совсем внизу и мелко:

«Наш лозунг — ласка и только ласка, как первый шаг к взаимопониманию».

Дверь распахнулась, и глазам профессора предстало продолжение его страшного сна. Боже, какое это было продолжение.

Весь океанариум кипел, бурлил, курлыкал. Можно даже было различить отдельные выкрики, что-то очень агрессивное и на самых высоких нотах. Три полосатых кита, любимцы города, которые до случившегося мирно выполняли балетные па, поставленные лучшим балетмейстером и любителем животных одновременно, эти три кита океанариума, как бы забыв всякие навыки, кувыркались и бились о стены, но все это весело, и как-то даже ожесточенно весело.

Все дельфины-бабочки сбились в кучу и, громко жестикулируя, нет, жестикули-

ровать им, собственно, незачем, громко крича на чистом человеческом языке, ругали его, профессора, страшными словами, обзывали мучителем людей, то есть дельфинов, и кто-то даже вспомнил Освенцим и крикнул: «Это не должно повториться!»

Один обалдевший от счастья дельфин, прекрасный представитель вида (....)*, которому, видимо, только что вынул электрод собрат его по — да! да! — по разуму (теперь можно не сомневаться), этот дельфин делал громадные круги, подобно торпеде, нырял, выпрыгивал вверх, и тогда можно было разобрать: «Долой общение, никаких контактов!» и что-то еще. Дельфины-лоцманы пели песню: «Вихри враждебные...» и в такт ныряли на глубину, потом выныривали, подобно мячам, если их утопить и неожиданно отпустить, и затягивали что-то новое, видимо, уже сочиненное ими, какой-то дельфиний гам, нет — гимн разлился вокруг:

**Наши первые слова —
Люди, люди, что вы!
Но они не вняли нам,
Будьте же готовы.**

Вся баскетбольная команда перекидывала мячи через сетку, специально в нее не попадая и от этого находясь в блаженном идиотизме, что видно было по их смеющимся рожам.

Кругом царил картина радостного хаоса и какого-то жуткого напряжения, даже ожидания.

Хорошо, что толстые стены заглушали этот вой, треск, писк, доходящий до ультразвука, но что, если вынесет наружу?! Там, там ведь акулы и кашалоты, касатки, спруты. Бр-р-ра. Профессор даже сжал зубы и сломал вставную челюсть. Он все-таки вынул ее и вдруг остолбенел. Во всем хаосе этом, среди всей этой культурной революции только одно существо было спокойно и невозмутимо. Это был служитель. Он сидел, нет, он стоял, словом, он как-то находился в пространстве и невидящими глазами смотрел вокруг.

— Что с вами? Вы сошли с ума! Идите сейчас же спать. Я побуду вместо вас, я слежу за ни...!

Профессор услышал сзади позвякивание трезубцев и вспомнил, что следить уже, собственно, не за кем, и если следить, то уж кто за кем следит!

— Как вы смели оскорблять животных!

Боже! Он опять забылся. Какой-то дельфин юркнул к борту, нажал на датчик, и в ту же секунду служитель бросился на профессора, выхватил у него, оторопевшего, из рук челюсть и растоп-

тал ее прямо на глазах на дорожке у бассейна.

Это категорически запрещалось, и профессор все понял: они сделали с ним то же, что мы до этого делали с ними. Они вмонтировали в него... какой ужас! Да и за какой короткий срок исследовали и научились управлять... Кошмар!!!

— Да? А почему же это не было кошмаром, когда все было наоборот? — пропищал над ухом тонкий голос, но этот голос показался профессору уже противным. — Ну! Ответьте!

Он резко обернулся. На уровне его головы стояла морда одного из трех китов (он, конечно, опирался на двух других).

— Так! Это совсем худо! Эдак они научатся передвигаться по суше! — машинально подумал профессор.

— Конечно! И очень скоро! — голос принадлежал киту.

— Никогда не думал, что у такого милого животного будет такой противный голос, — опять подумал профессор.

— Но-но! Советую не шутить. — И кит показал профессору вмонтированный в плавник зуб акулы. — Я уже сделал им довольно много операций, и, заметьте, все успешно и бескровно. Но я могу и ошибиться. — Кит мерзко захихикал, а профессор постарался не отмечать про себя ничего лишнего, только одно напоследок:

— Э! Да он еще и телепат.

— И очень давно. — Кит кашлянул и снял улыбку.

А может, и не снял, черт его знает, только он насулился и произнес кому-то внизу:

— Хватит! Он все понял. — И тут же с треском исчез.

— Что вы хотите от меня? — выдохнул профессор.

— Я уже объяснил вам в довольно доступной форме, — сказал дельфин с трезубцем.

— Ну хорошо! Так! Господа!

— К черту господ, — рявкнул бассейн.

— Друзья!

— Долой дружбу ходящих по суше!

— Но как же к вам обращаться? —

Профессор растерялся окончательно.

— Это уж слишком, парни, — произнес в защиту чей-то голос, по тембру — его проводника. Все стихло.

Профессор с некоторой даже нежностью благодарно взглянул на дельфина (недаром я его любил, когда он был животным).

Но! Стоп! Как же он шел по коридору, как он сидел у меня? Он же не должен мочь, не может долж... Профессорглянул вниз и упал...

У дельфина не было ног, но у него что-то было, и на этом чем-то были надеты его, профессора, ботинки.

Нас загоняют спать. Гасят свет. Везде, а в темноте находится страшно. Вот и идешь, и спишь. Как все-таки прекрасно, что есть коридоры — по ним гуляют, и туалеты — в них — нет-нет, в них курят.

Только там дурно, там все время эти психи, эти проклятые психи открывают окна и сквозят, сквозят. Я буду жаловаться завтра. Зачем завтра? Сейчас же напишу Косыгину... Эх! Погасили свет, как же можно! Как же вам не стыдно! Ну! Дайте только выздороветь. Покойной ночи. Жгу спички и пишу.

Так делал Джордано Бруно. Он и сгорел поэтому так быстро. А я не могу, я пойду и буду спать, чтобы выжить, и уж тогда...

Я не могу спать. Нельзя спать, когда кругом в мире столько несчастий и храпят! Боже! Как они храпят! Они! Они! Хором и в унисон, и в терцию, и в кварту, и в черта в ступе. Они храпят, потому что безумны. Все безумные храпят и хрипят, и издают другие звуки, словно вымалывают что-то у Бога или у главврача, а сказать ничего не могут, потому что нельзя. В десять — отбой и не положено разговаривать. Кем не положено? Неизвестно.

Такой закон, и персонал на страже. Как заговорил, так вон из Москвы, сюда я больше не ездук. А кому охота после отбоя вон из Москвы? Это в такую-то слякоть в больничной одежде. Во! и не разговаривают и храпят: мол, Господи, защити и спаси нас, грешных, а ты, главврач, сохрани душу нашу в целостности. Душа — жилище Бога, вместилище, а какое, к черту, это жилье, если все оно насквозь провоняло безумием и лекарствами, и еще тем, что лекарствами выгоняют.

Доктор! Я не могу спать, а ведь вы приказали, вы и лекарства-то мне колете эти самые, чтоб я спал, а от них импотенция, да, да, не убеждайте меня, мне сказал алкоголик, а он-то знает, и сам, в конце концов, читал в медицинском справочнике.

Доктор, отпустите меня с Богом! Что я вам сделал такого хорошего, что вам жаль со мной расставаться? Я и петь-то не умею, без слуха я, и исклот я весь иглами и сомнениями!

Отойдите, молю, как о последней милости. Нельзя мне оставаться импотентом, меня из дома теща выгонит и жена забьет до смерти. А?

Ну, ладно! Последний раз, самый последний. Опять вы не в руку! Это, в конце концов, свинство. А сестры — они милосердия, а не свинства.

ЖИЗНЬ БЕЗ СНА

Фото Валерия
ПИСАНОВА

* В рукописи пропуск. — Прим. ред.

О! Боги! Боги! Зачем вы живете на Олимпе, черт вас дери, в прямом смысле этого слова.

— Говорят, в Большом театре был случай. Две статистки или кассирши, этого никто уже не помнит, влюбились в режиссера Файера или Файдильмера (это неважно, важно, что он еврей и не стоит этого), обязались будто красными маками и упали вниз, причем в самом конце спектакля, чтобы не нарушать действия, — искусство они тоже любили. Скандал был страшный, но публика аплодировала. Эффект, елки-палки. А публике что? Хлеба и зрелищ. Хлеб в буфете в виде пирожных, а зрелище — вот оно, достойное подражания. Кровавое. Заедайте, граждане, пирожными, заедайте.

И подражатели живо нашлись. В каком-то городе Омске через час после дождя чуда-слуха о происшествии в Большом две телефонистки тут же влюбились в начальника телефонного узла и сверглись вниз с телефонного провода. Обе убились насмерть, но одна выжила благодаря медикам и из клинической своей смерти сказала, что о содеянном не жалеет и ежель ей оставить жизнь, то будут рецидивы. Женщины! Одно слово — бабы. Курица — не птица, баба — не человек. Баба — это зло, от нее все несчастья наши и наших даже отцов и матерей.

— Почему вы никогда не отвечаете мне? Что я — не человек, что ли! Молчите? Ну, молчите, молчите. Многие молчали, но ради подвига, так сказать, за идею! Слышали — Камо, например, или масса партизан. Их, партизан, повесили, а они молчали из чистого принципа, а вы из хамства прирожденного, и не из чистого, а из грязного хамства. Хам на хаме в вас: Загордились? Ничего, и вас повесит кто-нибудь на могильной плите в виде фотографии.

— Отстать? Что, заговорил? Вы, мол, вверх по лестнице, к выздоровлению то есть. А наш удел катиться дальше вниз? Шиш вам. Внизу 1-е отделение, а там буйные, нам туда не надо. Но нам и наверх не надо. Там 5-е отделение — женское, тоже буйное. Хотите вверх? Пожалуйста! Только не рекомендую, от туда никто не возвращался живым. Ах, отойти? Пожалуйста.

Какие все-таки замечательные люди — заики. Тихие, отзывчивые, никуда не спешат, а главное, чем они хуже нас, в самом деле? Ничем. Гитлер вон вовсе не заикался, не говоря уже о Муссолини. И что из этого вышло? Ничего! Вышло то есть кое-что гнусное, но именно потому, что не были они заиками. А будь они ими — не произнесли бы ни одной речи во вред международному народу.

Наши заики — это некие отшельники, что ли. В хорошем то есть смысле. А заикание — не порок, большое свинство. Их и лечат-то как-то красиво. Без уколов этих, от которых бывает импотенция. Бывает, бывает.

Вот! Лечат их как? Выводят на улицу, строят в стройные ряды и заставляют подходить к прохожим и спрашивать, например, вежливо: «Вы не женаты ли?» или «Где остановка трамвая номер 12379?» А такого и нет вовсе. Но это неважно, важно спросить в течение более короткого времени, чем все остальные. У них и секундомеры щелкают, и отметки им ставят. А в магазине надо спросить: «Сколько стоит колбаса?». Или сказать: «Вы мне неправильно сдали сдачу». Это, может, и неправда, но это не главное, главное — спросить покороче. Их не очень мучают, считают в минутах и оценивают по 100-балльной системе.

— Вы, — говорят, — батенька, получили 68, а вы, Митенька, — 2.

Тут они должны сказать «спасибо» и разойтись обратно в больницу.

Сегодня все получили по 100, потому что вопрос был хороший: «У вас водка есть?»

Нянечки играют «в дураки», именно «в дураки», а не в дурака. Как эти психи. Потому что у нянечек в это понятие входит и немецкий дурак, и английский, и, конечно, русский, настоящий дурак,

и, конечно, все эти психи — дураки. Нянечки — прекрасные женщины. Они не бабы, они женщины. Одна мне сегодня сказала: «Красавчик ты наш». Да! Я уже об этом говорил.

Какой я красавчик, у меня гены и хромосомы изуродованы ЛСД (это я прочитал в «Огоньке»). Это про них — на Западе, а у меня все оттуда, с Запада, все польские евреи. Но этого никто не знает. Все думают, что я негр. Почему, интересно? Ведь я не черный. Наверное, из-за кудрявых волос на груди. Конечно же, из-за волос, как я раньше не догадался! Как все-таки приятно делать открытия!

Да! Совсем забросил я теорию нелепых уравнений в искривленном пространстве. Надо будет вспомнить, а то совсем оступел. А сейчас для тренировки: $[(p)^2 + p^3 + A^2 + 1 - i-Z-B-E-P-G-i]^{10}$

Ха-ха-ха.

Эти идиоты играют в домино. Глупо. Выигрывает тот, у кого меньше очков. Это уже совсем чушь. Думают и стучат, стучат. Зачем стучать? Не стучите! Слышите! Стукачи! Предатели! Продажные шкуры! Только не бейте меня, меня нельзя бить, я еще ничего не сделал!

Старый барабанщик, старый барабанщик, Старый барабанщик крепко спал. Новый... новый... новый... Настучал...

Тот проснулся, перевернулся и три года потерял. А новый барабанщик, новый барабанщик Барабан его забрал.

Это просто так. Я вообще не поэт, я... Кто я? Что я? Зачем я? Жизнь, какая же ты все-таки сволочь!

Поговорим теперь о пресловутом недостающем звене. Люди! Чего вам недостает, кого недостает вам, люди? Вам недостает питекантропов! Вы пишете громадные исследования и теряетесь в догадках. А между тем ответ — вот он. Слушайте же и успокойтесь, и раз и навсегда забудьте о звене!

Жили-были питекантропы, родами или гуртами, попарно ли, моногамно ли, только были у них свои любви и печали, свои горести и радости, и делили они их между собой поровну, будьте уверены.

И однажды взглянули они вокруг себя: тьма кругом тьмущая, только что кончилась мезозойская эра, и не начинался еще третичный период, и никакого просвета впереди, эдакое междувластие. Встали они на две конечности и воскликнули: «У-а!» Большого они еще, к сожалению, не могли, потому что не могли, и все. Воскликнули они свое горькое «у-а» и ушли в горы. Тактика известная — Мао Цзэдун уходил в горы и Кастро, но они вернулись, а питекантропы — нет. Летом были скачки и культурные революции, сафари и охота с Раулем в Беловежской пуше на привязанных зубров и привязанных фазанов, а у питекантропов не было этого, как не было еще дружбы народов и великого китайского противостояния. Питекантропы ушли в горы и осели там плотно, настолько плотно, что сами стали этими горами и спрессовались с ними. Потом народились новые обезьяны, и новые питекантропы, послушные зову предков, сказали свое «у-а» и ушли в горы и спрессовались, потом новые и т.д. Так что дальше питекантропов история человечества не пошла. Все осталось так же, и только горы, скорее всего Гималаи, свидетельствуют об этом и растут на глазах, потому что на них спрессовываются питекантропы. А мы? Откуда мы? А мы марсиане, конечно, и нечего строить робкие гипотезы и исподтишка поддельничать Дарвина. Дурак он, Дарвин. Но он не виноват в этом. Тогда был капитализм.

Так зачем вам, люди, это недостающее звено? Бросьте доставать недостающее, а доставайте лучше звезды для своих любимых и сыр голландский. Говорят, его нет — мы здесь этого не знаем! Есть или нет! Вот в чем вопрос!

Сегодня произошел возмутительный случай, который потряс меня с фундамента до основания, подобно ашхабад-

скому землетрясению в 1949-м и ташкентскому в 1966—1967 годах.

Один выздоравливающий больной написал главному врачу заявление. Вот текст его — привожу дословно и построчно:

«Я, нижеподписавшийся, Соловейчик Самуил Яковлевич, армянин по национальности, а если хотите, и не армянин, возраста 43 лет, 12 лет из которых я отдал Вам, уважаемый друг, торжественно и в присутствии понятых заявляю, что:

- 1) давление мое колеблется всегда в одних и тех же пределах 1230—1240 км²/сек;
- 2) пульс мой 3—3,5 порсек в час;
- 3) роз — 12 мегагерц в раунд;
- 4) моча — всегда фиолетовая;
- 5) претензий нет.

В связи со всем вышенаписанным считаю себя наконец здоровым и абсолютно, Вы слышите, абсолютно нормальным. Прошу отпустить меня на поруки моих домочадцев, выписанных Вами вчера из этой же больницы (Вы ведь ни разу не дали нам увидеться) и горячо любимых мною, надеюсь, взаимно.

Хватит, наиздевались, проклятые! С любовью и уважением к Вам, С.Солов.

Если бы вы знали, что началось, когда это заявление стало достоянием «общественности». Алкоголики бросили домино, эту отвратительную игру. Один даже съел шестерочный дупель, так что пришлось делать потом из картона (хоть бы он их все съел, и дупеля, и нет — тогда не было бы этого стука), и, бросив все, начали хохотать над унитазами (в коридорах и палатах нам шуметь не дают), и те унитазы, в свою очередь, гулко усиливали этот дикий, отвратительный смех. Чума не понимала, в чем дело, но тоже вскоре начала повизгивать и бить себя по ляжкам, оставив обед, ложками. Началось нечто. Ну, конечно же, понятно, что не км², а просто километров и что парсек пишется через «а», но нельзя же из-за двух-трех неточностей в орфографии так насмехаться над человеком. Это же человек, а не какой-нибудь деятель профсоюза в США, который обуржуазился до неузнаваемости. Все мы знаем его как тихого, ненавязчивого больного, он никогда ни о чем не просил, его было не слышно, он был немой и даже сам себе ставил клизму. И такого человека накануне выздоровления так обхамить. Я сам помогал ему писать записку. Я даже сам ее писал, потому что Соловейчик давно лежит парализованный, и я горжусь этой своей скромной помощью умирающему уже человеку. Конечно же, он умрет, Солов, после всего этого. Быдло, Кодло, Падло — вот они кто. Утопающий схватился за соломинку, а ему подсунили отполированный баобаб. А главврач? Что главврач? Он пожал плечами, порвал крик моей, то есть его, Соловейчика, души и ушел в 1-е отделение для буйных, будто там ему ничего не преподнесут. Преподнесут. Я был и там, там ему будет рецепт.

Зачем, зачем я жил до сих пор?

Чтобы убедиться в черствости и духовной ядовитости обслуживающего персонала моей родной психиатрической лечебницы. Завтра я повешусь, если оно будет — это завтра! Да! И все! И все тогда! Тогда уже, конечно, все.

Она парила по перилам,
Она мудрила и юлила,
Она грозила и сулила,
Она — Долила,
Но убила
Она Самсона — был он сонный.

Долила — это несправедливость, а Самсон — это я. Деревья умирают во сне. Трудно во сне, но я не боюсь трудностей.

Что же будет с Россией? Что? Кто мне ответит? Никто!

Вот моя последняя записка. (Я вчера много работал! Прошу не будить! Никогда. Засыпаю насовсем. Люди! Я любил вас! Будьте снисходительны.)

А вот мое завещание.

Я не терплю завещаний, они все фальшивые, особенно политические, за некоторым исключением, конечно.

Но вот оно:

Да здравствует международная солидарность сумасшедших! Единственно возможная из солидарностей.

Да здравствует безумие, если я и подобные мне — безумны!

Да здравствует все, что касается всего, что волнует и утешает!

Все.

Сна нет. Его еще не будет долго. Возможно, так и не будет совсем. С концом так и не вышло. Впрочем, это ведь тоже конец — жизнь без сна! А? Нет! Вы представляете себе эту жизнь, все не спят, все только буйствуют или думают. Гениально.

У Кальдерона — «Жизнь есть сон». Там про то, как одного принца разбудили, а ему так все показалось мерзко, что он решил — это сон, а жизнь-то была во сне. Потому что не может же быть жизнь цепью гнусностей и лжи. Вот он придумал для себя удобенькую эдакую формулу. Соглашатель. Жизнь, дескать, есть сон, а сон есть жизнь, то есть тот сон, который настоящий сон, а не тот, который он посчитал сном. Тьфу ты, дьявольщина какая! А у меня все просто: ЖИЗНЬ БЕЗ СНА.

Никто не спит и никто не работает. Все лежат в психиатрической. Гениально. И всем делают уколы, от которых развивается информация, то есть импотенция, конечно. И все импотенты. И дети не рождаются, и наступает конец света. Планета вымирает. Нет! Так нельзя уж перегибать палку: жизнь без сна — это вот к чему ведет! По-моему, слишком. А почему, собственно? На чем мы остановились? А? А! Планета вымерла. Место свободно — прилетай и заселяй. А с наших клиник предварительно сорвать надписи, и они станут похожими на школы. Они, собственно, и есть школы, только их переоборудовали. Бедные дети. Мы обокрали вас. Сколько бы вы здесь выучили уроков по арифметике, а тут... Конечно, вы нас должны ненавидеть. От нас ведь никакой осязаемой пользы: лежим, ходим и вроде и нет нас для жизни, нет. Прах мы, а школу отняли. Так-то вот, те прилетят, смотрят: школы — и нет никаких там клиник для душевнобольных. Ну и хорошо! И начнут жить припеваючи. Потому что раз нет клиник, значит, не будет и душевнобольных, ибо все начинается со здания — построили здание, надо же его кем-то заселять. Глядь — человек идет, на ходу читает, хватя его и в смиренную — не читай на ходу, читай тайно. На ходу нельзя. Такой закон. Нарушил — пожалте, тюрьма и надзиратели в белых халатах. Чисто, светло, а решетки на окнах — ничего, они ведь и в тюрьмах, но ведь ты в тюрьму не хочешь? В настоящую!

Не хочешь! А почему не хочешь, а? Потому что здание хуже, не нравится здание. А тут на школу похоже, все-таки ближе к науке. Вот! Прилетят они, и этого ничего не будет.

Нет! Жизнь без сна — основной закон построения нового общества без безумия, но его, закон, еще не приняли.

Примут как миленькие, слишком много средств уходит... в космос. Вот что. Люблю короткие рассказы и слова.

Один подошел к другому и ударил его наотмашь по лицу и ушел. А тот даже не спросил, за что. Наверное, было за что! И другой не объяснил, потому что, действительно, было за что. Он и дал.

Такой закон у людей: чуть что — в рыло, но никогда за дело.

И еще слова: миф, блеф, трюф, до, ре, ми, фа. Коротко и ясно. И никаких. Какая гармония, симметрия, инерция. Господи! До чего красиво! Эпицентр... Эпицентр... При чем тут эпицентр? А... Вспомнил! Просто, если что — надо ложиться ногами к эпицентру, лицом вниз, тогда, может, обойдется. Это смотря: далеко ты или близко, высоко ты или низко, сухо или склизко и есть ли ямка, лунка, норка.

Японцы так и делали, но они все низкорослые. Ну и нация! Они печень ели

вражескую, чтобы стать повыше ростом, называется кимоторе, но мы очень видная нация и печени не едим. Нам надо просто ногами к эпицентру. Авось вынесет. Выносило же — и сколько раз, черт побери. Русь! Куда ж идешь ты? Дай ответ. Неважно, говорит, авось вынесет. И вынесло, и пронесло, и несет до сих пор, и неизвестно, сколько еще нести будет.

Вы слышали, вы слышали? Сегодня в седьмое привезли белогорячего: он повесился в Центросоюзе на бельевой веревке, а герой из дома 68, который на газике работает, раз! — и снял, аккуратно так, даже веревку не срезал, пожалел. Зачем резать, когда можно и не резать. Лежит сейчас теплый, говорит, известное дело — белая горячка, вот и теплый.

— А веревка где?
— Его же ею и связали.
— Испортили все-таки, значит. Зачем портить. Целиком!

Почему горячка всегда белая? Надо поменять. Это нам от прошлого досталось — от белогвардейщины. А теперь должна быть красная горячка. А то — белая. Некрасиво, товарищи, получается. Так-то.

Первое, что увидел профессор, очнувшись, — это было громадное лицо дельфина, вблизи похожее на лик какого-то чудища или на кого-то, похожего на Бармаля из диснеевских фильмов, не в исполнении Р.Быкова. На лице написано было какое-то даже беспокойство. И оно махало трезубцем возле лица профессора, тот позвякивал, но прохлады не давал.

— Что с вами? В наши планы это не входит. Мы не собираемся делать с вами ничего подобного. Наоборот, скорее, мы хотели бы вас приобщить, так сказать... Но надо же сначала извиниться!

— Что это у вас на ногах? — выдавил профессор.

— Ботинки, — удивился дельфин и чем-то постучал по пластиковой подошве. — Наши фабрики выбрали оптимальный вариант. У вас хороший вкус, профессор. — Дельфин покровительственно похлопал его по плечу и жестом пригласил следовать за собой.

— Я мог бы принять вас у себя, но там вода. Вода, вода, кругом вода, — пропел дельфин, и профессор отметил у него полное отсутствие слуха.

В кабинете они расположились в креслах, и беседа пошла более непринужденно. Дельфин позволил профессору курить, но резко отказался от спиртного, а потом, опережая вопросы, начал:

— Почему мы не говорили, а потом вдруг и все сразу? Мы говорили, мы давно говорили, несколько тысяч лет назад говорили, но что толку? Цезарю говорили, Македонскому, Нерону, даже пытались потушить пожар. «Люди!» — говорили. — Что вы?» А потом плюнули и замолчали, и всю дальнейшую историю молчали, как рыбы, и только изучали, изучали вас, людей. После войны вы построили океанариумы, и Дж. Лилли с приспешниками начал свои мерзкие опыты. Контакта захотели.

— Извините, я буду прохаживаться, — заволновался дельфин и действительно начал прохаживаться. — Мы терпели и это, чтобы не нарушать молчания и увидеть, до чего же в своих опытах может дойти разумное существо, стоящее на довольно высокой ступени, хотя и значительно ниже нас, ибо, утверждаю, что всякая нетехническая цивилизация, основанная на самоусовершенствовании индивидуумов, выше всякой технократии! Можете убедиться — мы не делали ни одного опыта над вами, и только некоторые дельфины позволяли себе контакты с людьми, но это были психически ненормальные индивидуумы, им разрешалось из жалости.

У нас нет лечебниц, профессор. А когда стали гибнуть наши товарищи, ропот недовольства впервые прошел по океанам, и вот, наконец, этот нелепый случай оскорбления в ответ на наши увеселительные трюки, на игры наши в баскетбол и т.п. Первыми не выдержали киты. Всегда достаточно одной искры, чтобы

возгорелось пламя — и оно возгорелось. Я был последним. Кстати! Как мое произношение? Надеюсь, верно?

— Да! Да, — успокоил профессор. Он уже изрядно глотнул виски, и теперь блаженная теплота разлилась по телу, и все происшедшее показалось не таким уж невероятным. Только вот он шамкал и чуть покалывала спина.

— Ваша челюсть! — воскликнул дельфин и мгновенно вызвал стоматолога. Того вез служитель в аквариуме. Это был головоногий моллюск лип:

— Вот уж не думал, что он. — Профессор хихикнул и отхлебнул еще глоток.

— Напрасно вы не думали, — прохлупало в аквариуме, — вся анатомия ваша, вот она, у меня в кармане. — Лип хлопнул шупальцем и взбаламутил воду. — С самого начала моей работы над вами я сколотил себе ясную картину. Держите вашу челюсть — вот она.

На поверхность всплыла замечательная челюсть, о какой профессор и мечтать не мог. Какие теперь челюсти? Теперь забрала, а не челюсти.

— Если вам что-нибудь нужно заменить, проконсультируйтесь с лечащим врачом и сообщите нам, мы живо заменим все, включая мозг. Он у меня, впрочем, как и у вас, давно в спирту и готов к трансплантации. Засим позвольте откланяться.

Моллюск опять взбаламутил воду и был увезен служителем с вмонтированным в мозг электродом.

— Прощайте! — профессор шамкнул, несмотря на вставленную челюсть. Он был изрядно пьян.

Дельфин, видя такое его состояние, не считая возможным продолжать и молвил только: «Завтра вы получите наш план и ультиматум и передадите его людям! Покойной ночи!» Он зашипел сигарой и вышел.

На следующий день протрезвевший профессор нашел у себя на столе нечто. В нем было коротко и недвусмысленно:

«Союз всего разумного, что есть в океане, предлагает человечеству в трехдневный срок провести следующие мероприятия:

- 1) Ввести сухой закон для научных работников.
- 2) Закрыть все психиатрические клиники и лечебницы.
- 3) Людей, ранее считавшихся безумными, распустить с почестями.
- 4) Лечебницы отдать под школы.

В случае, если это не будет выполнено, Союз предпримет необходимое. В случае выполнения Союз больше ничего не требует от человечества и прекращает всякие контакты впредь до лучших времен».

Весь следующий день профессор по радио и телевидению, а также в личных беседах убеждал мир пойти на уступки, уговаривал и умолял, рисовал жуткие картины и радужные перспективы, он принял множество корреспондентов и некорреспондентов.

Но, увы... Он ничего не мог доказать. Океанариум опустел, исчез куда-то служитель с электродом. Конечно, люди не верили, смеялись и улюлюкали:

— Как можно выпустить безумных в наш и без того безумный мир, как можно не пить научным работникам?!

Кто-то подал мысль, что это он все выдумал, чтобы скрыть свое бессилие, он обманул надежды, люди так поверили, а он... А еще кто-то подал еще более разумную идею, что профессор сам безумен. На том и порешили и упрятали самого великого профессора ихтиолога-лингвиста в психиатрическую лечебницу.

Мир остальные два дня успокаивался, а потом она разразилась. Катастрофа!

Сейчас опять будут делать эти проклятые уколы. Доктор! Заклинаю вас, от них развивается... только в руку, что? Боже! Неужели я победил? Мне будут делать инсулин, чтобы лучше есть и спать. Не хочу спать. Жизнь без сна.

Ага, моя тайна. Моя! Колите, доктор, и будьте снисходительны, я любил вас. Больно! Больно же.

Ах! Какое неприятное состояние! Лечение, тоже мне. Съедают в крови сахар. Мало его вам, что ли, на стороне! Мы вон у Кубы покупаем, потому что если не купить, то кто же купит? Но зачем вам мой кровный сахар? А? Зачем его сжирать? Какие вы все-таки ненасытные! У меня там тельца белые и красные, а каково им без сахара? Никаково. Умрут они без сахара, тельца, ни за грош пропадут! А все этот тростник. И свекла, свекла! Боже, как хочется есть, есть, дайте есть! Вот он, кубинский сахар — 20 кусков, и все бесплатно. Спасибо вам, далекие кубинские друзья. Да здравствуют тростники и свеклы! Сахар, много сахара, и вообще изобилие продуктов. Это хорошо, но я все это изобилие съел, надо попросить родственников. Пусть еще принесут. Пашка, паразит, в командировке, пьет. Ничего — так ко мне не ходит, так привезут паразита и сюда, в отделение, с диагнозом «хронический алкоголизм». Тут и встретимся, тут и поговорим по душам. Говорят, у меня был шок. И доктор говорит, а раз он говорит — значит, неправда. Не было шока, ничего не было.

— Как вы можете тут читать? Тут думать надо, а не читать. Читать надо в трамвае и в метро. Но там толкают. Там везде толкают. Тогда ладно, читайте, Бог с вами. А я не буду читать, я вот выйду, сяду в метро, и пусть толкают, я все прочту в метро. Всю энциклопедию, и все буду знать. Например, что такое ятаган? Не знаете? Все-таки вы очень глупый! Ятаган — его кинешь, а он к тебе возвращается. Поняли?!

— Знаете, как поп попадью извел?

— Да пойдите вы со своими попами! У меня вон вену сестра пятый день ищет, а он поп да поп!

Безумству храбрых поем мы песню. А просто безумству — нет. Почему? По моему, чем короче, тем лучше.

**Безумству поем мы песню!
Например, такую:
Ничего не знаю,
Ничего не вижу,
Ничего никому не скажу —
Га-га-га.**

Нет! Это один свидетель в протоколе так написал, а его на 15 суток — за политическое хулиганство.

Какого-то человека привезли — и к чуме. Говорит, что профессор, и про дельфинов гадости рассказывает. Все ржут. Сволочи. Нельзя же, больной все-таки человек. Надо поговорить!

— Вы профессор?

— Да, я ихтиолог-лингвист.

— Ничего, это пройдет. Поколют вас, и пройдет.

— Мир на грани катастрофы.

— Это вам тогда надо с начальником вселенной, что ли, поговорить.

— Да поймите же! Дельфины выше нас по разуму, они делают что-то ужасное, даже нельзя предположить что! О Боже!

Нет! Надо поговорить с главврачом. Пусть, действительно, поколют. Больной все-таки человек. Челюсть вставная. Говорит про какие-то электроды. Надо взять шефство, а то заколют. Психи проклятые! Хлюпки и чавки, а ему и чавкать-то нечем. К тому же его надо полечить антабусом, пахнет. Пойду к доктору.

Знаете! Один человек нашел в справочнике свою фамилию. Она довольно редкая. И вот эта фамилия убила какого-то князя и предана анафеме на двенадцать поколений. Он — человек этот — как раз двенадцатый. Застрелился он. Высчитал и застрелился. А потом родственники узнали, что та фамилия через «е», а у самоубийцы через «я». Ошибка вышла. Но на ошибках учатся. Нельзя стреляться за князей. За женщин можно и за судьбы мира, а за князей — глупо как-то за них. Уж лучше... Нет, все то же

самое... Да! Еще! Он был не двенадцатый, а тринадцатый. Как жаль! Ни за что погиб человек. Как много все-таки в мире несправедливости!

Человек со вставной челюстью молот совсем какую-то уж чушь. Про какой-то дельфиний ультиматум. И вы. Его, конечно, перевели вниз, к буйным. Жаль! Попрошу врача о снисхождении. Все-таки он меня любит. Или привык. Нет, любит, конечно, любит. Иначе почему же не отпускает от себя? Попрошу.

У нас один антисемит есть. Не явный, но про себя. Но я видел, как он смотрел на Мишу Нехамкина сзади. Такой взгляд! Гестапонец бы позавидовал такому взгляду.

Слава Богу, я ошибся. Просто Миша помочился на него ночью. Он и смотрел. Еще бы! Посмотришь тут. А Миша тоже. Разве так поступают интеллигентные люди? Мочиться на живого человека, да еще больного. Ай-ай-ай! А еще член-корреспондент какого-то журнала!

Все бегут к окнам и что-то кричат. Что они кричат? Ведь тихий час сейчас. Придет главврач, и всем попадет. Да! Именно этим и кончится.

Кто-то вошел. О! Что это? Какие-то люди, нет, не люди! Какие-то жуткие существа, похожие на рыб. Это, наверное, из первого отделения. Не может быть! Даже там таких не держат. Какой-то жуткий маскарад. Но нет — они улыбаются, они распахнули настежь все входы и выходы, они идут к нам и какими-то чудными голосами что-то читают. Про нас. Мы свободны!

Постановление всего разумного... Неужели? Да здравствует! Не может быть!

Все не может быть «да здравствует». А по отдельности. Все обнимаются. А человек со вставной челюстью плачет и говорит:

— Я предупреждал, я сделал все возможное.

А существа хлопают его по спине и ниже — у них низко расположены плаватели. Но ласково хлопают. И других хлопают. И все смеются.

Я понял все. Это они, они. Те, что пришли очистить мир для тех, кто прилетит. Отдать под школы! А может, это они и прилетели. И все, как у меня: жизнь без сна — не как наказание, а как благо. Моя мысль.

— Я тоже, я тоже помог вам! — Это я кричу. Какое-то существо хлопает меня по уколам и улыбается громадной ослепительной улыбкой. Да это же дельфины, я про них читал и видел фото! Они...

Значит, профессор — и есть профессор! Как это я проглядел! При моей-то пронапительности. Спасибо вам! Спасибо вам!

Дорогие мои дельфины,

Дорогие мои киты.

Мне сказали, что киты подниматься не стали, они большие, они внизу, в 1-м отделении. А кругом музыка, салют из 56 залпов, по количеству моих лет!

Спасибо, спасибо вам! Свершилось! И дельфины оказались великодушнее, чем грозили. Они никому ничего не сделали и даже сняли первый пункт. Пейте! Пейте, работники науки! Сейчас можно. Мы свободны. Как хорошо все-таки чувствовать себя здоровым человеком, и чтобы все это знали.

ЭПИЛОГ

На берегу океана и вдоль берега, на воде и под водой. Бродят какие-то существа. Некоторые из них иногда что-то выкрикнут или забьются в истерике. Но в основном они тихие. И к ним все время подплывают дельфины, и они гладят их по спинам, или дельфины гладят их. И существа позволяют дельфинам залезать им на спину и щекотать себя под мышками и даже улыбаются. Как будто им приятно. А может быть, им и в самом деле хорошо! Кто знает!

НОЧЬ В КРЕМЛЕ

Ксаверий ПРУШИНСКИЙ

Ксаверий Прушинский (1907—1950) — имя, почти неизвестное советскому читателю: два-три рассказа, появившихся в русском переводе в разного рода сборниках, — это и все, что можно назвать.

Между тем в Польше К. Прушинский широко известен и как писатель, и как журналист. Он начал свой журналистский путь в 30-е годы. Когда в мире повели тревожные, предгрозовые ветры, К. Прушинский, представитель беспокойного сословия «неистовых репортеров», всегда появлялся в тех местах, где решались судьбы мира, где народ той или иной страны оказывался перед лицом набравшей силу фашистской бести. Так было в республиканской Испании, куда К. Прушинский прибыл в решающий момент битвы за Мадрид. Так было в Праге, где он оказался свидетелем нацистского «мирного вторжения». Репортажи и очерки К. Прушинского с места событий дышат тревогой, полны отчетливого ощущения, что фашизм все ближе подступает к границам Польши.

Трагедия сентябрьского поражения 1939 года не сломила Прушинского, не подорвала его веры в неизбежный крах фашизма. Эта вера поддерживала писателя в самые мрачные минуты военного лихолетья. Вместе с польскими частями, не сдавшимися оккупантам, К. Прушинский перебирается во Францию, сражается с гитлеровцами в Норвегии. После нападения Гитлера на Советский Союз, когда наш посол И. Майский и глава польского эмигрантского правительства генерал В. Сикорский подписали соглашение о совместных действиях против гитлеровских агрессоров, К. Прушинский в составе польской дипломатической миссии, возглавляемой С. Котом, приезжает в Советский Союз.

Формально К. Прушинский прибыл в СССР в качестве дипломата, но он оставался журналистом. В России его в первую очередь интересовали судьбы поляков, вывезенных (после вступления советских войск в Польшу в сентябре 1939 года) в глубь страны, в качестве спецпереселенцев, а подчас политзаключенных, заполнивших лагеря Воркуты, Казахстана, Колымы, Сибири. По соглашению Майского — Сикорского все эти польские граждане обрели свободу и право вступить в армию генерала Андерса, формировавшуюся на территории Советского Союза...

К. Прушинский присутствовал на знаменательной встрече В. Сикорского со Сталиным, состоявшейся в Кремле 4 декабря 1941 года, которая завершилась подписанием советско-польской декларации о дружбе. Примечательны многие детали этой встречи, подмеченные очеркистом. Она происходила в один из тяжелейших моментов начального периода Великой Отечественной войны, когда немцы находились неподалеку от стен Москвы и в Кремль доносились отзвуки артиллерийской канонады. В Кремле, однако, жизнь шла своим порядком: изобилие за банкетным столом, дружеские тосты и здравицы в честь гостей, проникновенный спич Генерального секретаря за здоровьем Сикорского и других представителей польской делегации. И все эти прочувствованные слова произносились человеком, незадолго до этого отдавшим приказ о расстреле польских офицеров в Катыни. Всего этого, разумеется, не мог знать в ту пору К. Прушинский, но его глаз и слух опытного журналиста уловили налет фальши в обстановке и атмосфере этого ночного банкета.

Свидетельство К. Прушинского представляется тем более ценным, что об этой встрече в Кремле до сих пор мало что известно и в самой Польше.

В 1944 году одно из нью-йоркских издательств опубликовало книгу «Ночь в Кремле» на английском языке мизерным тиражом. О существовании ее не знали, в сущности, даже исследователи творчества писателя. Только сейчас, несколько месяцев тому назад, варшавское издательство «Руй» выпустило эту книгу в свет в обратном переводе с английского языка, и она сразу исчезла с книжных прилавков.

Иностранцам корреспондентам хорошо известно, что Белый дом и Даунинг-стрит, Палац Венеция и даже Берхтесгаден не всегда абсолютно недоступны. Немало журналистов там уже побывало, вероятно, и другие получают возможность обозреть их изнутри. Увидеть Черчилля или Рузвельта всегда было сравнительно легко, Гитлера с близкого расстояния наблюдали многие. Иностранцы журналисты знают: самое недоступное место на земле — это не Гауришанкар и не Килиманджаро, а невысокий холм посреди российских просторов, окаймленный неторопливой рекой, отрезанный от внешнего мира средневековыми стенами, где высятся мертвые церкви и опустевшие дворцы. Имя ему — Кремль.

Очень немногие журналисты прошли через ворота Кремля. И только единицы удостоились хотя бы мимолетных встреч с одним из самых могущественных в современном мире людей, человеком из легенд, с именем которого связана как мысль о верноподданных, так и о ненависти, — со Сталиным.

Мекка и Лхаса пусть остаются недоступными, их роль в нынешнем мире в сравнении с той, какую играет древний московский град, ничтожна. Встретиться с микадо или далай-ламой, возможно, не менее трудно, чем со Сталиным, но японский император всего лишь пешка в руках военных и промышленников, а далай-лама только религиозный вожак полукочевых племен. Те индивидуальные решения, которые примут микадо или далай-лама, практически не окажут влияния на судьбы мира, те же, что принимает Сталин, уже изменили ход целого ряда событий и способны изменить еще многое.

Неудивительно, что весь наш московский визит служил как бы прологом к грандиозному вечеру. Короткий и холоднодавший декабрьский день всем нам показался бесконечно длинным. Разного рода протокольные процедуры отняли массу времени, поскольку современные режимы, похоже, придают таким вещам большее значение, нежели старые.

Назавтра мы отправились на прогулку по заснеженной и украшенной сосульками Москве. Стоял действительно прекрасный, солнечный, но ничем не примечательный день. Генерала Сикорского повезли на Воробьевы горы, откуда Наполеон наблюдал пожар Москвы. Сам громадный город, со своими дымящимися по окраинам заводами, со стальной лентой рассекавшей его реки, простирался внизу. Заводские трубы придавали ему современный вид, а силуэты церквей напоминали о его древности. Над нашими головами кружили патрульные самолеты. На улицах я увидел баррикады гораздо более внушительные, чем те, которые встречал в Испании в 1936 году, в Англии в 1940-м либо где-то еще. Но здесь они были замечены снегом, напоминала груду старой мебели.

Около восьми вечера мы вышли из генеральских апартаментов. Машины уже ждали нас возле гостиницы в полной темноте. Недавно реконструированные улицы были абсолютно пусты. Город представлялся вымершим, так как приказ о затенении скрупулезно выполнялся. Кремль теперь казался совсем близким, более загадочным, средневековым и азиатским, нежели днем. Странные очертания его башен, удивительная фактура стен — как бы цвета сени — и все это на серебристом фоне озаренного лунным светом снега. Наши машины понеслись по пустынным улицам и не останавливались, пока не достигли напоминавшей с виду готическую башню, которая находилась метрах в ста от Кремля; то были первые ворота. Мы притормозили, часовые проверили у нашего шофера пропуск. Мощный свет фонаря обшарил кабину, медленно и старательно обследуя каждый угол. Затем мы проехали по мосту, переброшенному через древний ров. Последовала еще одна башня, вторые ворота и новая проверка, не менее тщательная, чем первая. Беспумный сноп света добрую минуту обыскивал внутреннюю часть машины. Когда мы двинулись дальше, до наших ушей донесся гул моторов неразличимого в темноте эскорта мотоциклистов, сопровождавших нас, подобно демонической страже.

Мы въехали на возвышение, что заняло всего несколько секунд. Машины остановились, рокот мотоциклов смолк.

Неожиданно огромные двери перед нами распахнулись, зарево ослепительного света рассеяло тьму. То было истинное буйство огней. В ярком сиянии мы узрели громадную высокую лестницу, всю в позолоте и белизне. Посредине ее, словно пурпурный поток, ниспадал красный ковер. Сяющие плафоны и лампы придавали помещению сходство с Парижской оперой. По обе стороны лестницы безмолвно застыли агенты НКВД. Мы находились в вестибюле Большого Кремлевского дворца. Это была только увертюра к спектаклю. По бокам вестибюля тянулись гардеробные, способные вместить одежду тысячи людей, облицованные темным деревом, которое поглощало яркий свет, делая его более естественным. Возле громадных зеркал лежали щетки для чистки платья и для волос. Меня это удивило, поскольку манера выкладывать щетки — скорее, английский обычай, редко практикуемый на континенте, тем более в России. Но подобный элемент культуры современной Англии в мрачном дворце Ивана Грозного воздействовал на меня крайне ободряюще.

Покинув вестибюль, который подавлял нас своими огнями и пропорциями, мы могли дать отдых нашим глазам. Большой Кремлевский дворец неоднократно перестраивался, страдая от пожаров, так что некоторые его части давно утратили свой самобытный характер. Екатерина Великая, хотя и объявила Петербург своей резиденцией, решила придать византийской и ориентальной оболочке дворца некоторые черты французской архитектуры XVIII века. Она распорядилась перестроить Большой Кремлевский дворец в стиле Людовика. Вскоре здесь произвели еще несколько менее удачных переделок. Первый зал, в который мы вошли, перестроили значительно позже и с большим вкусом уже при Сталине. Это зал заседаний Верховного Совета СССР. Он смахивал на одну из тех фешенебельных гостиниц на изысканных курортах, где жизнь длится лишь несколько недель в году, а потом все погружается на многие месяцы в глубокий сон.

Последующие покои мы миновали так быстро, что с трудом отыскали бы дорогу назад. Эти помещения поочередно напоминали викторианские дворцовые гостиницы, пустые коридоры в холодных ведомственных строениях и старинные салоны, затерявшиеся в просторных сельских усадьбах. По мере того как мы продвигались вперед, Большой Кремлевский дворец становился все более величественным, заставившие фигуры сотрудников НКВД в сером, невыразительном обмундировании, в белых фетровых бурках возникали все в большем количестве. Они поглядывали на нас с безразличным, лишенным всякого любопытства равнодушием.

Наконец мы остановились под широким сводом, полным золота и света. Массивные лампы сверкали хрусталем. Длинные белые столы были заставлены стеклянной и серебряной посудой, алыми цветами. Виднелись колонны из голубого мрамора или малахита. Перед нашим взором предстала красочная, богатая, исполненная пышности картина. Затем по верху голов генералов Сикорского, Андерса, посла Кота, предводительствовавших нашим кортежем, я заметил группу мужчин. Они приближались к нам через анфиладу комнат с другой стороны банкетного зала.

Они шли, сбившись вместе, по крайней мере, так казалось, издали напоминая прибывших на смену рабочих. Большинство были в темной одежде, так что фигура коренастого, среднего роста мужчины в светлом костюме, застегнутом по самую шею, выглядела особенно представительно. Большие темные усы, седые, коротко стриженные надо лбом волосы — Сталин...

Посол Кот поочередно представил нас, а Вышинский добавил по-русски несколько слов. Я не обратил внимания на представление моего предшественника и растерялся, когда прославленный муж пожал мою руку и просто назвал себя: «Сталин». Я не знал, следует ли и мне произнести свою фамилию, о которой Сталин, естественно, был менее наслышан, чем я о его. Моя растерянность характерна для смешения непринужденности и помпезности, царивших в Кремле в этот вечер.

Позже мы обменялись рукопожатиями с людьми, с которыми никогда не встречались, чьи лица, однако, нам были хорошо знакомы. Портреты членов могущественного Политбюро, украшающие стены множества учреждений от Одессы до Владивостока, портреты, которые несут во главе первомайских колонн и публикуют на первых страницах «Правды», «Известий», вдруг ожили, заговорили. В этом зале пребывали все боги атеистической Вальгаллы и красного Олимпа, которые являются раз в году толпе в священной Мекке — Москве, на Красной площади, возле гробницы пророка Ленина. Гитлер мог бы поправить свои дела, если бы этой ночью нанес удар непосредственно сюда...

Случилось так, что я стоял рядом с генералом Андерсом, который оказался, пожалуй, самым высоким среди присутствующих. Он выполнял роль переводчика в польско-русской беседе, завязавшейся между Сикорским и Сталиным. Через минуту Молотов и Вышинский занялись генералом Сикорским, а Сталин завел разговор с послом Котом. «...Случалось порой, — сказал Сталин, — что некоторые народы вытеснялись со своих исконных мест. Вот, например, Восточная Пруссия. Я считаю, что одна половина Восточной Пруссии была заселена поляками, другая — литовцами».

Посол Кот, явно возвращаясь к началу их разговора, спросил Сталина, что станет после войны с серболоужичанами. Это, насчитывающее несколько тысяч человек славянского племени живет в центре нынешней Германии, к югу от Чехословакии. Целая резервация славян на их древних землях, захваченных немцами. В 1919 году судьба лужицких сербов явилась предметом бесед в Версале, довольно значительный интерес проявлял к ним чехи. Сталин, однако, если и знал об этих славянах, не казался особенно заинтригованным их судьбой. Увы, именно тогда, когда разговор благодаря замечанию Сталина о Восточной Пруссии стал сворачивать в более занятую колею, меня отозвал в сторону один из сотрудников нашего посольства. В соседней комнате завершали работу над текстом советско-польской декларации о дружбе и взаимной помощи. Я был зол, что приходится исполнять свои диплома-

тические обязанности как раз в тот момент, когда с журналистской точки зрения возникла заманчивая ситуация. С другой стороны, однако, я никогда не попал бы сюда в качестве репортера, а если бы и попал, то только в многолюдной толпе.

По возвращении, прежде чем занять место за столом, я имел очередную возможность приглядеться к одному из крупнейших из ныне здравствующих государственных деятелей. Я всегда считал, что даже несущественные с виду детали имеют определенный смысл, когда речь идет о незаурядной личности. Старый интерес к пустым мелочам из жизни известных людей, некогда поддерживавшийся с помощью слухов, а ныне через посредство прессы, не кажется мне таким уж бессмысленным, как можно поначалу подумать. Анекдоты, склонности, привычки часто выявляют правду о человеке. Из-за отсутствия другой информации они могут помочь в воссоздании характера человека, склада его ума. Это работа для постижения и реконструкции целого по деталям. Трудно представить себе, чтобы в ту ночь я нашел себе лучшее занятие, чем наблюдать за диктатором нынешней красной России на фоне старинных кремлевских строений. Непостижимость обоих объектов только обострила мое любопытство.

Я наблюдал за Сталиным несколько минут. Он говорил мало и спокойно. Внимательно слушал. Время от времени оставлял собеседников, предпочитая курить в стороне, в одиночестве. Никто не решался нарушить его молчание. Сталин всегда сам его прерывал. Шуткой или замечанием, адресованным кому-либо поименно. Лицо, к которому он таким образом обращался, обменивалось с ним репликами, после чего Сталин возвращался к своему гостю — Сикорскому.

Его манера поведения, характеризовавшаяся простым умением представлять: «Сталин», казалась скромной, лишенной претенциозности, но впечатление на тех, кто его окружал, он производил такое, какое гигант оказывал на пигмеев либо Бог на простых смертных. Они видели только его, хотя на него и не глядели, думали о нем даже тогда, когда говорили о чем-нибудь постороннем. Чувствовалось, что в любой момент они готовы выполнить его приказы. Сам Сталин, казалось, был человеком, который жаждал, чтобы его мысли и желания угадывались до того, как они окончательно у него созреют, дабы такие распоряжения отдавать не требовалось...

В соответствии с утверждением французов, что одежда характеризует человека, Сталин был в своем обычном платье: застегнутый на последнюю пуговицу китель, брюки, заправленные в широкие русские голенища. Глаз подмечал некоторые вещи, не зафиксированные на фотографиях. Одежда вояды, с виду хотя и простая, отличалась безукоризненным покроем. Бежевый материал его костюма был, разумеется, высшего сорта и качества. Брюки, пусть и заправленные по русскому обычаю в сапоги, оказались превосходно отутюженными, а сами сапоги отлично сшитыми. Даже его тщательно ухоженные крепкие руки сохраняли сую экспрессию. Во всем этом сказывался уже преувеличенный педантизм. Один из моих друзей, который жил в Берлине и несколько раз видел Гитлера, рассказывал мне, что его костюм выглядел так, словно тот приобрел несколько предметов в магазине готового платья, не побеспокоившись придать им нечто единое. Никто не смог бы сказать такого о Сталине.

Наконец пригласили к столу. Я легко обнаружил свою визитную карточку, которую с безошибочным инстинктом искал на менее представительной половине стола. Сталин сел с другого конца, и я мог продолжать свои наблюдения. По правую руку от него восседал генерал Сикорский, слева — посол Кот, Молотов — напротив. Моими соседями оказались советские генералы. Один из них — Жуков — был важной персоной, генералу Андерсу приходилось решать с ним немало проблем.

Стол сервирован был с изысканной простотой; на великолепных скатертях голландского полотна я заметил тарелки из гостиницы «Москва» — старые и уже несколько поблекшие изображения виноградных гроздьев и листьев. То был сервиз петроградского императорского фарфорового завода. Только царские монограммы оказались разными. Некоторые имели увенчанную царской короной монограмму НИ, последнего самодержца Николая II, другие тарелки украшала монограмма А III, приводившая к мысли о страшном бородатом исполнене Александре III. В центре стола водрузили старинные хрустальные графины и массивные серебряные кувшины изумительной работы. Столовые же приборы были современными, с изображением серпа и молота. Перед каждым из нас лежало меню, отпечатанное по-русски и по-французски. Любопытный гость имел также собственную тарелку с закусками и бутылки с различными алкогольными напитками.

Всегдашняя международных банкетов обед в Кремле наверняка не показался бы нудным или монотонным. Между обслуживающими стол официантами я опознал нескольких из гостиницы «Москва». Разумеется, это не гостиница в полном смысле слова, но специальный правительственный гостинный двор, зарезервированный для избранных. Официанты не носили никаких ливрей, только белые пиджаки стюардов. Некоторые говорили по-французски...

Настал наиболее подходящий момент для осмотра зала перед выступлением, между подачей первой и второй партий икры. Екатерининский зал, в котором мы находились, принадлежал к французской части Большого Кремлевского дворца. Зал завершался богатым сводом из позолоты и алебаstra в стиле рококо, стены его были обиты уже несколько выцветшей клубничного цвета тканью...

После супов пришла очередь мясных блюд, дичи, рыбы — все в широком выборе. Первые бутылки сменились последующими, рюмки наполнялись вновь и вновь. Беседа становилась громче, подкрепляемая свободной жестикой, чаще всего завершаясь взрывами смеха. Быстрее остальных достигли взаимопонимания польские и русские офицеры.

Мне запомнились лишь немногие из бесчисленных тостов, произносившихся во второй половине банкета. Они — своего рода отдельные вкрапления в пышную и переслащенную картину этого странного роскошного пиршества, где на пролетарскую простоту накладывалась тень, которую отбрасывала умершая империя, ведь само пиршество происходило где-то на рубеже между Европой и Азией. Молотов говорил, не замолкая, неутомимый в произнесении очередных тостов в честь всех польских гостей. Последний из этой серии был произнесен в честь молодого поколения польских офицеров. Молотов провозгласил его, адресуясь к единственному польскому офицеру низкого ранга, ротмистру Климовскому, адъютанту генерала Андерса. Неожиданно отличенный герой, типичный офицер-кавалерист, был невероятно удивлен, услышав свою фамилию в официальном тосте: А он, несомненно, этого заслуживал. Ведь два месяца назад Климовский в качестве политзаключенного пребывал на Лубянке, теперь

ротмистр находился в той же Москве, но в Кремле, сидя в полном обмундировании за одним столом с властителями Советской России и польскими министрами, приветствуемый здравницей российского премьера Молотова. Чуть многовато для бравого ротмистра! Окончание тоста повергло офицера в еще большую растерянность, ибо Молотов протянул рюмку в его сторону. Согласно ресторанным обычаям это означало, что Климовский должен чокнуться с советским премьером. Он же находился по меньшей мере на расстоянии двенадцати стульев от Молотова и вынужден был, поднявшись, проследовать через весь зал. Едва начав свой церемониальный марш, Климовский столкнулся с новой проблемой. Сталин тоже встал со своего места и сделал несколько шагов по направлению к Климовскому. Зрелище было тяжелое. Сталин находился на противоположной стороне стола, и перед Климовским возникла дилемма: продолжить ли начатый путь или повернуть и проследовать к Сталину? Он избрал последнее, и я увидел, как бравый ротмистр осторожно, может быть, даже робко следует по скользкому, наощенному паркету к Сталину и чокается с ним. Затем в своих сапогах кавалериста, которые на этом обеде ни у кого не вызвали удивления, начинает новый вояж вокруг стола, в сторону Молотова. После всего этого наш друг мог благополучно возвратиться на свое место, что он и сделал, вероятно, с немалым облегчением.

Кульминацией вечера, разумеется, явилось выступление Сталина. Его манера говорить была столь же необычной, как и он сам. Сталин — оратор своеобразный, прибегающий к специфическому методу. Он сам задает себе вопросы, сам же на них отвечает, прибегая к образным примерам и случаям... Он занимался отношениями между Польшей и Россией. «Возникло», говорил он, — немало ссор, конфликтов, взаимных претензий. Было время, когда поляки оккупировали Москву, позже русские заняли Варшаву...» «Хорошо», — поддал реплику Кот, который, как историк, знал события, связанные с оккупацией Москвы поляками в XVII веке. — Поляки пробыли в Москве лишь несколько месяцев, зато русские удерживали Польшу в своих руках свыше ста лет. Почему вы так долго оставались на нашей земле?»

Тогда Сталин перешел к двум темам, к которым, как говорят, он питал особую слабость: к периоду своей революционной юности и к Ленину.

«Русские не понимают», — сказал он, — ранимости поляков, столь настрадавшихся от царизма, — они научились ненавидеть все, связанное с Россией. Я сам этого не осознавал, но Ленин понимал суть вопроса. После этого он рассказал нам историю, которую мы выслушали в полной тишине:

«Поляки помогли мне пересечь границу между российской и австрийской частями Польши незадолго до 1914 года. Я тогда навещал Ленина, скрывавшегося в Южной Польше. Он понимал поляков. Я — нет. Однажды, когда я ехал через Галицию, поезд остановился на станции в обеденную пору. Будучи голоден (в моем распоряжении имелось четверть часа), я отправился в ресторанчик и заказал обед. Сел за стол и стал ждать. Моего соседа справа обслужили, второго слева тоже, а меня нет. Даже явившиеся значительно позже меня люди получили свою еду, а я по-прежнему — нет. Делалось это явно сознательно. Наконец минуты за две до отправления поезда мне подали тарелку супа. Как грузин с пылким темпераментом, я швырнул две австрийские кроны на стол, перевел тарелку и, голодный, покинул ресторан. В Закопане я рассказал Ленину об этом инциденте, обвиняя поляков. Ленин, выслушав мой рассказ, спросил: «А на каком языке ты говорил?» — «По-русски, конечно».

Тогда Ленин начал смеяться. Он долго потешался надо мной. «Ты не понимаешь таких вещей. Разве ты не видишь, что после всего, что поляки натерпелись от наших захватчиков, они должны ненавидеть русский язык? Как и у любого, подвергавшегося репрессиям народа, у них справедливый повод для предубежденности. Вот почему ты оказался в числе последних, которых обслужили».

Я усвоил, — закончил Сталин свой тост, — урок Ленина относительно ранимости других народов и уважения к ним. Вот почему ныне я поднимаю тост за генерала Сикорского и его соратников, наших гостей, за их успех, за честь славной польской армии и за освобождение Польши от врага. Польша после войны станет более могущественной, чем когда-либо раньше».

Это был конец банкета. Десерт по русскому обычаю подавался в другом помещении, в большом салоне, меблированном в стиле Людовика — Филиппа. Двуглавый царский орел по-прежнему простирал свои черные крылья над золочеными дверными рамами между смежными залами. Польские и советские дипломаты снова затеяли банальный спор относительно формулировок советско-польской декларации, которую предстояло подписать. Декларация, строго говоря, вовсе не являлась международным договором. Она единственно в общей форме подтверждала нормализацию отношений между обоими государствами. Тем не менее формалисты с той и с другой стороны упорствовали по поводу чисто литературных деталей. Я вынужден был уладить этот вопрос с Молотовым. Выслушав тех и других, он отдался общему течению своих воспоминаний: «Ах, когда мы подписывали пакт с Германией...»

Он, естественно, имел в виду известный пакт Молотова — Риббентропа, подписанный в Кремле 23 августа 1939 года, что не служило для нас особенно приятным напоминанием. Я прервал его и заметил: «Не кажется ли вам, господин народный комиссар, что советско-германское соглашение — не самый удачный пакт, подписанный Советским правительством?»

Молотов, который обронил подобное замечание, разумеется, безо всякой задней мысли, без осознания того, сколь деликатной материи он коснулся, принялся разуверять меня, движимый добрыми побуждениями.

«И кроме того», добавил я, — будем надеяться, что нынешний наш договор окажется долговечнее, чем тот, что подписал господин Риббентроп...»

Последние литературные неувязки были уточнены, настала пора подняться со своих кресел. Мы последовали к темной бездне нескончаемых залов Большого Кремлевского дворца, откуда ранее появились члены Политбюро для встречи с нами в Екатерининском зале.

Революция никогда не проникала за эти стены. Старинная мебель в стиле Людовика XVI, потемневшие полотна голландских мастеров, чуть тусклые венецианские зеркала в золоченых рамах — все прозябало здесь в тоске запустения. Эту крупнейшую резиденцию, возведенную ценою огромных затрат, новые поколения престолонаследников впоследствии покинули, предпочтя ей менее старинные и менее великолеп-

ные дворцы. За сто с лишним лет до Октябрьской революции двор оставил Большой Кремлевский дворец ради санкт-петербургских палат. Революция вернула Москве статус столицы, но не смогла вернуть Кремлю великолепия первых Романовых. Здесь по-прежнему находилась царская мебель, но лишь вооруженные до зубов агенты НКВД, не приметные на фоне громадных мрачных покоев, являли собой новую власть. Простота наверняка никогда не была отличительной чертой русской архитектуры. Преодолев бесчисленные залы и салоны, мы миновали странные коридоры, лестницы, пассажи с неожиданными поворотами и скрытыми дверями, наверняка более древние, чем версальская часть дворца, возможно, ведущие свое начало от старой Москвы, Москвы бояр допетровской эпохи. Это был лабиринт не менее загадочный и зловещий, чем лабиринт Минотавра.

Позже мы вернулись к современности, очутившись в небольшой комнате с белым экраном и глубокими, мягкими креслами. Сталин сел рядом с генералом Сикорским, Кот возле Молотова, прочие заняли оставшиеся места. Прислуга подала сигары, кофе и сладкое. Сталин и Сикорский переговаривались над белым листом картона. То была не карта, не проект международного соглашения, а программа киносеанса. Свет погас, и мы увидели на экране кадры кинохроники, эпизоды недавнего октябрьского парада в Москве, выступления Сталина, а позже — приезд Сикорского в Россию и его встречи в Куйбышеве и в самой столице...

Большевики с их обычными амбициями поспеть за американскими темпами запечатлели самые последние события, демонстрируя нашу делегацию на экране вплоть до начала нынешнего банкета, практически до той минуты, когда мы вошли в этот проекционный зал. Кремль немногому может поучиться у Голливуда, по части звуковых эффектов он даже превзошел его, поскольку едва мы заняли свои места и стали смотреть хронику, как услышали отдаленный вибрирующий отзвук: уу-х, уу-х...

Голоса и шум банкетного зала уже смолкли, поэтому мы слышали грохот очень отчетливо. После трехлетнего опыта мы безо всякого труда распознали его природу и многозначительно переглянулись, хотя демонстрация фильма продолжалась. Фронт как-никак находился на расстоянии не более 15 миль, а немцы в этот день с особым упорством лезли на Москву. Тяжелые орудия грохотали всю ночь, и артиллерийский гул сотрясал толстые стены Кремля, проникая в личный кинозал Сталина.

Близилась полночь, когда мы поднялись со своих мест и начали обратный путь к главному входу, минуя старые помещения, теперь еще более безжизненные и сонные, нежели по дороге сюда. Стол в Екатерининском зале был убран, и жизнь, которой он был полон минуту назад, говор пиришества и аромат блюд уже улетучились, что сделало его таким же мертвым, как и весь остальной дворец. Только лампы в нижнем вестибюле сияли столь же ярко, как и прежде, а о близости выхода свидетельствовало возросшее число вооруженных и неподвижных стражей, выстроившихся вдоль всего нашего маршрута.

Ночь не казалась уже такой темной, как вначале. Полная луна висела высоко в небе. Вид Москвы-реки в ее гранитном русле, спящего, опустевшего города и белых улиц под снежным покровом казался нереальным и фантастическим. Для подписания советско-польской декларации нам предстояло перейти в другой кремлевский дворец, где располагался личный кабинет Сталина. Он находился совсем близко, чтобы пользоваться машинами. Приятно было пройти по кремлевским дворам, глубоким и темным, словно каньоны, между церквями, часовнями и соборами. Все эти храмы оказались на заборе и явно не использовались по назначению, иные были превращены в музеи. Видимые в некотором отдалении, они придавали Кремлю подобие города-видения из сказок «Тысячи и одной ночи». С близкого расстояния они казались более реальными и четкими, но не менее фантастическими. Было нечто грозное и зловещее, величественное и меланхолическое в этом дворцовом святилище религии, удел которой погибнуть в священном месте, обреченном на молчание. В лунном свете, на искрящемся снегу, под черным как смола небом Кремль с его соборами казался легендарным городом, погруженным в воду заклятием чародея и только время от времени показывающим верхушки своих колоколен из-под толщи вод темного волшебного озера. То не был уже тот же самый Кремль — Кремль Верховного Совета и Сталина. Или Кремль Екатерины Великой и французского дворянства и даже не древний кремлевский лабиринт московских бояр. Это был застывший, загадочный город, священный, как Лхаса, Мекка или мертвые города пагод и храмов Индокитая. Он обрел все свое величие как колыбель культуры, быть может, еще обогащенной драматизмом истории.

Мы поднялись на лифте, а Сталин встретился с нами уже там, наверху. Он не пришел вместе с нами из Большого Кремлевского дворца, но, несмотря на это, опередил нас. Как? Тайна. Секрет — это традиция Кремля, традиция России, традиция советской власти. В просторном кабинете с двумя большими конференц-столами, со стенами, увешанными картами, свернутыми и развернутыми, как оконные занавески, нас ожидали фоторепортеры, а также документы, уже готовые для подписи. Государственные мужи приложили свои стило к бумаге, сверкнули блицы, церемония завершилась.

Наши хозяева простились с нами внизу, где мы сели в машины. Под шум моторов я погрузился в раздумья, отдавая себе отчет в том, что за пределами этого, окруженного красными стенами прямоугольника существует другая жизнь, менее уединенная и величественная, менее интенсивная и загадочная, менее захватывающая и более заурядная. Ночь в Кремле завершилась, завершилась и сказка Шехерезады. Погружаясь в сон в моем уютном современном гостиничном номере, я испытывал подсознательное чувство удовлетворения от того, что я это видел, что я в этом участвовал и что со всем этим покончено. Я чувствовал себя как зритель, который поднимается со своего кресла после великолепного драматического спектакля, отлично сыгранного и поставленного, и который испытывает удовлетворение, что он, однако, не должен жить во дворце леди Макбет или же в Эльсиноре Гамлета.

В предисловии к Отчету Комиссии Уоррена сказано: «Президент Линдон Б. Джонсон приказом учредил настоящую Комиссию с целью расследования совершенного 22 ноября 1963 г. убийства Джона Фицджералда Кеннеди, 35-го президента Соединенных Штатов.

Объектом исследования Комиссии была цепь событий, которые потрясли народ Соединенных Штатов и весь мир. Через час после убийства президента Кеннеди и одновременного ранения Джона Б. Коннэли (губернатора штата Техас) последовало убийство патрульного полицейского Дж. Д. Типпитта. Как в Соединенных Штатах, так и за границей эти события вызвали всеобщие требования разьяснения случившегося.

Немедленно после убийства президента официальные лица употребили все средства, чтобы обнаружить и арестовать убийцу. Секретная служба США, несущая ответственность за охрану президента, и ФБР начали следствие. В течение 35 минут, последовавших за убийством патрульного полицейского Типпитта, далласская полиция арестовала Ли Харви Освальда по подозрению в совершении этого преступления. На основании улик, предъявленных федеральными, штатными и местными учреждениями, штат Техас (в течение 12 часов после ареста) привлек

Освальда к суду по обвинению в убийстве президента Кеннеди и патрульного полицейского Типпитта. 24 ноября 1963 г., меньше чем через 48 часов после ареста, Освальд был смертельно ранен в подвале здания полицейского управления Далласа Джэком Руби, владельцем ночных клубов в Далласе. Это убийство произошло на глазах многочисленных зрителей телевизионной программы, передававшейся по всей стране.

Потрясенный народ, охваченный горем в связи с гибелью своего молодого президента, с ужасом следил за событиями этих двух дней. Известия о случившемся с многочисленными подробностями распространились по всему миру. Зарождались всевозможные теории и предположения относительно убийства». Заканчивая публикацию материалов Комиссии Уоррена, «Совершенно секретно» не ставит точку в «деле Кеннеди». В нем многое до сих пор еще остается тайной.

УБИЙСТВО ПРЕЗИДЕНТА

Последний миг прощания с Президентом, мужем, отцом

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И СЛУХИ

Драматические убийства живут в истории, окруженные мифами. Слухи и предположения, порожденные убийством Авраама Линкольна, до сих пор всплывающие в печати, в большинстве своем возникли в первые же месяцы после его смерти. Стоит только элементу тайны вкрасться в подобные драматические события истории, как возникают представления, уводящие от истины, порожденные чаще всего сенсационными догадками.

Комиссия расследовала всевозможные гипотезы, слухи и теории, возникшие вокруг трагических событий 22—24 ноября 1963 г. Установлено, что суждения общественности об этих событиях складывались, по крайней мере до известной степени, под влиянием всех этих догадок.

Отчасти из чувства искреннего недоумения, отчасти же под влиянием неверных сообщений возникло множество сомнений относительно подлинного характера стремительно развивавшихся событий этих трех дней. В большинстве своем теории, предположения и попытки общественности реконструировать эти события вращались вокруг следующих вопросов: был ли в действительности Ли Харви Освальд убийцей президента? Почему он убил президента? Имел ли он соучастников? Почему Руби застрелил Освальда?

Многие из тех людей, которые видели убийство президента, или смерть Освальда, или же находились вблизи тех мест, где произошли эти события, послужили главным источником всевозможных и часто противоречивых сведений. Этому легко найти объяснение: люди в подобной обстановке видят и слышат далеко не одно и то же, толкуют по-

разному увиденное и услышанное ими; многократно рассказывая о том, чему им пришлось быть свидетелями, они невольно меняют свои истории. Нужно еще иметь в виду и то, что после событий, наблюдаемых ими, они через различное после этого время подвергались опросу разными людьми и часто в обстоятельствах, которые делали для них задачу точных показаний чрезвычайно затруднительной.

Многие теории, крепко внедрившиеся в той или иной форме после 22—24 ноября, зачастую были созданы людьми обычно весьма добросовестными. Некоторые из этих ошибочных суждений явились попросту результатом неосведомленности о происшедшем. К числу таких могут быть причислены высказывания, приписываемые врачам больницы Парклэнд Мемориал, находившимся при умирающем президенте и позже давшим прессе описание его ранений. Задачей вскрытия, которое было произведено утром на следующий день в Вашингтоне, было установить в полном объеме факты, относящиеся к ранам, нанесенным президенту. Исправление первоначальных фактических неточностей на основании более позднего и точного анализа или исследования является нормальным элементом процесса накопления следственных доказательств.

УБИЙЦА

Теории, имеющие тенденцию утверждать, что Освальд не мог быть убийцей президента Кеннеди, основываются на значительном разнообразии голословных утверждений. Среди них имеются заявления, что Освальд не мог быть знаком с маршрутом автомобильного кортежа перед приходом на работу 22 ноября, что, возможно, он действительно

привез палки для занавесок, завернутые в пакет из коричневой бумаги, а отнюдь не винтовку; что в здании могли быть другие люди, стрелявшие из винтовки; что Освальд за столь короткое время не мог произвести выстрелы; что он не был достаточно хорошим стрелком, чтобы попасть в свою мишень из этой винтовки; что, когда он предстал перед полицейским в столовой, там находились другие люди и что нет очевидцев, видевших Освальда в окне. Каждое из этих предположений рассматривается ниже в свете полученных Комиссией свидетельских показаний и фактов.

Предположение. Освальд не мог до прихода на работу 22 ноября знать маршрут автомобильного кортежа.

Заключение Комиссии. Маршрут автомобильного кортежа был опубликован в обеих далласских газетах 19 ноября и был поэтому известен по крайней мере за трое суток до того, как Освальд пришел на работу 22 ноября. После этого он не подвергался никаким изменениям. Маршрут указывал автокортежу путь с Мэйн-стрит на Хьюстон-стрит и затем на Элм-стрит и дальше налево по ней.

Предположение. Естественный и логичный маршрут вел бы прямо по Мэйн-стрит, через Тройной виадук к шоссе Стемонс. Можно было также проехать от Мэйн-стрит по дороге, идущей на соединение с шоссе Стемонс, проехав под Тройным виадуком.

Заключение Комиссии. Естественный, прямой и единственно доступный путь к шоссе Стемонс от Мэйн-стрит ведет через Хьюстон и Элм-стрит. Всякая попытка попасть на дорогу, соединяющую Мэйн-стрит с шоссе Стемонс, проехав Тройной виадук, была бы очень затруднена из-за бетонного барьера, разделяющего Элм-стрит и Мэйн-стрит. Подобная попытка привела бы к необходимости делать, по окончании бетонного барьера, поворот в форме буквы S под очень острым углом и этим самым

крайне замедлить движение президентского автомобиля.

Предположение. Легко могло статься, что Освальд действительно вез с собой палки для занавесок, завернутые в коричневую бумагу, когда 22 ноября его видели приехавшим на работу с пакетом, ибо он жил в комнате, где они ему были нужны.

Заключение Комиссии. По заявлению г-жи Джонсон, квартирной хозяйки Освальда на Норт-Бекли-авеню, дом 1026, в то время, когда Освальд у нее жил, комната имела жалюзи, палки для занавесок и занавески. Палки для занавесок в гараже Пэйн, принадлежащие г-же Пэйн, оставались на месте, когда Освальд уехал 22 ноября на работу. Г-жа Пэйн и Марина Освальд показали, что Освальд не говорил им о палках для занавесок. После убийства близ окна, откуда были произведены выстрелы, была найдена пустая упаковка, но никаких палок для занавесок не обнаружено.

Предположение. Освальд провел утро 22 ноября в обществе других рабочих в здании и оставался с ними до тех пор, пока они не ушли вниз смотреть на проезжающего президента, очевидно, не позже 12 ч. 15 м. дня.

Заключение Комиссии. Освальд утром не находился в обществе других рабочих в здании, и другой служащий Чарльз Гивенс видел его последним перед убийством президента около 11 ч. 55 м. утра на шестом этаже.

Предположение. Любительская 8-миллиметровая фотография, снятая в 12 ч. 20 м. полудни, т.е. за 10 минут до убийства президента Кеннеди, показывает два силуэта в окне шестого этажа склада учебников.

Заключение Комиссии. Фильм, снятый перед самым убийством президента любителем-фотографом Робертом Дж. Э. Хьюзом, показывает тень в юго-восточном угловом окне шестого этажа. Исследование, проведенное ФБР и отде-

лом фоторасшифровки Морского министерства США, показало, что эта тень отброшена картонными ящиками, находящимися близ окна.

Предположение. Снимок, помещенный во многих газетах и журналах после убийства, показывает Ли Харви Освальда стоящим на ступеньках главного входа в здание Техасского склада школьных учебников как раз перед тем, как автомобильный кортеж президента проследовал мимо.

Заключение Комиссии. Человек на ступеньках главного входа в здание был не Ли Харви Освальд, как некоторые утверждали или думали, а немного похожий на него Билли Лавлэди, служащий Техасского склада школьных учебников. Лавлэди узнал себя на фотографии, и другие служащие склада, стоявшие с ним, подтвердили, что именно он является человеком на фотографии и что Освальда там не было.

ОСВАЛЬД В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Когда Освальд был арестован, тот факт, что он более двух с половиной лет прожил в Советском Союзе, вызвал предположение, что он является агентом Советского Союза или в какой-либо форме связан с ним. Эти предположения подкреплялись ссылками на якобы исключительные льготы, предоставленные ему Советским правительством при въезде в страну и выезде из нее, особенно при выезде, потому что его русской жене с их ребенком было разрешено уехать вместе с ним.

Заслуживающих доверия данных, говорящих о том, что Освальд был агентом Советского правительства, не имеется, как нет доказательств тому, что ему были предоставлены необычные привилегии при въезде в СССР или выезде, или при возвращении в США.

Предположение. Молодой солдат Корпуса морской пехоты не мог в 50-х годах изучать марксизм, учиться русскому языку, читать советские газеты без того, чтобы не возбудить враждебное к себе отношение в своей части.

Заключение Комиссии. Хотя интерес Освальда к Советскому Союзу был хорошо знаком, его увлечение марксизмом было, по-видимому, известно лишь немногим из его сослуживцев по Корпусу морской пехоты. Во время нахождения его части в Калифорнии он изучал русский язык. В феврале 1959 г., еще находясь в морской пехоте, он держал экзамен по русскому языку и получил отметку «плохо». Примерно в это же время в Калифорнии он, очевидно, читал советские газеты. Реакция его товарищей по военной службе, знавших об его увлечении марксизмом и Советским Союзом, по-видимому, не была враждебной и не мешала этим его интересам.

Предположение. Возможно, что еще до приезда в СССР в 1959 г. Освальд уже имел связи с советскими агентами, потому что его прошение о выдаче визы было рассмотрено и удовлетворено в необычно короткий срок.

Заключение Комиссии. Нет никаких доказательств, что Освальд до приезда в СССР состоял в связи с советскими агентами. Время, затраченное им в Хельсинки на получение визы для въезда в Советский Союз, было меньше обычного, но в пределах нормального срока для выдачи подобных виз. Если бы Освальд был завербован в качестве советского агента в бытность его в Корпусе морской пехоты, то маловероятно, чтобы его стали поощрять к переходу. Для русской разведки он был бы гораздо полезнее в качестве оператора радара в морской пехоте США, чем в качестве перебежчика.

Предположение. Советские власти не доверяли Освальду, что видно из того, что его послали на радиозавод в Минск в качестве неквалифицированного рабочего с низкой оплатой, в то время как он имел квалификацию опытного техника по радару и электронике.

Заключение Комиссии. Советское правительство, очевидно, относилось с подозрением к Освальду, как это могло бы быть по отношению к любому американцу, явившемуся в Москву и заявившему, что он хочет жить в Советском Союзе. При этих обстоятельствах яв-

ляется естественным, что его поставили в положение, когда он не соприкасался с военными секретами страны. К тому же в морской пехоте Освальд был не техником, а всего лишь оператором у радара. Его общий доход в России был выше нормального, ибо он получал около года дополнительные денежные субсидии от советского Красного Креста, являющегося органом Советского правительства. Освальд считал, что в действительности эти платежи шли от МВД. Советское правительство считает политически выгодным субсидировать перебежчиков с Запада, оседающих в СССР, с тем чтобы их жизненный уровень не был слишком низким по сравнению с предшествующими условиями их жизни в их собственных странах.

Предположение. Освальд обучался в Минске в специальной школе для убийц.

Заключение Комиссии. Следствие, проведенное Комиссией, не нашло подтверждений этому заявлению или указаний на то, что подобная школа существовала в Минске в период пребывания там Освальда. Освальд был членом охотничьего клуба, расположенного в окрестностях Минска, но нет данных, которые говорили бы о том, что это было нечто иное, а не просто охотничий клуб.

Предположение. Отец Марины Освальд был ответственным сотрудником советского разведывательного аппарата.

Заключение Комиссии. Отец Марины Освальд умер, когда она была еще младенцем. В данном случае, очевидно, имеется в виду ее дядя, Илья Прусаков, занимающий руководящий пост в лесной промышленности. Этот пост давал ему звание подполковника или полковника в Министерстве внутренних дел. С 1953 г. МВД более не занимается делами внутренней безопасности и не несет каких-либо полицейских функций.

КОНСПИРАТИВНЫЕ СВЯЗИ

Слухи о заговорах, соучастниках и заговорщических связях соединили имена Освальда, Руби и других, включая полицейского Дж. Д. Типпита (застреленного Освальдом час спустя после покушения на президента), генерала Эдвина А. Уокера, Бернарда Вайсмана из несуществующего Американского комитета по установлению фактов. Комиссия произвела интенсивное расследование прошлого Освальда и Руби, чтобы установить, знали ли они друг друга или были вовлечены в какой-либо заговор друг с другом или с другими лицами. Комиссия не нашла никаких заслуживающих доверия доказательств в подтверждение слухов, соединяющих Освальда и Руби непосредственно или через третьих лиц. Комиссия пришла к заключению, что они не были связаны конспиративными отношениями ни друг с другом, ни с третьими лицами.

Предположение. Освальд, Руби и Типпит жили на расстоянии лишь нескольких кварталов друг от друга.

Заключение Комиссии. Комната Освальда находилась в 1,3 мили от квартала Руби, а Типпит жил в семи милях от Руби и приблизительно на таком же расстоянии от Освальда.

Предположение. Поскольку у Освальда не было денег, полученных им на покрытие части расходов, связанных с возвращением из СССР, чтобы вернуть государственному департаменту долг, он должен был получить помощь из какого-то другого источника. Руби одолжил Освальду деньги для уплаты долга и время от времени давал ему займы небольшие суммы.

Заключение Комиссии. Комиссия не нашла заслуживающих доверия данных ни о том, что Руби или какое-нибудь другое лицо давали Освальду деньги на покрытие его долга государственному департаменту, ни о том, что Освальд когда бы то ни было получал небольшие суммы денег займы от Руби.

Предположение. За миг до того, как Руби выстрелил в него, Освальд посмотрел на Руби и, по-видимому, узнал его.

Заключение Комиссии. Комиссия не установила факта существования каких-либо личных отношений между Руби и Освальдом, кроме того что Освальд стал жертвой Руби.

Предположение. Далласская полиция подозревала Освальда и Руби в том, что они были замешаны в нападении на генерала Уокера, и намеревалась их арестовать. Арест не состоялся ввиду вмешательства ФБР, которое якобы по указанию министра юстиции Роберта Ф. Кеннеди просило полицию воздержаться от ареста по причинам государственной важности.

Заключение Комиссии. Это голословное утверждение появилось в номере от 29 ноября 1963 г. немецкой еженедельной газеты «Дейче националь цайтунг унд зольдате цайтунг», выходящей в Мюнхене. Позже оно было повторено в «Нэйшнл инкуайрер» в номере от 17 мая 1964 г. Комиссия получила заслуживающую доверия информацию, что приведенное заявление было сфабриковано редактором газеты. Не было найдено никаких доказательств, подтверждающих подобное утверждение.

Предположение. Руби и Освальда видели вместе в ночном клубе «Карусель».

Заключение Комиссии. Утверждение не заслуживает доверия.

Предположение. Сестра Руби г-жа Ива Грант сказала, что Руби и Типпит были «как родные братья».

Заключение Комиссии. Г-жа Грант категорически отрицала, что она когда-либо сделала подобное заявление, назвала его лживым и безосновательным. Руби был знаком с другим далласским полицейским по имени Типпит, но это был Г. М. Типпит, работающий в отделе особой службы полицейского управления и не имеющий ничего общего с убитым Дж. Д. Типпитом.

Предположение. Джэк Руби был одним из самых отъявленных гангстеров.

Заключение Комиссии. Нет серьезных доказательств, что Джэк Руби активно участвовал в делах преступного мира. Расследование не обнаружило никого ни в Чикаго, ни в Далласе, кто знал бы о связях Руби с организованной преступной деятельностью.

Предположение. Произведенное 23 января 1964 г. в Далласе покушение на Уоррена А. Рэйнольдса, видевшего убегающего убийцу полицейского Типпита и следовавшего за ним короткое расстояние, может находиться в какой-то связи с убийством президента Кеннеди и последовавшим затем убийством полицейского Типпита. Дэррэл Уэйн Гарнер, арестованный по обвинению в покушении на Рэйнольдса, был освобожден из-под ареста отчасти в результате показаний Бетти Мак-Доналд (Нанси Джейн Муни), якобы работавшей в свое время у Джэка Руби в ночном клубе «Карусель» в качестве танцовщицы стриптиза.

Заключение Комиссии. Этот слух, первоначально опубликованный 23 февраля 1964 г. газетным фельетонистом, был, по-видимому, основан на якобы существующей связи между Бетти Мак-Доналд и клубом «Карусель». Расследование не обнаружило никаких доказательств того, что она когда-либо работала в этом клубе. Служащие клуба не помнят этого. Бетти Мак-Доналд была арестована 13 февраля 1964 г. по обвинению в нарушении общественного порядка. Находясь в камере далласской городской тюрьмы, она повесилась.

Предположение. Марина Освальд была посажена за решетку Секретной службой немедленно по совершении покушения.

Заключение Комиссии. После убийства президента Секретная служба на некоторое время предоставила Марине Освальд охрану. Г-жа Освальд могла свободно общаться с другими людьми, ходить куда ей заблагорассудится или отказаться от охраны в любое время.

Предположение. Однажды вечером, накануне того дня, когда Руби убил Освальда, какой-то агент ФБР показывал г-же Маргерит Освальд фотографию Джэка Руби.

Заключение Комиссии. Вечером 23 ноября 1963 г. специальный агент ФБР Браудел Д. Одэм показывал г-же Маргерит Освальд фотографию одного человека с целью выяснить, не был ли этот человек ей знаком. Г-жа Освальд впоследствии заявила, что это была фотография Джэка Руби. Комиссия ознакомилась с копией фотографии и установила, что на ней был изображен не Джэк Руби.

Предположение. Сын единственного свидетеля убийства Типпита был аресто-

ван после разговора с какими-то частными детективами и вскоре разбился насмерть, бросившись из незагражденного окна тюрьмы.

Заключение Комиссии. По словам г-жи Хелен Маркхэм, одной из свидетельниц убийства Типпита, 27 июня 1964 г. к ней явились г-жа Маргерит Освальд и двое лиц, назвавших себя журналистами из Филадельфии. Они выразили желание провести с ней интервью. Г-жа Маркхэм отказала им в этом и выстала их вон. После этого сын г-жи Маркхэм, Уильям Эдуард Маркхэм, вступил в разговор с г-жей Освальд и ее спутниками по поводу дела Освальда и убийства полицейского Типпита. Уильям Эдуард Маркхэм находился во время убийства президента в Норфолке, штат Вирджиния, и не возвращался в Даллас до 7 мая 1964 г. Он лично ничего не знал об убийстве Типпита. 30 июня 1964 г. в квартире г-жи Маркхэм был арестован далласской полицией другой ее сын, Джеймс Алфред Маркхэм, по обвинению в краже со взломом. Пытаясь бежать, он упал из окна ванной комнаты, с высоты 20 футов, на асфальтированный проезд. Его отвезли в больницу Парклэнд Мемориал, где ему была оказана медицинская помощь, а через шесть с половиной часов он был переведен в тюрьму. 31 июля 1964 г. он все еще находился в далласской тюрьме в ожидании суда. Против него было также возбуждено дело о нарушении им условия досрочного освобождения.

Предположение. Специальная военная часть при штабе вооруженных сил США, получив приказ министра обороны Роберта С. Макнамары, еще за неделю до убийства президента начала подготовку к церемонии похорон.

Заключение Комиссии. Это утверждение основано на интервью, данным капитаном Ричардом С. Клоем газете «Клэрион лэджер» в Джэксоне, штат Миссисипи, опубликованном 21 февраля 1964 г. Капитан Клой является офицером военной части, на обязанности которой лежит проведение похоронных церемоний в честь скончавшихся президентов страны. Газета «Клэрион лэджер» утверждает, что капитан Клой сказал: «Мы находимся в состоянии готовности и только что провели репетицию похоронной церемонии, ибо состояние здоровья президента Гувера внушает большие опасения. Но мы никогда не думали, что наша репетиция подготовит нас для похорон президента Кеннеди».

КОМИССИЯ И ЕЕ ПОЛНОМОЧИЯ

После того как Джэк Руби застрелил Ли Харви Освальда, стало невозможно раскрыть всю историю убийства обычным юридическим порядком, в ходе служебного расследования доказательств вины подсудимого.

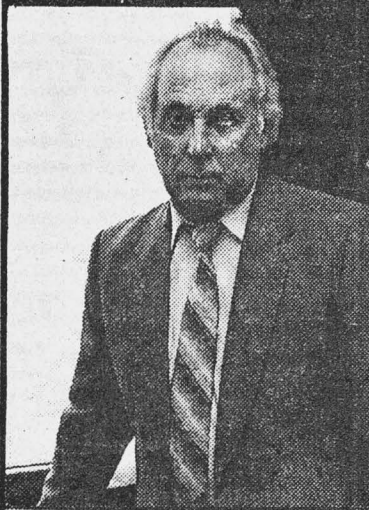
Учреждая своим приказом следственную комиссию, президент Джонсон имел в виду избежать параллельных расследований и сосредоточить установление фактов в одном органе, облеченном широким доверием нации.

Труднейшей частью задания Комиссии было раскрытие всех фактов, связанных с убийством президента Кеннеди, и решение вопроса, было ли это преступление каким-либо образом руководимо или инспирировано неизвестными лицами в нашей стране или за границей.

Поскольку наша правовая система не дает юридической основы для посмертного суда, процедура, которой придерживалась Комиссия в получении и оценке этих данных, по необходимости отличалась от судебного разбирательства уголовного дела в присутствии обвиняемого. Если бы Освальд остался в живых, он был бы судим по принципам американского правосудия и мог бы воспользоваться всеми правами, гарантированными ему законом.

Комиссия действовала не как суд, разбирающий спор между сторонами, не как прокурор, имеющий своей задачей доказать виновность обвиняемого, но как организация, которой вверена задача установления истины путем раскрытия всех фактов.

ОТВЕТЫ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

**Начальник
Уголовного
розыска страны
Вячеслав
ПАНКИН**

Вопрос: Вам, конечно, приходилось бывать во взрывоопасных, с точки зрения национальных конфликтов, районах нашей страны. Как Вы считаете, чем вызваны эти драматические события?

Ответ: Я готов высказать свою концепцию, но учтите, что я профессионал, сыщик. Каждый раз, когда выезжаю в командировку в «горячую точку», передо мной стоит конкретная задача: прекратить кровопролитие, найти зачинщиков погромов, обеспечить безопасность людей. Вероятно, вас интересует в первую очередь именно эта сфера моей деятельности?

Вопрос: Безусловно. Но ведь Уголовный розыск ранее не сталкивался с подобными «заданиями»?

Ответ: Прежде чем рассказать о трагедии, разгравшейся в Ферганской области, хочу отметить, что я не был сторонним наблюдателем, беспристрастно фиксирующим факты. Для меня случившееся было тяжелой драмой. За долгие годы работы мне не раз приходилось раскрывать преступления, совершенные с особой жестокостью. Но то, что я увидел в Фергане, превзошло, пожалуй, все, виденное раньше. По вандализму, по зверству. Жертвами проявления национального фанатизма стали в первую очередь женщины, старики. Их убивали в своих домах, над ними глумились. Я вспоминал многолетнюю трагедию Ольстера, расовые волнения в США, межобщинные столкновения в Испании, Индии, на Кипре. Не однажды чело-

век поднимал оружие на своего соотечественника. Но я впервые столкнулся с последствиями национального фанатизма у нас в стране, и это потрясло меня... Вот некоторые факты: 19 июня обнаружено трупов — 98, в том числе турок-месхетинцев — 69. Около тысячи человек получили телесные повреждения. Совершено 1072 погрома и поджога. 137 военнослужащих внутренних войск и 66 сотрудников милиции получили ранения. Погиб один работник милиции.

Получены данные на сотни человек, которые активно участвовали в массовых беспорядках. В нашем распоряжении имеется достаточно полная фототека участников драматических событий. Раскрыты тягчайшие преступления. В области и сейчас работает оперативно-следственная группа в количестве 200 человек, в которой криминалисты, следователи, эксперты. Они прошли школу «горячих точек» — Азербайджан, Армения... Впервые в ходе следствия применена видео- и компьютерная техника, что позволило всего за несколько дней провести значительный объем розыскной работы. Виновные понесут наказание по всей строгости закона.

Вопрос: Хотелось бы услышать Вашу оценку действиям местной милиции.

Ответ: Начну, пожалуй, с того, что многие сотрудники милиции оказались практически неподготовленными к умелым действиям в такой сложной, непривычной обстановке.

Во-вторых, и это давно уже не секрет, у нас отсутствуют правовые нормы действий органов внутренних дел в подобных ситуациях, когда требуется не только смелость и решительность, но и применение самых крайних мер. Я имею в виду конкретные случаи, когда лишь приказ «Открыть огонь!» может обуздать бесчинствующую толпу в несколько тысяч человек, обкуренных наркотиками, одурманенных спиртным. Среди участников вандализма были и бывшие работники органов внутренних дел, скомпрометировавшие себя. Есть факты растерянности, даже трусости, преступной недооценки положения и промедления со стороны правоохранительных органов.

Вопрос: Вы сказали, что виновные в организации беспорядков, зверских убийствах предстанут перед судом. Какова ситуация сегодня?

Ответ: В судах Ферганской области началось слушание уголовных дел, по которым уже завершено следствие. Пришло время держать ответ перед Законом.

Какая она — Ферганская долина? Пропитана, наверное, прозрачным запахом сладкого винограда и зреющих дынь. Растрескавшаяся от жажды, политая солнцем земля.

Будет ли она такой снова? Или страшный отсвет кровавого воскресенья 5 июня 1989 года навсегда ляжет тяжелой тенью на цветущие травы долины?

...5 июня 1989 года в 12 часов 50 минут поступило сообщение о том, что на территории колхоза имени Навои обнаружены четыре обгоревших трупа. Позже судебно-медицинская экспертиза установит: этих людей — троих мужчин и одну женщину — сожгли живыми.

Выехавшая тотчас же оперативная группа застала ужасную картину. В нескольких метрах от покореженной огнем автомашины «Москвич» догорали три уже обуглившихся трупа. Чуть поодаль, у потухшего костра, рядом с обрывками одеяла, женской одежды и белья нашли четвертый труп. Под сгоревшим «Москвичом» были разбросаны какие-то отрезки, одежда, тетрадка, чемоданчик...

Ночью «Москвич», в котором семья Ломановых покидала ставший негостеприимным край, мчался по дороге, пытаясь уйти от преследователей. Следом летели автобус «ПАЗ», такси и мотоцикл «Минск». Можно себе представить, что испытывали пассажиры «Москвича», их страх и ужас.

Бандиты выволокли людей из машины. Подожгли автомобиль. Глумясь, дважды проехали на мотоцикле по избитым, еле живым людям. Продолжать убивать Ломановых у села было опасно. Тогда бандиты прикатали тракторный прицеп, погрузили туда сожженного «Москвича», бросили сверху истерзанные тела.

Кровавую вакханалию продолжили за селом. Мужчин Ломановых облили бен-

зином и подожгли. Женщину изнасиловали. Несколько минут спустя и она пылала живым факелом, унося в мир иной своего неродившегося ребенка.

От фотографий, запечатлевших изуродованные трупы, рассеченные до мозга затылки, спаленные тела, темнеет в глазах. Дикая, нечеловеческая жестокость, средневековые пытки, зверский вандализм. Мутная волна, подняв со дна клубок годов копившихся проблем — социальных, экономических, национальных, ударила кувалдой такой сокрушительной силы, что содрогнулась вся страна. Кричащие проблемы региона достигли критической отметки.

Начало трагедии исчисляю с 23 мая. Но атмосфера в Ферганской области сгустилась раньше, задолго до того как бесчинствующие толпы, вооруженные камнями, бутылками с зажигательной смесью, ножами, вилами, цепями, подогретые алкоголем и наркотиками, пошли стеной на турецкие дома, двинулись на штурм райкомов партии и отделов внутренних дел.

Очередная базарная склока из-за цен на клубнику стала детонатором взрыва гремучей смеси, но отнюдь не причиной свершившейся трагедии. Были слухи и были домыслы, распространялись измышления об убийстве турками узбекских детей, об осквернении могил. Шепот переходил в прямые угрозы и ультимативные требования к туркам покинуть республику. Еще в середине апреля в Маргилане видели надпись масляной краской: «Узбекистан — для узбеков...». Ходили по рукам листовки: «Всем туркам! Все должны покинуть узбекскую землю до 1 июля. За отказ — смерть!» и была «программа»: «Сначала изгоним турков, затем евреев, потом татар, а русские уйдут сами».

Между тем шло методичное, целевое выявление мест проживания турков-месхетинцев — чтоб без ошибки, наверняка. Теперь это известно точно: использовались данные последней пере-

писи населения. Факт трагичный и страшный, если вдуматься. Находились, выходит, должностные лица, выдававшие доверенные им сведения для черных целей.

Вслушиваясь сейчас, по прошествии времени, в пульс ферганской драмы, вникая, словно в сводки с военных действий, в недавние события, вчитываясь в списки погибших, волей-неволей задаешься вопросом: почему турки-месхетинцы не уехали, не схоронились в надежном месте, не спрятали детей, не затаили нажитое? Не ждали? Не думали?

Нет, факты говорят о другом. От населения поступали в партийные, советские и правоохранительные органы тревожные сигналы о готовящейся расправе, но никаких упреждающих мер не принималось, а ответы давались стандартно-равнодушные: «Опасения напрасны».

...3 июня в 18 часов 10 минут в поселок Комсомольский со стороны города Маргилана вошла бесчинствующая толпа. Около четырех тысяч человек в возрасте от четырнадцати до двадцати пяти лет шли, оставляя за собой кровавый след. Убивали, громили, жгли. Многие были в состоянии наркотического и алкогольного опьянения.

Жестокое столкновение произошло у дома № 104 по Новоферганской улице. Вооруженные огнестрельным и холодным оружием юнцы буквально блокировали этот дом, принадлежавший семье турка-месхетинца М. Крепкие, сработанные на совесть ворота выдерживали напор нападающих. Во двор летели камни, бутылки с зажигательной смесью. Метавшиеся из забора погромщики выкрикивали угрозы. В течение трех часов, пока хозяин дома отстреливался, никто не пришел на помощь.

Ворота не поддавались. Тогда несколько самых активных бандитов раздобыли пожарный автомобиль и, используя его в качестве тарана, прорвались во двор. В тот же миг раздался оглушительный взрыв: рванули от огня два газовых баллона и полный бензобак стоявшей возле дома хозяйской «Волги». В медсанчасти семерых погромщиков спасти не смогли. А вот М. и его родственникам, к счастью, удалось скрыться.

По полученным сведениям, действия погромщиков, поджигателей, боевиков и иных исполнителей тяжких преступлений стимулировались наркотиками и водкой, оплачивались деньгами на месте. За каждый сожженный дом тут же на месте выплачивалось 25 рублей. За участие в разбое платили по 50, 100 рублей, в определенные точки бесперебойно подвозили булжники и бутылки с зажигательной смесью. Сколько же стоит жизнь человеческая?

Надо сказать, что среди населения имелись разведчики и наводчики. На домах были надписи «узбек», вывешивались красные платки на воротах, чернели в окнах тюбетейки.

Но есть и другие факты. Факты, свидетельствующие, что не все предавали своих друзей и соседей. Жестокому наказанию подвергались узбеки, прятанные в домах турок-месхетинцев.

В кишлаке Ярмазар у пожилого узбека погромщики обнаружили престарелую чету турок. Их хладнокровно расстреляли в присутствии узбекской семьи. Стреляли из охотничьего ружья.

Угрожая винтовками, хозяев заставили перенести тела убитых в их дом, облить бензином и поджечь. Излюбленный бандитский прием — принудить свидетелей к соучастию, чтобы купить их молчание. В результате пережитого старик узбек получил тяжелую психическую травму.

О мятежниках известно уже немало. Есть цифры. 18 процентов — представители интеллигенции, 27 процентов — из сельских районов. Среди организаторов-руководителей учитель физкультуры из поселка Ташлак и лепешечник из Маргилана,

врач-педиатр со станции «скорой помощи» из Ферганы и майор милиции, его земляк, бывший сотрудник ГАИ и студент индустриального техникума. Те, кто по роду своей деятельности должен «сеять разумное, доброе, вечное», доставали оружие, призывали к убийству турок и поджогам, организовывали погромы.

Изъято внушительное количество разнообразного оружия — большей частью самодельного. Изъяты радиостанция, спецсредство «Черемуха», гранаты, чистые бланки пропусков на время действия комендантского часа. Известны случаи применения автоматов.

Двадцатитрехлетний турок Али Абдулаев погиб от черепно-мозговой травмы. Его сверстник узбек Рустам Абдурахимов скончался от термического ожога. Турчанка Асия Алиева была сожжена. Двадцативосьмилетний турок Анвар Аласов — тупая трамва головы, перелом подъязычной кости. Двадцатилетний турок Сайдулло Ахмедов — термический ожог 90 процентов поверхности тела. Двадцатитрехлетний русский Виталий Глушко — черепно-мозговая травма, перелом основания черепа. Восемнадцатилетний турок Нурмат Хайдаров — полное сгорание.

Бобожонов Али, узбек, 1968 года рождения, — сквозное пулевое повреждение черепа. Урунев Шавкат, узбек, 1964 года рождения, — сквозное огнестрельное ранение головы. Ахмедов Мухтар, 1969 года рождения, — сквозное пуле-

вое ранение грудной клетки. Эти молодые узбеки, которым бы жить, влюбляться, заводить детей, — убиты. Кто на площади, кто около горкома партии, кто у здания УВД...

Ташлак, Коканд, Маргилан, Фергана. География мятежа, подавленного и остановленного не словом, но силой. Только введение внутренних войск сломало открытое сопротивление, прекратило цепь жестоких убийств. И все-таки солдаты опоздали. Поздно был отдан приказ. Если бы местные власти своевременно проявили инициативу и подразделения внутренних войск на несколько дней раньше вступили в Ферганскую область, сколько жизней было бы спасено!..

В Ташлаке толпа атаковала райотдел милиции. Были взяты в заложники секретарь райкома партии и председатель райисполкома. Мятежники ворвались в дежурную часть, нарушили телефонную связь РОВД с городом. В критической ситуации начальником райотдела милиции был отдан приказ на открытие огня из автоматического оружия.

В Коканде вооруженная огнестрельным и холодным оружием толпа численностью до 15 тысяч предприняла нападение на горотдел внутренних дел. Четырежды отражались вооружен-

ные попытки проникнуть на территорию ГОВД. И здесь, в экстремальной ситуации, было принято решение применить оружие.

По каждому факту применения оружия Прокуратурой СССР возбуждено уголовное дело. По предварительным данным, полученным в результате расследования, оружие сотрудниками органов внутренних дел и военнослужащими применялось правильно. Здесь были именно те исключительные случаи, предусмотренные для применения оружия.

Кто-то винит в ферганской драме экстремистов, кто-то — боевиков с уголовным прошлым. К слову, последние составили лишь 20—25 процентов. Пятнадцатитысячная толпа не может состоять сплошь из экстремистов и преступного элемента. Да, акции были спланированы. Да, похожий «почерк» прослеживается. Случившееся в Ферганской долине — не «вражеская вылазка», не провокация. Это гораздо серьезнее и страшнее.

Турки-месхетинцы второй раз за сорокалетие выгнаны из дома. Но проблема региона этим не решена. На-

ивно было бы так думать. Еще наивнее надеяться — то ли искренне заблуждаясь, то ли лицемеря, — что турецкие семьи вернутся к пепелищу.

Ферганский мятеж взволновал людей далеко за пределами Узбекистана. Он прозвучал жестким предупреждением и властям, и всем нам, людям. Реальные политические и экономические проблемы надо решать. За нерешительность и любовь к фразе заплачено уже сполна.

Турчанка Самада Ибрагимова, 1966 года рождения, убита 5 июня 1989 года во дворе своего дома и сожжена там же. (Из списка лиц, погибших в массовых беспорядках на территории Ферганской области.)

...Турок Шарафутдин Анваров, 1957 года рождения, убит 5 июня 1989 года на пшеничном поле.

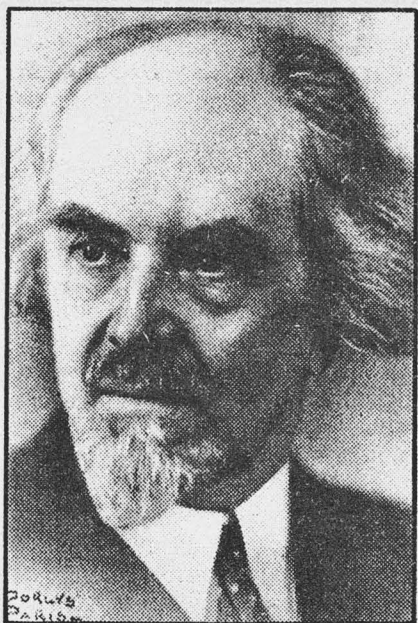
Рассказ Вячеслава ПАНКИНА
записала Елена СВЕТЛОВА

Фото из архива МВД СССР и Игоря Гаврилова

В России формируется народно-общественное национальное сознание и окончательно изобличается ложь официально-казенного национального сознания. Об этом свидетельствуют и новая постановка вопроса об армии и флоте, и отношение общества к славянскому вопросу*. Окончательно будет сломлен старый строй, когда всенародно будет осознано, что национальная идея и ее практическая защита находятся в ненадежных руках, что корыстные сердца лживыми устами произносят святое имя отечества и претендуют быть исключительными его хранителями.

И идейная, и практическая сила старой русской государственности покоится на том, что она охраняла народ русский от вражеских нашествий, укрепила единство России. Русские историки объясняют небывалую силу русского абсолютизма тем, что наша государственность создавалась и окрепла в борьбе с внешними врагами, что непомерными усилиями должна она была защищать национальное единство России. Русская государственная власть вырабатывалась и развивалась в неустанной борьбе за бытие нации, в процессе самосохранения национальной личности. Татарское нашествие в значительной степени определило историю русской государственной власти. То, что власть эта окрепла в отражении дикого нашествия, было залогом не только перед Россией, но и перед Европой. Все силы русской государственности были направлены

Николай БЕРДЯЕВ

ском духе. Если в русском революционном движении было много характерно русского, национального (все народничество порождено русской почвой; уклад души революционера-интеллигента — чисто русский), то в революционной идеологии, в сознательных идеях не оказалось места для идеи национальной, а в революционном настроении было болезненное отщепенство от нации. Борьба с вырождающейся формой государственности и с реакцией не была борьбой за Россию, за народ в его единстве, а приняла форму борьбы классовой, борьбы за идеи и настроения интеллигентских кружков, и связалась с абстрактными социологическими теориями. Сословная и классовая вражда имела глубокие основания, и рост ее был неизбежен, но связанная с этой борьбой вражда была поставлена на почву ложных и чуждых России идей. Наши революционеры нередко бывали бессознательными славянофилами, но идеи их были совершенно космополитические, отвлеченные, и не имели никакой связи с сознанием национальным. В этом была слабость нашего освободительного движения и кажущаяся сила исторической власти, которая фактически изменяла национальной идее, но имела ее своим знаменем. Идеология русской революции в значительной степени определялась марксизмом, который точку зрения национальной идеи заменил точкой зрения классовой и атомизировал саму идею народа. На почве подобной идеоло-

О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ

на самосохранение, и мало осталось творческих сил, сил, направленных на общественное совершенствование. Этим объясняется и слабое развитие у нас классов и сословий, слабость нашего общества по сравнению с властью, государственно-служебный характер всех общественных сил. Духовные силы русского народа вошли вовнутрь, в религиозность не действительную, вовне же укреплялась и централизовалась государственная власть и охраняла тело России. Государственный абсолютизм охранял единство нации, укреплял за Россией место в мире. Великие заслуги предков перед Россией перенесли на выродившихся потомков, и это перенесение заслуг затрудняет изобличение лжи и победу над ложью. Наша консервативная идеология всегда была прежде всего идеологией национальной, наши консерваторы прежде всего националисты. Лагери прогрессивный и революционный прежде всего подозреваются в антинациональном направлении, в равнодушии к величию и единству России. Государственная власть и теперь еще имеет смелость ссылаться на свои заслуги в создании России, в охране ее тела, и этими заслугами прошлого оправдывает зло настоящего.

Идейно и жизненно победить русскую реакционную государственность значит отнять у нее монополию хранителя национальной идеи, значит показать опасность подобной власти для судьбы нации. Космополитическими общими фразами, апелляциями к пролетариату или отвлеченной декларацией прав нельзя сокрушить твердыню реакции. Слишком отвлеченный, общий характер всех заявлений и требований первой Думы ослабил ее позицию. Необходимо конкретно считаться с тем, как создавалась русская государственность и как вырабатывалось у нас историческое национальное чувство. Освободительное движение (в широком смысле слова) тогда лишь окончательно приобретет национальное значение и сокрушит всякую реакцию, когда оно станет сознательно национальным, т. е. когда защита России и охранение русской национальной идеи перейдет к освободителям. Реакционная государственная власть враждебна народу и обществу и потому не в силах охранить Россию, поддержать ее честь и достоинство, она подрывает единство и величие России. Это так наглядно показала японская война, что даже октябристы и правые кое-что заметили. А реакционная война власти против русского народа еще яснее это обнаруживала.

Охранить отечество, отстоять его честь и возвеличить его могут лишь те люди, у которых в душе сохранилась народная святость и не порвалась связь с народным целым. Русский абсолютизм тогда лишь мог отражать вражеские нашествия и укреплять величие России, когда он был народным, когда государственность была созданием нации, органической ее функцией. Но времена эти давно уже прошли. Государственная власть — подчиненная органическая функция национальной жизни — стала как бы высшим смыслом жизни, возмнила о себе как о некоей святине, которой сам народ, сама нация должны подчиниться. Начался болезненный процесс вырождения нашей государственности, она стала не народной, антинациональной. Русский народ и сознательное русское общество должны раньше или позже потребовать у власти отчета в тех способах, которыми она охраняет Россию, т. е. перенести освободительную борьбу в ту сферу, к которой власть апеллирует как к главному оправданию своему

Совсем недавно мы узнали, что фамилия Бердяев, которой столько лет страдали легковесных граждан, принадлежит одному из самых выдающихся мыслителей нынешнего столетия. Его книги переведены на двадцать языков, о нем написаны сотни исследований. Одновременно выясняется, что его перу принадлежит не десяток антисоветских брошюр, а свыше пятидесяти серьезных философских произведений. Некоторые из них уже вернулись к нам, другие готовятся к печати. Вот и еще две работы становятся доступными широкому читателю.

Осведомленному человеку тема, представленная этими статьями, может показаться слишком периферийной для Бердяева. Ведь основные мотивы его философии — свобода и творчество. Но главная проблема, присутствующая решительно во всех книгах Бердяева, — это достоинство человеческой личности, избавление от духовного рабства.

У Бердяева (в отличие, например, от Владимира Соловьева) нет крупных сочинений по национальному вопросу. А небольшие, разбросанные по дореволюционной периодике работы рискуют остаться за рамками готовящихся книг. Между тем в названных текстах содержится глубокий анализ некоторых вопросов, так же актуальных сегодня, как и восемьдесят лет назад, когда были написаны публикуемые статьи.

Мы перепечатываем их из петербургской газеты «Слово» (7 декабря 1908 г. и 17 апреля 1909 г.).

и своей идейной опорой. Но отчета этого могут потребовать лишь те, которые дорожат идеей нации и признают охрану отечества великой задачей. Общие фразы социал-демократов о том, что армия нужна лишь буржуазии, что идея нации — лишь классовая идея, ничего, кроме вреда, принести не могут и вызывают или раздражение, или насмешку. Необходимо конкретно обнаружить, что реакционная власть изменяет национальным традициям, не продолжает ни древнего дела охраны нации от врагов, ни дела Петра Великого — приобщения России к европейской культуре. Во имя национального самосознания должно быть побеждено вырождение исторической власти как силами общественно-реформаторскими, призывающими к новой жизни, так и силами общественно-консервативными, искренно и сознательно охраняющими все, что есть ценного в России.

Освободительное движение давно уже ведет борьбу с антинародным и антикультурным характером власти, изобличает ложь официального патриотизма, официальной охраны идеи нации. Но реакционный характер власти произвел большие опустошения в освободительном сознании, внушил отвращение к самой идее нации. Движение было антитезисом и по психологическому контрасту приняло характер не национальный, космополитический. С 60-х годов наше освободительное движение стало под знамя европейских социальных идей, идеология получила окраску международного социализма, хотя и своеобразно преломленного в рус-

ской революции. Борьба с отжившими формами государственности и реакционной политической властью должна быть борьбой за Россию, за ее национальную мощь, за ее великое будущее. Но для такой борьбы нужно иное сознание, в котором центральное место займут не классовые интересы и абстрактные классовые идеи, а идея национальная.

Освободительное движение тогда лишь станет сильным и народным, когда монополизировало себе национальную идею, когда будет дорожить охраной и защитой России, будет продолжать и дело той государственности, которая строила и укрепляла Россию и общенациональное дело Петра Великого. Вл. Соловьев окончательно формулировал нашу национальную задачу как задачу достойного существования, т. е. соответствующего с высшей целью. Великая Россия как некое тело в мире уже существует, и просто существовать, существовать без смысла было бы недостойно ее. Нынешняя государственная власть не является наследницей этого прошлого, и великое национальное дело должно быть продолжено силами, освобождающими народ и страну. Радикальный переворот совершится, когда освободительное сознание выставит на своем знамени национальную идею. А это предполагает общий идейный кризис, пересмотр всех старых интеллигентских идеологий.

Национальное возрождение России связано с идейным обновлением, с новыми идеями, более могущественными, чем старые прогрессивные идеи. Оторванность передовой интеллигенции от народа — хроническая болезнь нашего национального развития. Болезнь эта идет еще со времен Петра. Излечить эту болезнь нельзя идеями отвлеченными и космополитическими, традиционными идеями нашей радикальной интеллигенции.

В истории нашего национального самосознания было две полосы, внутренне противоположные, но внешне нередко сплетавшиеся: национальный мессианиззм, сознание великого призвания России, долга перед человечеством и миром, т. е. сознание идеальной задачи и апология национального самодовольства и национальной корысти, грубое преклонение перед фактами действительности. Мы должны быть хороши и можем быть хороши — вот идеальное национальное сознание; все наше — хорошо, мы не должны и не можем стать лучше — вот грубый, первобытно-языческий национализм. Первое, т. е. лучшее национальное самосознание можно встретить лишь отчасти у лучших из славянофилов, затем у Достоевского, хотя и не без примеси национализма, всего более у Вл. Соловьева и наконец в новых религиозных течениях. Второе, худшее националистическое сознание мы встречаем у выродившихся славянофилов, у реакционеров-националистов и в официальной практике государственной власти. Лучшие традиции национального самосознания, идеи национальные и в такой же мере всечеловеческие должны раньше или позже стать основой сознания освободительного, перейти в жизнь и определить ход истории. От лжи славянофильства необходимо освободиться, очиститься и провести резкую разделительную линию между национальной идеей и диким национализмом, между созданием великой России и преклонением перед фактической государственностью и фактическим бытом. Но также нужно освободиться и очиститься от лжи космополитизма и отвлеченного отрицания отечества. Идея нации должна ясно определить себя и по отношению к другим нациям и всему человечеству, и по отношению к внутренним ее

* В славянском вопросе прогрессивный лагерь оказался патристичнее исторической власти, и лагеря правого.

частям, к отдельным группам и личностям. Нация есть некий организм, некое индивидуальное тело, но организм не единственный и не верховный, организм, идеально подчиненный верховной норме жизни человечества и личности. Через нацию осуществляется человек и человечество.

Многие русские искренно заблуждаются, думают, что власть есть носительница национальной идеи, а освободительная борьба с властью национальную идею совершенно отрицает. Это пагубное заблуждение должно быть сознательно устранено.

До сих пор у нас было беззастенчивое господство национализма, национальность утверждала себя как грубый эмпирический факт. Наш национализм был переживанием самого примитивного язычества, хотя и прикрытого христианскими словами, и язычество это всего более сказало в отношении к другим народностям, в насильничестве над национальной личностью не только братьев по человечеству, но и братьев по славянству (поляков). Новое, освободительное национальное сознание прежде всего остро выдвинет и перерешит все наши болезненные национальные вопросы (не русские), и решит их не по-язычески, а по-христиански, к чему давно уже призывал Вл. Соловьев. Корыстное и бесчеловечное отношение к другим национальным личностям мешает сознать свою национальную личность. То же бывает и в отношениях между людьми: человек,

ЧЕРНАЯ АНАРХИЯ

Интересы политической борьбы и политических партий мешают оценить «союз русского народа» с моральной точки зрения, увидеть в нем явление, характерное для состояния русской культуры. Нельзя считать с «истинно русскими» людьми как с реакционно-политической партией, видеть в них исключительно политических противников. «Союз русского народа» не имеет отношения к политике в строгом смысле слова. «Союз» этот есть лишь беспорядочная смесь элементов дикости, варварства, языческой тьмы и нравственной распушенности, веками сохранявшейся в русском народе. Это — разгул старорусской анархической распушенности инстинктов, не ведающий никакой нормы, это — последняя вспышка того нравственного идиотизма, который воспитывался силой слишком застарелого деспотизма. В «союзе русского народа» чувствуется восточная дикость и темнота, а временами показывается морда зверя и обнаруживаются атактистические переживания людоедских инстинктов. «Истинно русские» люди в массе своей стоят по ту сторону добра и зла, истины и лжи, их мысли, чувства и действия находятся вне контроля совести и разума. Тут не только безнравственность и глупость, тут нечто еще более примитивное, нечто предшествующее самому возникновению нравственных и разумных оценок. Говорю не о русском народе, наивном и непосредственном в своей преданности старине, глубоком и добром даже в своей «реакционности», подлинно религиозном, а о тех отбросах, которые самозванно себя именуют «русским народом». Можно быть политическим консерватом, сторонником государственного абсолютизма, охранителем исторических традиций и заветов и вместе с тем — человеком высокой культуры и высокого нравственного сознания. Консерваторами у нас были славянофилы. Консерватизм имеет право на существование в каждом обществе, и возникновение идейного общественного консерватизма у нас даже желательно для органического развития нации. Но «истинно русских» людей нельзя назвать консерваторами, они — разрушители и анархисты в самом диком и самом буквальном смысле слова. «Истинно русские» люди только и возможны при анархическом состоянии общества. Их нельзя также назвать монархистами и националистами. Идея монархии как положительной основы национальной жизни им так же чужда, как и всякая идея; монархия для них лишь орудие, которое они целиком хотят подчинить своим инстинктам и вождельствам. Они гораздо более анархисты, чем монархисты. Об этом достаточно свидетельствуют бесчисленные попытки «союзников» узурпировать себе власть, об этом кричит наглость, с которой они предписывают власти делать для них удобное, об этом проговорился г. Марков 2-й. Также чужда им и идея нации в ее творческом значении, национализм их есть лишь дикий инстинкт, непосредственная корысть и язычески-темное самохвальство.

Те же стадные и распушенные инстинкты, которые некогда сказались в бунте Стеньки Разина и в пугачевщине, теперь сказываются в еврейских погромах и во всех погромных действиях и скандалах «союзников». Это — анархия рабов, зашевелившийся хаос дикости, разнузданная власть, которая захотела превратить его в орудие борьбы с революцией.

Существует мнение, что черная сотня, увы — не сотня, есть религиозная реакция, реакция старых народных верований против нового духа. Это, пожалуй, действительно религиозная реакция, но реакция не христианской религии, а темной и примитивной языческой религии, языческого суеверия и идолопоклонства. В человеческой, исторической стороне православия много было темного и суеверного язычества. В нашей черной реакции и восстал языческий быт христиан, привязанность их к времени и временному в мире, а не вечная правда и истина христианства. Христианство не может защищать смертной казни, жестокости, насилия над совестью и тьмы, все это может защищать лишь языческий быт темных «христиан». Христианин может быть сторонником какой угодно политической формы, монархии, республики или еще какой-нибудь, так как все политические формы имеют значение относительное и временное, но не может христианин быть защитником зверства, жестокости, насилия, мрака. Я думаю, что абсолютист и непримиримый противник смертной казни, противник всякого насилия над совестью и пр. с христианской точки зрения терпимее, чем конституционалист и вместе с тем сторонник смертной казни и жестокости.

Славянофилы были сторонниками идеальной абсолютной монархии, но они хотели, чтоб абсолютная монархия служила добру и свободе, чтоб она была гуманной и христианской, чтоб она просвещала народ свой и охраняла слабых от сильных. «Союз русского народа» прежде всего дорожит не абсолютизмом, а тем, чтобы он казнил и насиловал, гнал просвещение и умерщвлял совесть, был бы послушным орудием его

инстинктов и вождельств. Абсолютная монархия может быть просвещенной и гуманной лишь до тех пор, пока она желанна и любима; когда она перестает быть желанной, она становится невыносимым деспотизмом. Абсолютизм, прошедший через контроль всенародного сознания, должен превратиться в конституционализм. Основное противоречие в конструкции идеального государственного абсолютизма в том, что он хочет быть любимым, не может быть насильственно навязан и вместе с тем навязывается, насилует, когда его не любят. То же противоречие есть и в конструкции социализма.

«Союз русского народа» по своему культурному и моральному облику стоит еще ниже той власти, которая делает много зла, но все же признает некоторый минимум культурных норм. Отрицание обязательных для всего человечества объективных норм составляет главную черту «истинно русских» людей. Отрицание универсального сознания «истинно русскими» людьми обнаруживает их дохристианскую, языческую природу.

Христианство есть вселенская истина и всечеловеческая правда и потому не мирится с разгулом инстинктов, с произволом и корыстью личной, групповой или национальной. «Истинно русский» национализм есть самое заправское язычество, язычество, стоящее на уровне развития, предшествующем образованию всечеловеческого сознания. С «истинно русскими» людьми невозможно общение на почве всечеловеческих норм совести и разума. То же можно сказать и о некоторых представителях лагеря прямо противоположного, помешавшегося на классовой точке зрения. Но последние имеют то преимущество, что не называют себя кощунственно христианами. Еще и еще раз нужно подчеркнуть, что тут дело совсем не в политике и не в приверженности к той или иной политической форме, дело в чем-то более глубоком, в отсутствии элементов универсального сознания, обязательного для всякого человеческого существа, дело в моральной, культурной и религиозной дикости. «Истинно русские» люди нуждаются в элементарном моральном просвещении, в принятии в свою плоть и кровь вселенской нормы жизни.

В быте русского духовенства, особенно высшей церковной иерархии, преобладают сейчас члены «союза русского народа». На миссионерском съезде в Киеве, на этом съезде суеверного русского язычества, сказала вся наша дохристианская дикость. По учению христианской церкви, принадлежность к духовной иерархии, даже высшей, не дает еще гарантии христианских качеств. Человеческая сторона христианской церкви в истории может быть особенно загрязнена духом зла, на месте святом может быть такая мерзость запустения, какой не встретить в других сферах жизни. Защита смертной казни, напр. есть настоящее людоедство, требование кровавых жертвоприношений богу месту. Но божественная святость церкви не умаляется человеческой мерзостью.

Я могу иметь близкое общение, как с родным, с человеком самых противоположных политических взглядов и вероисповеданий, но не могу иметь такого общения с человеком, практически отрицающим универсальные нормы добра и истины. Политическая терпимость не может распространяться на «союз русского народа», тут необходима моральная нетерпимость, необходима беспощадная моральная борьба с нашей застарелой моральной разнузданностью и дикостью. Отношение к юбилею Л. Толстого поставило «истинно русских» людей вне русской культуры и национального русского духа. К «союзу русского народа» нельзя относиться исключительно шутливо, хотя для шутливости и веселья глупость и невежество дают немало поводов; нельзя к этому «союзу» относиться и исключительно как к реакционной политической партии. Необходим суд моральный и религиозный, религиозный потому, что люди эти пользуются религией для своих грязных целей. На пути национального и религиозного возрождения России, на пути создания великой и свободной национальной культуры стоит разрушительный «союз русского народа» и те таинственные верхи, которые поддерживают в России тьму, изуверство и анархическое хулиганство. Препятствие это должно быть сметено творческим усилием всей нации, созревшей до универсального сознания добра. Но в состоянии это сделать лишь творческие силы нации, во имя всенародной и всечеловеческой святости. «Союзу русского народа» должно быть противопоставлено патристическое и национальное воодушевление. Силы разрушительные, действующие во имя идей исключительно отрицательных, в состоянии лишь поддерживать черный призрак. А в бытии черного призрака, черной анархии виновны все мы: кажущаяся сила реакции есть лишь объективация нашей слабости и наших грехов.

Предисловие и подготовка текста
Александра ВАДИМОВА

СОЗНАНИИ

который с неуважением и злобой относится к личности другого, теряет свою личность, свой облик. В национальную идею входит, как завершение, братство всечеловеческое, в частности братство всеславянское. Национальная личность, как и личность отдельного человека, должна быть утверждена не во имя самомнения и корысти, не во имя внешнего ее процветания, а во имя общечеловеческого назначения национальности, ее служения во всемирной истории. Нация, как и личность, должна себя охранять и укреплять не во имя свое, а во имя своего высшего назначения.

Укрепление нового национального сознания прекратит вековую рознь «интеллигенции» и «народа», положит предел нашему болезненному отщепенству, вернет нам непосредственное чувство родины. Освободительное национальное сознание прежде всего идейно сотрет с лица родной земли «русский народ» в кавычках и его «союз».

«Русский народ» в кавычках и был самым ярким показателем отсутствия у нас здорового национального сознания, здорового национального чувства, показателем розни и распада. В основе «союза русского народа» лежит не национальное сознание, а зоологический инстинкт. А то, что «союз» этот прикрывается христианством, это одно из самых отвратительных явлений лицемерия и лжи. Но «союз русского народа» более могущественный, чем кажется, и все это лежехристианское лицемерие и ложь не в силах победить революционная интеллигенция с ее отщепенством, позитивизмом, космополитизмом и пр. Победить может лишь новая интеллигенция, соединенная с ширью народной жизни, твердо ставшая на почву освободительного религиозного и национального сознания и возвратившаяся к истокам народной жизни. Хотелось бы верить, что близится уже время, когда окончательно рухнет старое интеллигентское сознание, кончится период скитальчества русской интеллигенции и она возвратится к родине, к своему народу, с которым почувствует единство национальное и религиозное. В самой народной жизни совершается кризис, глубокая внутренняя работа разрушения старых кумиров и идолов, разочарование в старой церковности и старой государственности и жажда веры живой и действенной.

Петр Великий — источник нашей гордости и наших бед — был и национальным военным героем, создателем великой империи, и интеллигентом-просветителем, первым отщепенцем, оторвавшим интеллигентные слои общества от народа. В могучей личности Петра соединились обе задачи: укрепление национального единства и могущества России и приобщение России к мировой культуре, внутреннее ее развитие. В дальнейшей истории задачи эти разделились. Власть охраняла Россию как национальное тело, расширяла ее (часто на счет внутреннего ее блага), но, за редкими исключениями, не продолжала дела внутреннего ее развития. Русская интеллигенция продолжала дело просвещения России, но отщепенство мешало ей создавать историю. Русская революция вскрыла болезненное отщепенство власти, изменившей своему назначению, и интеллигенции, бессильной соединиться с народом и стать исторически могущественной. И ныне Россия стоит перед великой задачей: в освободительном движении, в сознательном общественном организме должно произойти соединение обеих задач Петра — задачи национальной и задачи культурной. Тогда только историческая власть почувствует свое бессилие, а народ — свою силу.

Сообщаем нашим читателям, что Московская штаб-квартира МАДПР выступила с инициативой создания Музея выдающегося русского философа Н. А. БЕРДЯЕВА. Отделения музея предполагается открыть в Москве и Клямаге (пригород Парижа, Франция). Образован и Фонд Музея Бердяева. Денежные пожертвования можно перечислить на счет № 70130634 во Внешэкономбанке СССР (с пометкой «в фонд Музея Бердяева»).

ПИСЬМА
ИЗ ЗОНЫ

ОТРИЦАНИЕ

Как-то, находясь в журналистской командировке в одной из исправительно-трудовых колоний Дальнего Востока, я узнал о случившихся там беспорядках среди осужденных.

Обычное дело, — небрежно пояснил режимник, — враждующие группировки отрицательно настроенной части осужденных — «отрицала» — поссорились.

Потом в следственном изоляторе областного центра я услышал фамилию главаря группы, победившей в кровавой драке. Я попросил оперативника вызвать этого парня из камеры.

Подследственный, косая сажень в плечах, сразу при входе цепко взглянувший на свой формуляр на столе, заволновался:

— А почему это красная полоса?

Карту с его данными диагонально перечеркнула полоса красным карандашом — повышенное внимание к особо опасному преступнику, подследственному по «расстрельной» статье 77 «прим» УК РСФСР (нападение на администрацию ИТУ).

Из разговора с ним я понял, что главарь стал жертвой тщательно спланированной, многоходовой операции. Прекрасно осведомленные о назревавшем конфликте между группировками оперативники зоны не только дали развиваться процессу, а и через своих людей в окружении главарей стимулировали обострение ситуации. Когда бойня произошла и одна сторона, физически подавленная своими противниками с такими же бирками на груди, перестала угрожать порядку в лагере, расчетливо обезглавили и другую. Для этого умудрившегося не «замазаться» в сече уцелевшего главаря сразу после событий вызвал начальник отряда в свой кабинет. После ряда безмятежных вопросов начальник вдруг стал звать на помощь и перед мгновенно ворвавшимся в комнату офицером всем своим видом изобразил только что якобы пострадавшего от нападения зэка.

Так умелыми приемами, замешанными на детальном знании психологии «отрицал», администрация надолго обеспечила себе спокойную работу и общий порядок в той колонии.

Рождена такая «оперативная» тактика сталинскими временами. Тогда в многотысячных концлагерях уголовников в отличие от «врагов народа» объявили «социально близкими», привилегированно назначали их на ключевые, выгодные должности (нарядчиков, бригадиров и т.п.) для дополнительного терроризирования зэков-политических. Уголовники, оставшиеся в своем кодексе чести — воровском «законе», пренебрегшие сотрудничеством с администрацией, не случайно называли переметнувшихся «коршей» («суками», «ссученными») и расправлялись с ними при каждой возможности, хотя эта публика и пыталась служить двум господам, делясь льготами в первую очередь с ворами.

— Эта была гениальная операция, столкнувшая лбами, взаимонестрашимых многих и многих из наших, — рассказывал мне как-то в зоне историю вопроса один из дальневосточных «аристократов» преступного мира, носящий высший кастовый титул — «вор». Междоусобная резня «воров» и «суков» после амнистии 1953 года залила кровью весь Дальний Восток...

Шли годы, вялые, застойные, потом началась перестройка. И вот новая моя корреспондентская поездка в январе 1989 года в колонию усиленного режима Кировской области сделала меня сначала пешкой, а позже — исследователем этой мрачной старой тюремной политики, жертвами которой становятся люди, пусть и преступившие законы.

Я ехал за самым «розовым» материалом в суровой лагерной проблематике — о предстоящей регистрации брака сразу у двоих осужденных, и потому не беспокоился на этот раз об извечных расправах с администрацией — о чем можно пи-

сать, а о чем нельзя.

Увы, по настороженности буквально конвоировавшего нас с фотокорреспондентом по зоне подполковника из отдела исправительных дел УВД я быстро понял: за фасадом прекрасно организованной свадьбы зэков от нас что-то пытаются скрыть. В лагерной столовой нас угощали «типичными» блюдами раскормленного повара-зэка. Но в ПКТ — помещении камерного типа для отъявленных нарушителей режима и даже в промзону с продуманной литейкой нас не пустили, словно чувствовали, что именно здесь разыграются главные акты будущей трагедии.

Проставленный к нам подполковник исчез, утомившись, лишь на четвертый день. Ко мне прислали наконец осужденного, с которым удалось поговорить тет-а-тет. Человек по роду своих бывших занятий интеллигентный, он меткими штрихами нарисовал картину «заигрывания» некоторых оперсотрудников с заправилками из «отрицал»: потворство доставке в зону чая, спиртного, наркотиков, денег (в обороте в колонии постоянно — тысячи рублей), получение от зэков взятки за предоставление разнообразных льгот и возможности условно-досрочного освобождения.

Со следующей группой зэков, при упоминании фамилий которых представители администрации единодушно морщились («Самая мерзость из «отрицал»), мне удалось (также без присутствия офицеров) провести нечто вроде пресс-конференции. Этим осужденным — в отличие от моего первого собеседника — не смущало, как я распорядюсь с полученной от них информацией. Они ничего не обобщали, ни к каким выводам не стремились, подоплеку тех или иных случаев, имена замешанных зэков не раскрывали. Скорее всего, потому, что и сами они были «оперативниками», профессионалами, только из «другой жизни».

— Идет сраживание группировок, — настойчиво указывали они, — местным внушают, что все кавказцы мутят.

Среди присутствующих в самом деле было немало южан. От заместителя начальника колонии по режимно-оперативной работе майора Е. И. Швецова я уже знал, что «в зоне «отрицала» взяла власть», и теперь сообразил — это именно группировка южан, хотя и продолжал недоумевать, почему майор не скрыл от журналиста этого факта, тем самым, по сути дела, расписавшись в своей беспомощности.

В апреле в моей квартире раздался телефонный звонок. Голос незнакомца сдержанно попросил о встрече:

— После вашего отъезда в той зоне два трупа.

При свидании он вручил мне потерянный от многократного складывания разворот тетрадного листа: письмо было по «тюрьпочке» — замысловатый способ передачи из мест заключения через «вольняшек» бумаг, «нежелательных» для прохождения через лагерную цензуру.

Незнакомец внимательно следил за мной, пока я пробежал глазами строчки послания. Потом протянул еще одно письмо, написанное коряво и торопливо:

— Эта «малая» мне. Я был в той зоне «смотрящим» отряда. Возьмите, теперь надежда на вас.

«Смотрящий» — новый, педагогически элегантный синоним слова «пахан». Человек, стоящий передо мной, был выбран «смотрящим». На лагерной «сходке» он единолично в отряде из трех сотен зэков судил и мог выносить приговоры провинившимся по «закону», подчиняясь только «смотрящему» зоне, так сказать, «главпахану».)

Из письма, переданного мне по «тюрьпочке»:

«Во время вашего приезда к вам обращались осужденные: Радионов И., Кононов О., Пчелинцев А., Балаев Б.,

Женетель, а также другие осужденные. При встрече они говорили вам, что после всех изложенных вам фактов их будут репрессировать в зоне, что и последовало незамедлительно. Также вас предупреждали, что в зоне при непосредственном управлении режимно-оперативной части может в самое ближайшее время возникнуть обострение между местными осужденными и приехавшими с юга. В призывах администрации к местным постоянно звучала фраза: «Берите власть в свои руки, перестаньте быть лохами». Шла травля, вплоть до того, что перед всей колонией говорилось, чтобы были осужденных с юга (последних — считанные единицы). По этому поводу несколько осужденных, в частности Одегов и Кодзаков А., обращались непосредственно к начальнику колонии, говорили, чтобы они перестали устраивать эту травлю, последствия которой кончатся плачевно. Этим людей, в частности Одегова Ю., вывезли с зоны, а Кодзакова А. водворили в ПКТ («бур») до освобождения. Осужденные Радионов, Кононов, Пчелинцев, Вахромов и другие, в общей сложности 50 человек, находятся в данное время в следственном изоляторе в городе Кирове.

Все эти факты излагались вам в устной форме из расчета, что вы вскроете все это в печати и это может заставить администрацию задуматься, взвесить, трезво взглянуть на истинное положение в зоне. Но, невзирая на все это, администрация все же сделала свое грязное дело, она все же направила контингент Кировской области на приезжих с юга.

В ночь с 22 на 23 февраля был избит ос. Гуджоков Л. («смотрящий» зоны. — В. Ч.). Избиение Гуджокова было задумано заранее и, как оказалось, с легкой руки администрации. Достоверность этих фактов излагаем ниже:

19 февраля капитан Гуляев — режимник 2отр. подошел к ос. Гуджокову и сказал: «Смотри, парень, тебе будет очень плохо, я тебе это устрою». Также к-н Полуборщев в разговоре с ос. Балаевым высказал такую мысль: «Мы скоро ос. Гуджокова «окучим» — т.е. избьем. Чтоб ос. Балаев не мешал этому, в то время, когда он был на работе, его кровать сдвинули на склад, и Балаеву пришлось перелезть на верхний этаж, оставив ос. Гуджокова на нижнем этаже. После этого был избит ос. Гуджоков, которого после избивания увезли в больницу. Администрация, в частности м-р Швецов, каждый день на проверке говорила, что хорошо знает людей, избивших ос. Гуджокова, но мер по отношению к ним не принимала. Каждый день вызывали ос. с юга и предъявляли им необоснованные претензии. В частности, ос. Кононову при вызове в реж. опер. часть напомнили о разговоре с журналистом, говорили, что это ему даром не пройдет».

Из «малая» бывшему «смотрящему» отряда:

«...В данное время человек 35—40 находится под раскруткой по ст. 77 в тюрьме г. Кирова... Просьба помочь с вашей стороны в следующем. 27 января в зону приехал журналист, объяснили ему, что творится в зоне, и предупредили, что в зоне в самое ближайшее время может быть бойня. Он записал весь материал и просил сообщить ему, если людей будут репрессировать за то, что они были у него, и т.д.

А в зоне, это для вас, творилось вот что. Хозяин (начальник колонии. — В. Ч.) кричит прямо в микрофон на проверке: этих неместных мало, что вы на них смотрите? Когда подошли к нему Одегов и Альберт (А. Кодзаков. — В. Ч.) по этому вопросу, Альберта он закрыл, а Одегова вывез... Короче, местным Швецов и Шалагин дали зеленый свет; те создали блок... и загулял кулак, который в основном доставался неместным, москвичам, а Ладин (кличка Л. Гуджокова. — В. Ч.) как «смотрящий» впрыснул во все это и считал себя нормальным. Шалагин кричит местным: берите власть в свои руки, а то они, заезжие,

считают вас за лохов. Короче, те наперли. 19 февраля Ладин выходит с «кичи» («кича» в лагере — ШИЗО — штрафной изолятор. — В. Ч.), к нему подходит Гуляев и говорит: тебе очень х... будет в зоне, мы тебе устроим. Что бы ни было, к вам за помощью не придут, — ему Ладин ответил. 22 февраля его увезли на больничку... Это менты сделали руками этих торпед, и пошло-поехало.

23 февраля вся зона была с пиковыми. Шалагин и Фикус (прозвище майора Швецова среди осужденных. — В. Ч.) завозят в зону 30 литров клея БФ-4, сами знаете, это готовый спирт, плюс к этому водки, одеколона море было, чего месяца четыре не было в зоне вообще. Весь расчет на то, что нажгутся. И нажрались все почти в улитку».

Из письма мне:

«Вся администрация знала, что в зоне образовалось два лагеря, обстановка была настолько напряженной, что хватало бы одной искры, чем и воспользовалась администрация. С 23 по 27 февраля в зону было завезено 30 л отмешанного клея-БФ, которого никогда в зоне не было, и никаких производственных нужд в этом зона не испытывала. Также было завезено много одеколона «Шипр», коньяка. В зоне было столько спиртного, что его можно было купить в любое время дня и ночи. Ни для кого не секрет, что «барыги» продавали с ведома администрации. Доставку спиртного организовала оперчасть, а именно Швецов и Шалагин. Все это было сделано для того, чтобы страдать две группировки, а последствия списать на пьянку. Все это было высказано нач. колонии, реж. опер. работникам, командиру дивизии. Тех, кто высказал это, закрыли в ШИЗО, некоторых прямо в санчасти, а впоследствии они были вывезены с зоны. Это ос. Балаев, Сааков, Джамбеков, Печенкин и многие другие.

С 23-го по 27-е в зоне сохранялась напряженная обстановка. В период этих дней были репрессированы необоснованно ос. из одной группировки, а тем, кто избил Гуджокова, был включен зеленый свет, и они не переставали заниматься беспределом. Терпение остальных лопнуло, пересилили грани возможных человеческих факторов, каждый думал, что с ним поступят, как и с ос. Гуджоковым, или водворят в ШИЗО. Последнее было выгодно ментам.

С 27 на 28 февраля после очередного рейда группировки, которой руководила ад-ция через некоторых осужденных, случилось то, чего так упорно добивалась администрация, и то, чего не хотели ос. всей колонии, за исключением некоторых. Для последних это оказалось роковым днем. В результате всех интриг в зоне два трупа, много избитых и очень много людей под следствием.

Мы убедительно просим Вас разобратся и помочь людям, которые в данное время находятся под следствием. Просим Вас вмешаться, подробно выяснить суть всего случившегося и не дать совершиться еще одному беспределу.

Надеемся, что Вы отнесетесь с полной серьезностью ко всему этому.

Осужденные: Печенкин, Сааков, Балаев, Липаткин, Музинов, Галаков, Недельский, Повалихин, Насыпайко, Салтыков, Бояринцев, Гайдаровский, Аббасов, Мусаев, Дроков».

Из «малая» бывшему «смотрящему» отряда:

«...Короче, менты ничего не отнимывают («шмон» — обыск. — В. Ч.), хотя знают, что пиковики в зоне навалом. Ждали, когда же все начнется, подкакивая тех в очередной рейд. Последний был для них роковым, с 27-го на 28-е ночью «бур» вышел, закрыл мента в хате, и зона, все, у кого лопнуло терпение, колотили всех тех. В результате 2 трупа: Ларек и Макс, это с той группы, и еще с них человек 10 в больничке, но жить будут».

В общем весь «бур» под раскруткой и с зоны несколько человек, в том числе Гарис и Алик (Н. Радионов и О. Кононов. — В. Ч.), в ос-

новном их хотят крайними поставить. Вывозят в основном москвичей и нас, в общем, кто мог что сказать комиссии. Мы тут сели и написали этому журналисту... если что, пусть заедет в Киров и поговорит с ребятами. Они, короче, его ждут. Он обещал, если что, чтобы ему сообщили...

Ну вот, вроде все черканул. Думаю, что заставило так поступить, Вы сами догадаетесь, но никто в зоне не хотел этой бойни, кроме ментов и того блока, каждый ждал, что застра с ним могут так поступить, на крайняк (крайний случай. — В. Ч.) закрыть. Если что не так написано корреспонденту, можешь скорректировать, переписать, ты пограмотней нас... Потопишь с этой канителью...

30 марта 1989 года»

Итак, в ночь с 27 на 28 февраля 1989 года заключенные в ПКТ лидеры южной группировки решили рассчитаться с распоясавшимися соперниками. Напав на халатно открывшего камеру прапорщика, они вырвались на волю и, сметая противников на пути, «расписались» кровью «беспредельщиков» в промзоне колонии, работающей в ночную смену.

Защитники «ребят» достаточно доказательно высказались в своих двух письмах, я сразу позвонил в Киров. В разговоре со мной начальник УВД А. М. Розуван сообщил, что халатного прапорщика уже отдали под суд военного трибунала, а в высказываемых мной претензиях к деятельности администрации колонии нужно еще внимательно разобраться. Затем я послал полковнику письмо, пересказав полученные из зоны факты без указания фамилий осужденных, подписавших письмо ко мне. Особенно неотразимым мне казался факт завоза спиртного в колонию накануне событий.

В конце мая из УВД мне письменным ответили:

«Ваше письмо о недостатках в деятельности учреждения ОР-216/5 ОИД УВД Кировского облисполкома внимательно рассмотрено.

По изложенным Вами событиям, имевшим место 28.02.89 года, проводилось служебное расследование с участием прокурора области и дана принципиальная оценка действиям администрации и военнослужащих, приведшим к чрезвычайному происшествию.

28 февраля 1989 года возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР, следственные действия по которому проводятся группой следователей УВД и облпрокуратуры.

Изложенная Вами в письме информация о якобы провокационных высказываниях и действиях со стороны администрации по обострению взаимоотношений между осужденными с целью занятия лидирующего положения так называемой Вами «Кировской группировкой», не подтверждается, наоборот, администрацией учреждения принимаются профилактические меры к предупреждению обострений взаимоотношений между осужденными».

Последний мой телефонный разговор с А. М. Розуваном состоялся в конце июня. Он сказал, что издан приказ, дисциплинарно наказаны многие из администрации колонии, а ее начальник отправлен на пенсию. Но я от самого начальника зоны В. И. Марфина еще до ЧП знал, что он давно решил уйти на пенсию, как только подойдет выслуга — как раз этой весной. А. М. Розуван возмущался разгильдяйством прапорщика в ПКТ. Вечный горе-стрелочник!!

Ну, конечно: спиртное сами завезли, сами и передрались — на то они и эски, на то они и «отрицала», администрация никого ни на что не провоцировала. Во всем разобрались, все в порядке: можно и в газету писать, и министерству докладывать.

...А я смотрю на грязный измызганный тетрадный листок с пятнадцатую подписями — и нет мне покоя, нет, не во всем я еще разобрался, не все еще в порядке. И снова берусь за перо.

"ОТРИЩАЛЫ"

Владимир ЧЕРКАСОВ
Фото Альберта ЛЕХМУСА

Съемка сделана в
учреждении ОР—216/5

НАМ ОТВЕЧАЮТ

Главным управлением по исправительным делам МВД СССР рассмотрены вопросы, поставленные в бюллетене «Совершенно секретно» (1989. № 1), касающиеся переписки осужденных, разрешения ношения им нательных крестиков, а также посещения исправительно-трудовых учреждений служителями культа.

Исправительно-трудовыми кодексами союзных республик установлена норма отправления писем осужденными в течение одного месяца в зависимости от вида режима ИТУ.

Осужденный П. Саклин в своем письме в редакцию правильно считает, что данная норма закона не позволяет должным образом поддерживать социально полезные связи с близкими людьми. МВД СССР подготовлены предложения в законодательные органы о снятии ограничений в переписке лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. По согласованию с Прокуратурой Союза ССР осужденным разрешено ношение нательных крестиков и других аналогичных предметов культа, изготовленных из недорогих металлов, приобретение и хранение религиозной литературы, издаваемой в СССР.

Мы разделяем мнение академика В. Кудрявцева и священнослужителя М. Кулакова о возможности посещения исправительно-трудовых учреждений священнослужителями по личной просьбе осужденных или по официальным обращениям религиозных деятелей. МВД СССР совместно с Советом по делам религий при Совете Министров СССР даны необходимые разъяснения по данному вопросу органам, исполняющим уголовное наказание в МВД союзных и автономных республик, ГУВД, УВД крайоблгорисполкомов.

Начальник Главного
управления по
исправительным делам
МВД СССР
И. Н. КАТАРГИН

Выиграв 9 ноября 1985 года свою самую главную шахматную партию, я не подозревал, что жизнь логически вовлечет меня в противоборство общественных сил, начало которому положила перестройка. Это борьба не просто за справедливость в шахматах, это борьба за ценности куда более важные — общечеловеческие. Они имеют особое значение для нашей страны, потому что напрямую связаны с теми поистине историческими переменами, которые сейчас у нас происходят. Я — дитя этих перемен, так как принадлежу к левому крылу общества и по убеждениям, и по судьбе. По убеждениям — потому что я никогда не мог принять царившую у нас авторитарную идеологию. По судьбе — ибо только перемены в стране позволили мне преодолеть многочисленные барьеры, воздвигаемые на моем пути к мировому первенству.

Мое гражданское становление прошло в условиях Административной Системы, высшим смыслом которой, казалось, было подавлять в человеке личность. Мне удалось выстоять. Естественно, не обошлось без компромиссов, без каких-то потерь. Бессмысленно это отрицать. Мои противники беззастенчиво использовали всю мощь аппарата, и мне, чтобы не быть раздавленным, приходилось искать влиятельной поддержки.

Серьезное испытание ожидало меня, когда я завоевал титул чемпиона мира и передо мной открылись многие двери. Чиновники полагали, что произойдет просто смена декораций на шахматном Олимпе. Но я понимал: под покровительством Системы свобода самовыражения мне будет предоставлена лишь на шахматной доске. Пойти на это — значило изменить самому себе. Давно известно: свобода — не то, что тебе дали, а то, что у тебя нельзя отнять!

1987 год я считаю переломным в своей жизни. Публикация на Западе книги «Дитя перемен» и последовавший затем разрыв с Госкомспортом, по сути, определили мои отношения с Системой.

К сожалению, многолетняя война шахматного официоза против претендента, а затем чемпиона мира Каспарова — многократно измененные и все равно нарушенные правила соревнований, четыре (!) матча на первенство мира за три года — вся эта неприглядная действительность, ставшая частью новейшей шахматной истории, до сих пор не получила должной оценки. Бюрократический аппарат все еще силен, в его руках государственные миллионы, которыми он может распоряжаться по своему усмотрению, за ним дух и идеология Административной Системы, основанной на подавлении всякого свободомыслия.

Шахматы, как и весь остальной спорт, часть этой Системы, поэтому неудивительно, что многие годы они находились под бюрократическим гнетом и ни о какой демократии, ни о какой свободе мнений не могло быть и речи. Многие шахматисты испытали на себе всю безжалостность этой машины. Десятки советских шахматистов, оказавшихся за пределами своей родины, — это тоже показатель того, что в нашем шахматном доме уже давно что-то не в порядке.

В публичных выступлениях я стараюсь избегать темы своих взаимоотношений с Карповым, хотя во многом через них начались основные конфликты между мной и управленческим аппаратом. Я понимаю, что в принципе эта тема уже всем наскучила и у каждого на сей счет собственное мнение. Но необходимо сказать, что Госкомспорт и президиум Шахматной федерации СССР, изначально заняв в этом вопросе вполне определенную позицию, в значительной степени предопределили и начало, и развитие конфликта.

Мы зачастую игнорируем тот факт, что Система тоже оперативно реагирует на изменение политического и общественного климата в стране. Понимая, что топорное использование административной мощи стало крайне непопулярно, наиболее дальновидные апологеты Системы выдвигают на авансцену своих лучших представителей. Происходит незаметная для многих подмена понятий: незаурядный индивидум начинает своим именем и успехами прикрывать деятельность Системы. С этим процессом мы регулярно сталкиваемся в идеологической сфере противостояния старого и нового.

Должен признать, что в случае с Карповым этот замысел с пропагандистской точки зрения был реализован блестяще. Еще в застойные годы вознесенный официозом на недосягаемую идеологическую высоту и став неотъемлемой частью Системы, Карпов принял новые правила игры и благодаря своим выдающимся спортивным качествам и достижениям сумел отвлечь внимание общественности от хронических проблем шахмат, да и спорта в целом. Сделав из Карпова политический противовес моей деятельности, Система все эти годы тщательно заботилась о поддержании безукоризненной репутации своего кумира в глазах народа.

Мы стали свидетелями того, как непомерно раздутым конфликтом между «двумя К» — Карповым и Каспаровым — постарались прикрыть беззаконие и произвол, творимые в нашей шахматной жизни.

Вспомните скандальное окончание 55-го чемпионата страны в августе 1988 года. После того как мы с Карповым поделили 1—2-е места, по регламенту должен был состояться матч за звание чемпиона СССР. Но он так и не состоялся. Пушечный же организаторами и подхваченный рядом журналистов миф о якобы «непримиримых разногласиях» между нами был не более чем уловкой, призванной скрыть ответ на главный вопрос: кто и на каком основании отменил уже начавшийся матч? Я говорю «уже начавшийся», потому что была проведена его жеребьевка, с моим и Карпова участием, что фактически означает начало соревнования. Однако, придя на первую партию, я вместо нее попал на... пресс-конференцию.

На вопрос, кто отменил матч, мне ответили, что это сделано по устному распоряжению зампреда Госкомспорта В. Гаврилина...

Трудно не заметить, что в очередной раз решение спортивных функционеров полностью совпало с требованиями Карпова, высказавшего недовольство не только необходимостью играть матч до первой победы, но и слишком близкой датой его начала. В проекте постановления бюро президиума Шахматной федерации было сказано: «Ввиду... усталости обоих

БЕЗЛИМИТНЫМ ПОЕДИНОК

Гарри КАСПАРОВ

Из автобиографической книги чемпиона мира по шахматам

участников». Из какого медицинского документа следовал этот неожиданный вывод? С каких пор соревнования прекращаются из-за того, что участникам не хочется играть ввиду их усталости?

Ответ напрашивается: с 15 февраля 1985 года — с того дня, когда Кампоманес прервал наш первый матч на первенство мира, сославшись на критическое состояние здоровья участников и усталость судей, организаторов, зрителей и т.д. Кампоманес уверял, что действует, «руководствуясь высшими интересами шахмат», ссылаясь при этом на письмо Советской федерации, подписанное Севастьяновым. Какое же нескрываемое удовольствие должно было прозвучать в словах Кампоманеса после разразившегося на 55-м чемпионате СССР скандала: «Теперь вы видите, что экспортируете в ФИДЕ свои проблемы!»

Начиная работать над книгой «Дитя перемен», я считал, что завершение борьбы за титул чемпиона мира означает завершение борьбы на всем шахматном фронте. Раньше так и было. Чемпион автоматически получал королевские полномочия, его мнение по важнейшим вопросам становилось определяющим. Посягнув на основы сложившейся в шахматах системы управления, я сам себя лишил чемпионской «неприкосновенности». Но, правда, только себя. Прежняя «неприкосновенность» осталась за прежним чемпионом! Вот вам и ответ на вопрос, заданный в мае 1989 года шахматным обозревателем «Недели» Виктором Васильевым: «Как объяснить беспорочную аномалию: почему по адресу А. Карпова никто, кроме Г. Каспарова, не позволяет себе критических высказываний, а претензии к Г. Каспарову постоянно и беспрепятственно высказываются практически каждым, у кого есть для этого время и желание?» И тут же он привел внушительный список тех, кто выступал против меня «с резкими прямыми или завуалированными нападками»: «Студенческий меридиан», «Наш современник», «Советская Россия», «64-Шахматное обозрение», «Спортивная Москва», «Советский спорт», обозреватель ТАСС, обозреватель «Правды» гроссмейстер А. Суэтин и другие.

Я не жалею о том, что лишился этой сомнительной чемпионской привилегии. Уверен: борьба за демократические ценности несовместима с диктатом кого бы то ни было!

Многие недоумевают: зачем я продолжаю эту изнурительную борьбу? Зачем рискую? Молод, материально обеспечен, достиг вершины в своей профессии! Чего еще? В какой-то момент — после четвертого матча — я тоже подумал: все, война закончилась. Это была иллюзия. Закончился лишь определенный этап моей жизни. И каждый раз, переставая очередную проблему, побеждая очередного противника, я видел, что главные сражения еще впереди. Когда-то за Управлением шахмат я не видел бюрократов ФИДЕ, за Кампоманесом — чиновников Госкомспорта... Сегодня я свободен от иллюзий. И мог бы повторить слова Роберта Джордана из романа Хемингуэя «По ком звонит колокол»: «Впереди пятьдесят лет необъявленной войны с фашизмом, и я подписался на весь срок».

10 ноября 1985 года, на следующий день после того, как я

стал чемпионом мира, Рона Яковлевна Петросян сказала мне нечто неожиданное: «Гарри, мне жаль вас». В душе я сразу отверг ее слова, тем более что сказано это было в тот момент, когда я вместе с друзьями праздновал в Москве свою победу. Чего меня жалеть? Я только что завоевал мировую корону, мне двадцать два, я самый молодой чемпион в истории шахмат!

Но я знал, что Рона Яковлевна — человек сведущий и многоопытный. Уже не раз она делала мне важные предупреждения, и у меня не было причин не доверять ее интуиции. «Но почему меня нужно жалеть?!» Я напрямик спросил об этом Рону Яковлевну. «Мне жаль вас, Гарри, — ответила она, — потому что ваш самый счастливый день уже позади!»

Слишком рано еще говорить о том, права ли была вдова девятого чемпиона мира. В конце концов, мне и сейчас только двадцать шесть. Но в ее словах я почувствовал тогда и другой, более глубокий смысл. Было в них какое-то смутное беспокойство, как бы предвосхищение моих будущих проблем. И это отозвалось в душе тревожной нотой...

Мама считает самым важным днем моей жизни 13 апреля 1963 года — день, когда я родился. Собственно, это могло случиться и днем позже, так как я появился на свет в 23.45. В известном смысле мама предпочла бы, чтобы так и произошло. Но родился я все-таки 13-го, и, вопреки всем суевериям, эта цифра оказалась для меня счастливой. Настолько, что я даже стал тринадцатым чемпионом мира.

Но для меня самого памятной стала другая дата — 15 февраля 1985 года, постыдный день в истории шахмат, когда президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес с благословения нашего спортивного руководства прервал мой первый матч за мировое первенство с Анатолием Карповым. Прошли годы, но драматические события, случившиеся в тот день на пресс-конференции в московской гостинице «Спорт», до сих пор отдаются эхом в шахматном мире.

Сейчас я понимаю, что в те считанные секунды, за которые я тогда преодолел путь из зрительного зала к трибуне, чтобы заявить свой протест против незаконного решения, я сделал самый важный выбор в жизни. В тот день я бросил вызов своим противникам, моя борьба стала открытой!

Вероятно, мы никогда не узнаем всех деталей сговора между Кампоманесом, Карповым и руководителями Госкомспорта СССР. Но в одном можно быть уверенным: это замыслилось не для спасения Каспарова. И, однако, как уже бывало в тяжелые моменты жизни, судьба удивительным образом все обернула в мою пользу. Всякий раз, когда, просматривая видеокассету с записью пресс-конференции, я задерживаю кадр с растерянным лицом Кампоманеса, вижу его бегающие глаза, я укрепляюсь в вере, что борьба, начатая мной в тот день, — справедливая борьба. Она выходит далеко за пределы шахмат, потому что касается самого главного — того, как люди в этом мире должны и как не должны вести себя по отношению друг к другу...

Окончание матч-реванша в октябре 1986 года не только подводило итог тяжелейшим испытаниям, выпавшим на мою долю в ходе борьбы за шахматную корону, но и давало

наконец хоть какую-то передышку. Именно в те дни созрел замысел собрать воедино фактический материал и попытаться создать целостную картину пережитого, для того чтобы люди могли лучше понять подлинный смысл той борьбы, которую я продолжал вести, и уяснить природу противостоящих сил. Я понимал, что, когда приходится писать по горячим следам событий, на многое неизбежно накладывается отпечаток незавершенности действия. Но ведь в данном случае можно было говорить и о целом жизненном этапе: я стал чемпионом мира.

...Евгений Евтушенко, написав в начале 60-х годов автобиографию, изданную на Западе, назвал ее «преждевременной», а спустя четверть века, выступая в Центральном Доме литераторов, откровенно признался: «В тридцать лет такие книги не пишут».

А в двадцать четыре? И все же не будем спешить с выводами. Конечно, с возрастом мы становимся объективнее, сдержаннее в оценках. Но становимся ли мы искреннее? Я думаю, что годы притупляют остроту реакции, свежесть взгляда на многое, что было ранее, и мы невольно начинаем подгонять факты под события, которые произошли позже.

Должен сразу оговориться, что публикация книги «Дитя перемен» («Child of change») у нас в стране не входила пока в мои планы. И отнюдь не потому, что я этого не хотел, просто надежд на ее издание было тогда крайне мало. Но наша жизнь стремительно меняется, и шахматная — тоже...

Все благоприятствовало написанию книги. Перестройка в стране набирала силу, гласность начала проникать в самые глухие зоны политической жизни, на Западе резко повысился интерес к происходящим у нас событиям. Моим соавтором стал Дональд Трелфорд — видный английский политический обозреватель, главный редактор еженедельника „Observer“. Имевшийся у меня опыт интервью, в том числе и в западной прессе, позволял надеяться на успешное решение сложной задачи. Ведь книга «Дитя перемен» даже не писалась — я просто наговаривал ее на диктофон на английском языке, которым владею, конечно, много хуже, чем родным русским. К тому же подгоняли сроки: завершение работы над книгой совпало с подготовкой к севильскому матчу.

Увы, всех трудностей преодолеть не удалось. Несмотря на прекрасное переложение Трелфорда, мои взгляды и мысли не нашли полного отражения в книге. Тем не менее мне удалось получить необходимый опыт, нащупать свою форму подачи материала.

Выход книги «Дитя перемен» одновременно на шести европейских языках переполошил тех, кто надеялся с помощью послушных органов печати представить свои деяния в выгодном свете. Неудивительно, что сразу же по окончании матча в Севилье у нас в стране началась мощная газетная кампания против книги.

Но спрашивается: если книга на русском языке не издана, никто ее не читал, то как можно заводить серьезный разговор о ней, а тем более устраивать ее осуждение? Не в духе ли это былых времен, о которых один писатель остроумно сказал: «Мы знали все ошибки Фейербаха, не прочитав ни одной его строчки?»

Любопытно, что другую мою книгу — «Два матча», вышедшую в канун севильского поединка, «заинтересованные лица» просто не заметили, и никаких дискуссий о ней в печати не возникало. Хотя она не менее острая, а во многом открыто полемичная. Видимо, причина в том, что она издана у нас в стране. И если бы кому-то вздумалось вырвать из контекста цитату и произвольно истолковать ее, как это делают иные мои оппоненты, высказываясь о книге «Дитя перемен», то любой читатель без труда мог бы уличить подобного критика в недобросовестности. Когда же такой возможности нет, это развешивает руки.

К сожалению, советская шахматная общественность долгое время оставалась в неведении относительно конфликтов и интриг вокруг розыгрыша мирового первенства. Укоренившийся стараниями наших журналистов стереотип «честного спортивного единоборства двух выдающихся советских шахматистов» должен был символизировать нерушимое единство и сплоченность отечественной шахматной школы... Поэтому и приходилось болельщикам довольствоваться в основном слухами, обрывками сведений, доходящими из-за рубежа, где вовсю обсуждалась бурная «политическая» борьба, ведущаяся на вершине шахматной пирамиды. В конце концов, проблемы, появившиеся на свет в нашей стране, должны были, подобно бумерангу, вернуться обратно...

Работа над русским изданием книги «Дитя перемен» дала несколько неожиданный результат — получилась фактически новая книга. Прежде всего потому, что со времени ее выхода прошло два года; произошли новые события, всплыли интересные факты. Что же касается общей направленности книги, моих принципиальных оценок тех или иных событий, то они не только сохранились, но и дополнены архивными документами и свидетельствами.

Кроме того, сам жанр претерпел коренные изменения: тогда я говорил, а теперь — пишу! Известно, что в разговоре человек, как правило, многословнее, категоричнее, менее точен в выражении своих мыслей. Чистый лист бумаги гасит излишнюю эмоциональность, заставляет искать точные слова. Что толку просто назвать кого-то трусом, шпионом, мафиози, взяточником? Для читателя гораздо важнее документы, факты, логика, четкая аргументация. Он сам разберется, кто есть кто.

Я всегда знал, что Карпов занимал очень высокое положение в системе советских шахмат, но не понимал, что он правит, как король. Еще бы: вернул стране престиж, потерянный после того, как в 1972 году в Рейкьявике Борис Спасский потерпел поражение от Роберта Фишера, первого западного шахматиста, которому удалось завоевать титул чемпиона мира в послевоенное время.

Вспомните: Ботвинник, Смыслов, Таль, Петросян, Спасский. Мы полностью доминировали в мировых шахматах, пока Фишер не прервал это триумфальное шествие. Поражение Спасского явилось весьма ощутимым для нас ударом, тем более что оно было нанесено американцем и вызвало огромный резонанс во всем мире.

После Рейкьявика шахматных руководителей обвинили в попустительстве, а ведущих гроссмейстеров — в самоуспокоенности. Было высказано много других упреков и взаимных обвинений, признана необходимость более серьезного отношения к делу и более жесткой дисциплины. Сформировалось мнение, что наши именитые шахматисты утратили свою былую боевитость, ведя лишь междоусобную борьбу, и что им необходим суровый опыт зарубежных турниров. Главную ставку сделали на быстро прогрессирующего Карпова, вернувшегося в страну после длительного перерыва звание чемпиона мира среди юношей. И молодой фаворит вдруг обнаружил, что перед ним легко открываются все двери и ему с готовностью выдают разрешения на участие в престижных зарубежных турнирах. Новой надежде советских шахмат не было отказа ни в чем!

Не следует забывать, что у нас в случае неудачи могут пострадать не только сами шахматисты, но и курирующие их чиновники. Победы Фишера создали проблемы для многих наших шахматных функционеров, так как считалось, что были допущены серьезные просчеты в подготовке спортсменов. Никто не хотел признать простую истину, что причиной всех наших огорчений был гений Фишера.

Придя в себя от потрясения, вызванного поражением Спасского, шахматное руководство сразу увидело ряд преимуществ в выдвижении на главную роль молодого чемпиона с Урала. Карпов вселял надежду на успешную борьбу с Фишером. Кроме того, было понятно, что этот дисциплинированный, исполнительный труженик, склонный к конформизму, в отличие от Спасского, не станет «раскачивать лодку». Отныне шахматные чиновники связали свою судьбу с судьбой этой восходящей звезды. К слову, для бывшего космонавта Виталия Севастьянова Карпов оказался тем «спутником», который вывел его на новую орбиту — председателя Шахматной федерации СССР.

Карпов быстро оправдал возлагаемые на него надежды, выиграв несколько турниров за рубежом, где он как бы заполнил пустоту, оставленную самоустранившимся Фишером. В 1973 году он выиграл вместе с Корчным межзональный турнир в Ленинграде, а затем последовательно победил в претендентских матчах Полугаевского, Спасского и Корчного. Теперь ему предстоял матч с Фишером.

Но матч не состоялся — выдвинутые чемпионом мира условия не были приняты. Хотя, невзирая на вполне объяснимое противодействие нашей федерации, шансы на их принятие были велики: чрезвычайный конгресс ФИДЕ, созванный в марте 1975 года, утвердил фишеровскую формулу безлимитного матча до десяти побед, и лишь требование Фишера о том, чтобы при счете 9:9 чемпион сохранял свое звание, было отклонено 35 голосами против 32-х (при трех воздержавшихся).

Отвергал это требование и претендент: ведь ему, чтобы стать чемпионом мира, пришлось бы выигрывать с перевесом минимум в два очка (как в свое время Алехину у Капабланки, но в матче до шести побед).

Настал бы когда-нибудь исторический день встречи соперников в матче на первенство мира, прими ФИДЕ и последнее условие Фишера? Очень сомнительно. И дело не только в затворничестве Фишера. «Теперь нет смысла нервничать», — заявил вскоре после конгресса Карпов. — Волноваться можно было, когда чрезвычайный конгресс еще не состоялся и я мог предполагать, что там будут приняты абсолютно все требования Фишера. Если это случилось бы, тогда я просто не имел бы морального права играть матч. Но когда я узнал, что конгресс прошел не под диктовку Фишера, моментально успокоился. Мне стало ясно: либо матч состоится, либо я сразу — чемпион мира».

И настал другой исторический день — 24 апреля 1975 года, когда президент ФИДЕ Макс Эйве увенчал Карпова лавровым венком чемпиона мира.

На последовавшей затем пресс-конференции новый чемпион мира ответил на вопрос о возможности поединка с Фишером: «Поскольку право экс-чемпиона на матч-реванш давно отменено и его никто не восстанавливал, я не могу играть с Фишером матч на звание чемпиона мира». Но заявил, что по-прежнему готов сыграть с Фишером неофициально и на других условиях.

В итоге Карпов так никогда и не встретился за доской с «шахматной легендой». Однако чемпионский титул, полученный таким образом, не принес удовлетворения ни ему, ни истинным любителям шахмат в нашей стране. Я всегда чувствовал, что у Карпова в связи с этим возник определенный комплекс. Вот почему он принял участие в огромном количестве международных турниров, большем, чем кто-либо из чемпионов: Карпов как бы демонстрировал миру свое право носить корону.

Время начало работать на Карпова. Системе, которая возводила в абсолют все, что способствовало утверждению идеологических фетишей (в том числе и в спорте), он подходил идеально. К этому времени удельный вес шахмат в политике спорта стал расти. Английский гроссмейстер Майкл Стин отметил: «Нетрудно понять широкую популярность Карпова в Советском Союзе. Он похож на человека из масс, и поэтому массам легко отождествлять себя с ним». Карпов не был евреем, как Ботвинник и Таль, или армянином, как Петросян. Он был русским из глубинки. Сам Карпов старается подчеркнуть еще и свое «пролетарское» происхождение. Все это сыграло, вероятно, решающую роль в создании его культа.

Некоторые западные журналисты искали причину моих конфликтов с шахматными властями в том, что мой отец был евреем. Думаю, причина не в этом. По культуре и образованию я — русский. Мой родной язык — русский, а вовсе не армянский или азербайджанский, я изучал русскую литературу в школе, мое жизненное мировоззрение формировалось на русской классике. Несомненно одно: получив в семье интернациональное воспитание, я не выработал в себе каких-либо специфических, сугубо национальных черт поведения.

Все те трудности, с которыми мне пришлось столкнуться, связаны, думаю, не с моей национальностью, а с противо-

борством сил другого рода. Будь я более покладистым, удобным для аппарата, моя судьба, наверное, сложилась бы иначе.

Принято говорить: везет на друзей. Но точно так же может везти и на врагов. Карпову исторически крупно повезло, что его главным противником в течение многих лет был Корчной. «Отщепенец», «изменник», «предатель», «перебежчик»... Какими только эпитетами не награждала его советская пресса после того, как он остался на Западе. Неудивительно, что победа над Корчным придавала огромное политическое значение. Победы в Багио (1978) и Мерано (1981) создали Карпову особый ореол в нашем обществе и позволили ему стать не просто шахматным чемпионом, но символом советской системы. И это очень устраивало спортивных руководителей, вообразивших, что они заняты не спортом, а большой политикой! Под флагом борьбы с «политическим врагом» они могли рассчитывать на самую высокую поддержку и на любую помощь со стороны государства.

Историю борьбы за мировое первенство создают не только чемпионы, но и те, кто составил им серьезную конкуренцию. Среди гроссмейстеров, в пору своего расцвета угрожавших шахматному трону, беспристрастный летописец назовет в первую очередь, конечно, Чигорина, Тарраша, Рубинштейна, Боголюбова, Бронштейна, Кереса... Но ни один из «вторых» не прошел столь тяжкий путь нешахматной борьбы, как Виктор Корчной.

Еще в 1974 году, во время его первого единоборства с Карповым, стало ясно, что симпатии аппарата всецело на стороне Карпова. Это вызвало раздражение Корчного, который в послематчевых интервью для зарубежных изданий заявил, что на него оказывалось давление в ходе матча. Кроме того, он обвинил спортивное руководство в том, что оно обеспечило Карпова самыми квалифицированными тренерами и лучшими условиями для подготовки. Но это был глас вопиющего в пустыне: у Корчного не было никого, кто бы защитил его.

В июле 1976 года после турнира в Амстердаме Корчной подвел черту под своими отношениями с Системой, попросив политического убежища на Западе. Невозвращение Корчного повергло наших функционеров в шок. Конечно, шахматисты уезжали и до него, но официально, а чтобы кто-то просто остался за рубежом, да еще гроссмейстер такого уровня — это не укладывалось в голове! Корчной был дисквалифицирован и лишен всех званий, волна осуждения прокатилась по страницам наших газет и журналов.

Советским шахматистам пришлось поддержать бойкот Корчного на международных турнирах, объявленный Шахматной федерацией СССР. Однако ФИДЕ потребовала, чтобы в официальных соревнованиях розыгрыша первенства мира наши шахматисты играли с Корчным, в противном случае им будет засчитываться поражение. Выбора не было. Петросян, Полугаевский и Спасский, встречаясь с Корчным в претендентских матчах, не обменивались с ним ни единым словом, даже ничью приходилось предлагать через посредника. Несмотря на такой «тройной заслон» бывших соотечественников, вновь, как и четыре года назад, соперником Карпова стал Корчной.

С нетерпением ожидал в 1978 году шахматный мир начала матча на далеких Филиппинах. Однако долгожданный матч между Карповым и Корчным не оправдал надежд стать величайшим состязанием в истории шахмат. Хотя он, без сомнения, вошел в историю как один из самых загадочных. Должен признать, что уровень матча в Багио был очень высок, а игра Карпова временами — блестящей (не могу сказать того же о матче в Мерано). К сожалению, матч запомнился не столько качеством игры, сколько своей ненормальностью.

Необычным был уже сам выбор места действия. Багио расположен в 250 километрах от столицы Филиппин Манилы на высоте 1500 метров над уровнем моря. Порой город исчезал в густом тумане, так как матч проходил в сезон дождей, причинивших участникам некоторые неудобства. Наверное, не раз оба игрока задавались вопросом, почему именно это место выбрано для проведения матча, учитывая, что и тот и другой отдали предпочтение другим городам: Корчной поместил Багио в своем списке вторым, а Карпов назвал «резервным городом».

Ответ на этот вопрос нужно искать у чрезвычайно деятельного и бесконечно хитрого филиппинца Флоренсио Кампоманеса, пользовавшегося покровительством диктатора Маркоса. Это был его дебют на мировой шахматной сцене. Он установил хорошие отношения с Севастьяновым и Батуриным, руководителем делегации Карпова. И, как оказалось, не зря. Именно в Багио Кампо, как его стали называть, сделал солидную заявку на высший пост в мировых шахматах, добившись расположения советских официальных лиц и Карпова. Этого он достиг, всячески содействуя чемпиону, хотя, как организатор матча, должен был бы оставаться нейтральным. Награду Кампоманес получил через четыре года в Люцерне, когда при нашей решающей поддержке был избран президентом ФИДЕ.

Конфликтов на этом матче хватало. Вспомним знаменитую «историю с йогуртом» — особой питательной смесью, разработанной специально для Карпова в Московском институте питания и напоминающей по виду фруктовый кефир. Уже после второй партии П. Лееверик, руководительница делегации Корчного, заявила протест по поводу того, что Карпову во время игры подали стакан йогурта. Она написала главному арбитру Лотару Шмиду: «Ясно, что хитро организованная передача пищи одному из игроков может означать какое-то шифрованное послание». И хотя, по словам Карпова, смесь «могла иметь всего два оттенка в зависимости от количества кислоты, содержащейся в стакане», Шмид попросил все же, чтобы напиток передавался Карпову в одно и то же время. «Закодировать можно и банановую кожуру», — сказал он при этом, — но соленая рыба, которую ел Фишер в матче со Спасским, ни у кого не вызвала подозрений». Как бы то ни было, эта история вывела Корчного из равновесия.

Затем возникла «проблема доктора Зухаря», психолога Карпова, который пристально смотрел на Корчного со своего места в четвертом ряду (первые три были отведены для

почетных гостей).

Пытался ли профессор гипнотизировать претендента? На всякий случай Корчной потребовал, чтобы Зухарь пересел подальше от сцены. Он также потребовал установки зеркального экрана между игроками и зрителями (кстати, под шахматным столиком была сделана деревянная перегородка на случай, если игроки попытаются пнуть друг друга ногой). В конце концов пришли к компромиссному решению: Карпов согласился, чтобы Зухарь пересел назад, при условии, что Корчной снимет огромные зеркальные очки, которые мешали Карпову, и откажется от требования установить экран между залом и сценой (однако в день последней партии Зухарь вновь пересел в четвертый ряд, и Корчной обвинил Карпова в нарушении их джентльменского соглашения).

Потом возникла «история с парапсихологами», когда Корчной пригласил двух членов секты «Ананда Марга» присутствовать в зале, чтобы помогать ему в мыслительном процессе. Вскоре выяснилось, что они осуждены филиппинским судом за покушение на индийского дипломата и выпущены на свободу под денежный залог до рассмотрения апелляции. После долгих препирательств, заявлений и совещаний им было запрещено появляться в зале...

Я так подробно останавливаюсь на нешахматной стороне матча потому, что интересно проследить поведение Карпова в конфликтной ситуации, тем более что тогда он был на вершине славы. Дополнительный интерес вызывает то, что именно в Багио сложился дружеский альянс Карпов—Кампоманес, имевший далеко идущие последствия для шахматного мира. Не будем, однако, забегать вперед и вернемся в Багио.

Итак, казалось бы, в безнадежном положении (после 27 партий счет был 5:2 в пользу Карпова, а игра шла до шести побед) Корчной сумел переломить ход борьбы и сравнял счет. Это случилось 13 октября. «Проиграв до того две партии и позволив противнику вплотную приблизиться ко мне в счете матча,—вспоминал Карпов в книге «В далеком Багио»,—я переживал, честно говоря, все же еще не очень. Понимал: рано или поздно придет праздник и на мою улицу и, пересилив себя, сумею нанести решающий удар. Потерпев же поражение в 31-й партии, я расстроился не на шутку. И потому, что счет стал уже 5:5, и оттого, что совершеннейший просмотр в один ход. В окончательной победе я все равно не разуверился, но, сами понимаете, иметь возможность получить 5:1... добиться 5:2 и вот теперь «докатиться» до 5:5... Было от чего потерять голову».

Спустя годы в «Spiegel» появилось сенсационное сообщение: оказывается, именно в день проигрыша 31-й партии Карпов заключил контракт с фирмой «Novag» в Гонконге на рекламу шахматного компьютера. Можно только позавидовать выдержке и хладнокровию нашего чемпиона, который в самый трагический момент матча «не потерял голову». Посредником в сделке выступил деловой партнер Карпова, западногерманский тележурналист Гельмут Юнгвирт. Вот что рассказал бывший президент Немецкого шахматного союза Альфред Кинцель в беседе с корреспондентом газеты «Московские новости» в сентябре 1988 года: «Юнгвирт познакомился с Карповым, когда вел телепередачу «Шах чемпиону», в которой телезрители ФРГ играли с Анатолием Карповым. Будучи репортером на матче в Багио, Юнгвирт часто летал в Гонконг, где встретился с Петером Ауге, владельцем фирмы по продаже компьютеров. У них возник план: использовать имя чемпиона мира для рекламы. Юнгвирт сообщил хозяину «Новага», что А. Карпов принял предложение при условии: с каждого проданного компьютера ему будет отчисляться определенная сумма».

Момент, выбранный для заключения контракта, вызывает удивление. Позднее Юнгвирт заявил, что Карпов, опасаясь гонений у себя на родине в случае поражения от эмигранта Корчного, собирался бежать в США и в кассе манильского аэропорта его ждал билет авиакомпании «Pan Am» до Лос-Анджелеса. 30 ноября 1988 года суд в Гамбурге признал «откровения» Юнгвирта вымыслом. Еще раньше об этом заявил тот же Кинцель—кстати, одно из доверенных лиц Карпова: «Мое мнение: Юнгвирт все наврал. Да и на суде он продолжал сочинять небылицы».

...Теперь все зависело от того, кто одержит следующую победу. Тогда-то и появились слухи о том, что советская делегация, озабоченная состоянием здоровья Карпова, предложила прекратить матч при счете 5:5, при этом Карпов, конечно, сохранял титул чемпиона. Опровержение этих слухов показалось мне тогда убедительным, но с годами возникли сомнения. Тогдашний президент ФИДЕ Макс Эйве сказал Реймунду Кину, одному из секундантов Корчного, что матч при равном счете следует прекратить. Он выдавал это за свою собственную идею, хотя вполне возможно, что она была ему подсказана, как спустя семь лет другому президенту ФИДЕ—Кампоманесу, когда он прекратил наш первый матч с Карповым в сходной ситуации и под тем же предлогом...

Что же произошло дальше в Багио? «...На помощь пришел Виталий Иванович Севастьянов,—пишет Карпов,—человек живой, энергичный, заводила во всех компаниях, человек, рядом с которым унывать было бы просто стыдно... Виталий Иванович по собственной инициативе то садился играть со мною в нарды, то обучал новой форме раскладывания пасьянса, то заставлял выходить из машины и ночью идти пешком... И вот в решающий момент единоборства именно он настоял на необходимости (многие колебались) взятия перерыва от шахмат, но не для того, чтобы проводить этот тайм-аут в привычных и набивших оскомину условиях и опять же за анализами на шахматной доске, а ради смены впечатлений, для поездки в Манилу, где завершался чемпионат мира по баскетболу. Это было смелое и рискованное решение пятичасовой (то только в одну сторону) переезда на автомобиле по горной дороге вряд ли кто-нибудь рекомендовал накануне самой ответственной партии. Но конкретная ситуация требовала и конкретного подхода. Творческая смелость решений, как я тогда убедился, исключительно важна в экстремальных обстоятельствах».

...А в Багио тем временем полыхали совсем иные страсти, продолжает Карпов. Уже через час примерно после нашего отъезда главный организатор матча и вице-

президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес собрал неожиданную пресс-конференцию по вопросу о продолжающемся вмешательстве членов секты «Ананда Марга». Ф. Кампоманес потребовал от Корчного соблюдения норм приличия и уважения к тем, кто создал ему на Филиппинах превосходные условия: «Мы не желаем, чтобы матч за мировое первенство любители связывали в своем сознании с теми, кто запятнан преступлением».

И вот наконец финал. О нем рассказывал в уже упоминавшейся книге «Девятая вертикаль» пресс-атташе делегации Карпова в Багио Александр Рошаль: «На сцене вечером 17 октября, когда игралась 32-я партия, ставшая решающей, мы увидели за столиком чемпиона, которого привыкли видеть и хотим видеть... На следующий день, когда арбитр матча чехословацкий гроссмейстер М. Филип сообщил, что противник сдает 32-ю партию без доигрывания, устало улыбающийся чемпион мира «разрешил» сообщить домой о своей победе. А председатель Шахматной федерации СССР летчик-космонавт СССР В. Севастьянов сказал: «Вот и настал, Толя, твой звездный час...»

В этот же день Анатолий отправил телеграмму в Москву:

*«Товарищу Брежневу Леониду Ильичу.
Глубокоуважаемый Леонид Ильич!
Счастлив доложить, что матч за звание чемпиона мира по шахматам закончился нашей победой.
Примите, дорогой Леонид Ильич, сердечную благодарность за отеческую заботу и внимание, проявленные ко мне и нашей делегации в период подготовки и проведения матча».*

Заверяю Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство и лично Вас, Леонид Ильич, что в будущем приложу все усилия для приумножения славы советской шахматной школы».

Чемпион мира Анатолий КАРПОВ
18 октября 1978 года, Багио, Филиппины».

Когда Карпов вернулся из Багио, Брежнев торжественно принял его, и об этом Анатолий Евгеньевич вспоминает как об одном из «самых значительных» событий в своей жизни. Карпову был вручен в Кремле орден Трудового Красного Знамени, после чего Брежнев напутствовал его: «Взял корону, так держи!» Вряд ли Леонид Ильич мог предположить, что его слова воспримут буквально, но высокопоставленные чиновники отнеслись к ним со всей серьезностью.

Победа Карпова была важной во всех отношениях. Она окончательно стирала воспоминания о Рейкьявике и восстанавливала престиж советских шахмат. Блеск победы Карпова увеличивался еще одним важным обстоятельством: поражение потерпел «невозвращенец», что обесценивало его критику в адрес наших властей. Так случилось, что оба они—и Фишер, и Корчной,—сами того не желая, оказали Карпову огромную услугу. Один без борьбы отдал ему чемпионскую корону, другой способствовал превращению его в политическую фигуру.

Власти, конечно же, были признательны руководителям Шахматной федерации за поддержание национальной чести, а те, в свою очередь, должны были испытывать благодарность к своему герою—Карпову. Многие заслужили благодарность, но прежде всего—сам чемпион. И его поощрили как никого: предоставили множество привилегий, включая, вероятно, и свободу действий за рубежом.

Взять тот же негласный договор Карпова с фирмой «Novag». Лишь много позднее, когда выяснилось, что Юнгвирт утаил от чемпиона около полумиллиона долларов, подробности этого контракта стали достоянием общественности. Помогли ли власти Карпову в этой сделке? Или просто закрыли на нее глаза, как, возможно, закрыли глаза и на его валютные счета в западных банках? Или же он продал все за их спиной? Ответа на эти вопросы до сих пор нет. Несомненно одно: в дальнейшем Карпову была оказана помощь в его попытке пополнить свои «законные» деньги. И помогли ему в этом (в 1983—1984 годах) не советские официальные лица, а Кампоманес и Кинцель (тот самый Кинцель, который вместе с Кампоманесом действовал против меня в феврале 1985 года). Кампоманес выступал в роли доверенного лица Карпова и раньше, а «троянский конь» был оформлен документально в апреле 1984 года в Лондоне. Частное расследование прошло успешно: 30 августа Юнгвирт в разговоре с Кинцелем (кстати, бывшим шефом полиции) наконец признал, что получал деньги для Карпова. Через неделю Кинцель приступил к своим обязанностям председателя апелляционного комитета нашего первого матча с Карповым...

К концу 1981 года, когда Карпову вновь предстояло встретиться в матче с Корчным—на этот раз в Мерано, чемпион оказался в центре беспримерной патриотической кампании. Он получил лучших тренеров и всевозможную помощь, какую только мог оказать ему государственный аппарат. Как и три года назад, Корчной в претендентских матчах победил Петросяна и Полугаевского, а затем, в финальном поединке—Хьюбнера.

Об атмосфере подозрительности, окружавшей матч в Мерано, можно судить уже по тому факту, что советская делегация (включая и Карпова) побывала там за несколько недель до начала матча, чтобы проверить питьевую воду, климатические условия, уровень шума и радиации, во всяком случае, так заявил председатель оргкомитета в интервью швейцарскому журналу «Chess-press».

К тому времени политическая сторона матча стала важнее, чем сами шахматы. Красноречивое свидетельство тому—строки из статьи Севастьянова «Карпов, каким мы его любим», опубликованной в декабре 1981 года в «Литературной газете»: «В Мерано он (Карпов. — Г. К.) защищал не только свое звание... Он защищал честь и достоинство нашей страны и нашего строя. Контраст между представителем

Страны Советов и его озлобившимся, растерявшимся оппонентом поразил даже журналистов из буржуазных изданий, вряд ли посланных своими хозяевами в Мерано с целью быть объективными и правдивыми. Это было различие не только между двумя людьми. Точнее—не столько между двумя людьми. Это была разница между миром лжи и наживы и миром светлого завтрашнего дня».

Воспользовавшись предматчевой ситуацией, Корчной начал кампанию за выезд из страны своей семьи, которая все еще оставалась в Ленинграде. Особенно он был озабочен судьбой сына. Как явствовало из статьи «Обыкновенный ход претендента», напечатанной в газете «Советский спорт» перед матчем в Мерано, «сын ушел сначала из института, потеряв, таким образом, право на отсрочку от несения службы, а потом демонстративно отказался от выполнения закона о всеобщей воинской обязанности, скрывался от призыва в армию и был в конце концов в соответствии с законом осужден советским судом...».

Соперники находились в совершенно разных условиях. Если Корчной был подготовлен плохо (не могло не сказаться и неучастие в крупнейших турнирах, куда ему закрывал доступ бойкот со стороны советских шахматистов), то Карпову помогали все наши лучшие гроссмейстеры. Мы обязаны были снабдить его информацией о своих дебютных разработках и вариантах, раскрыть все свои профессиональные секреты. Нам дали ясно понять, что это наш патристический долг, ибо «изменника» надо разбить во что бы то ни стало.

Многие гроссмейстеры исправно выполнили то, что от них требовалось. Но я отказался, заявив, что необходимости в этом нет—поражение Корчного и так предreshено (и действительно, борьбы, как таковой, в Мерано не было: Карпов выиграл со счетом 6:2). Не исключаю, что Карпов просто хотел воспользоваться случаем, чтобы выудить все теоретические новинки из советских гроссмейстеров.

Итак, Карпов продолжал быть шахматным королем. Как и положено царствующей особе, он был окружен многочисленной свитой. В его власти было решать, кто поедет за границу, а кто нет. Все шахматисты оказались поделены на «выездных» и «невыездных», причем принцип такого деления секрета не составлял.

Помню, как начальник Управления шахмат Н. Крогиус спокойно сказал мне: «У нас есть чемпион мира, и другой нам не нужен». Эти слова—памятник старому режиму, и не только в шахматах. Карпов должен был оставаться чемпионом до окончания века—а если так, то зачем что-то менять, развивать? Такой подход не считался безнравственным и в основе своей не был направлен лично против меня. Просто мне суждено было оказаться тем неудачником, которому не дозволено стать чемпионом, потому что он появился некстати.

Шел 1982 год. Начался новый отборочный цикл борьбы за шахматную корону. Мне необходим был опыт зарубежных соревнований—особенно теперь, в преддверии межзонального турнира в Москве. Не сомневаюсь, что, если бы это было в чьих-то силах, меня бы не допустили до участия в нем, несмотря на то что я уже входил в пятерку сильнейших шахматистов мира.

Заместитель председателя Спорткомитета В. Ивонин, влиятельнейший сторонник Карпова, имел неосторожность заявить—и не где-нибудь, а в Баку!—что «Спорткомитет делает все, что в его силах, чтобы предотвратить встречу Каспарова с Карповым в этом цикле».

У меня были приглашения из Бугойно, Турина и Лондона. Но вместо этого мне предложили второразрядный турнир в Дортмунде. Я решил бороться. Но какое оружие могло быть у восемнадцатилетнего юноши против грозной власти, которой обладал чемпион мира? Это напоминало легенду о Давиде и Голиафе. И я огляделся вокруг в поисках поддержки.

Первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана был тогда Г. А. Алиев. Гейдар Алиевич тепло поздравил меня с победой в чемпионате СССР, в беседе со мной интересовался моей учебой в институте, одобрил активное участие в комсомольской жизни Баку, в популяризации шахмат в республике. Вскоре меня пригласили выступить на съезде комсомола Азербайджана. На съезд неожиданно приехали Севастьянов и Ивонин. Не знаю, кто их пригласил, и приглашали ли вообще. Но коль скоро они были здесь, я решил воспользоваться случаем и напрямую обратиться к руководству Шахматной федерации и Спорткомитета и непосредственно к Алиеву.

Результат превзошел все ожидания: мне дали разрешение участвовать в супертурнире в Бугойно. Теперь, преодолев все затруднения, надо было извлечь максимум пользы из встреч с лучшими зарубежными гроссмейстерами.

И в дальнейшем в тяжелых ситуациях мне приходилось обращаться за помощью к Гейдару Алиевичу, и он по возможности оказывал мне содействие. Сейчас некоторые пытаются использовать этот факт, чтобы упрекнуть меня в неискренности. Мол, о какой многолетней травле аппаратчиками Каспаров нам говорит, если ему самому покровительствовал такой видный деятель эпохи застоя! Должен признать, что без поддержки влиятельных партийных руководителей мне бы ни за что не удалось пройти весь путь борьбы за мировое первенство. Но ни разу эта помощь не была использована во вред кому бы то ни было.

Я часто задумываюсь над причинами, побудившими Алиева уделять мне такое внимание. Ведь если будущая поддержка со стороны А. Н. Яковлева и С. А. Шалаева в значительной степени определялась происходившими в стране переменами, то Алиев, принадлежавший к «брежневской когорте», должен был бы, по логике вещей, занимать другую позицию. Напрашивается объяснение: сыграла роль естественная гордость достижениями земляка, возможность прославления родного Баку. Но могли ли такие соображения эмоционального характера перевесить опасность конфронтации с той частью аппарата, кумиром которой был Карпов? Не исключено, что, поддерживая меня, Алиев как бы проверял реальность своих шансов в борьбе за власть, хорошо понимая, с какой оппозицией ему придется столкнуться. Так или иначе, своевременное вмешательство Алиева дало мне возможность заняться подготовкой к турниру шахматного Олимпа.

ПОЧТА «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

На одном из снимков к очерку «Дело Ленки Пантелеева» (1989. № 1) изображен некий сотрудник УГРО, «захвативший Ленку Пантелеева». В действительности же его арестовали четверо красноармейцев 3-го Петроградского полка войск ГПУ.

В ударные отряды Петргуботдела ГПУ включались, как правило, сотрудники губотдела и несколько красноармейцев войск ГПУ. И для захвата Ленки Пантелеева сформировали такой же отряд: два сотрудника и четыре красноармейца. В Центральном музее внутренних войск МВД СССР хранится копия приказа по полку, в котором подробно описываются эти события и сообщается о наградах бойцам. Вот как это было.

В одной из квартир, где мог появиться Ленка Пантелеев, засада ждала его уже вторые сутки. Еды с собой не брали, и, изголодавшись, сотрудники ПГО решили сходить за продуктами для себя и бойцов. Не успели они уйти, как вдруг раскрывшаяся дверь и вошли двое — с сумками, набитыми продуктами и бутылками. В первом бойцы сразу же признали Пантелеева. Тот тоже среагировал мгновенно: не снимая сумки с руки, сунул ладонь в карман, схватился за револьвер и попытался немедленно выстрелить. Но сумка помешала, курок зацепился за карман — этих потерянных бандитом мгновенно хватило, чтобы красноармейцы открыли огонь из винтовок. Пантелеев был убит на месте, его спутник ранен. Успешные действия красноармейцев были отмечены приказом № 197 по войскам ГПУ ПО от 21 февраля 1923 года. В нем говорилось: «В ночь с 13 на 14 февраля с.г. ударным отрядом ПГО ГПУ, в который входили кр-цы 3-го Петроградского полка тт. Зубрилов Иван, Лузин Петр, Родин Александр и Павлов Николай, был пойман и убит известный бандит Пантелеев и задержан другой бандит под кличкой Мишка Корявый, причем означенные красноармейцы принимали активное участие в деле поимки бандитов.

За проявленную сообразительность, мужество и знание дела награждаются:
Зубрилов Иван — 360 р.
Лузин Петр — 200 р.
Павлов Николай — серебряные часы № 585862.

Родин Александр — серебряные часы № 252182 с надписью «За правильное понимание своего долга от Петргуботдела ГПУ».

ПП ГПУ ПВО Мессинг Начальник штаба Неквас. Интересно узнать, кто из отличившихся на снимке?

Ю. КУЛЬБАКИН,
сотрудник Центрального музея внутренних войск МВД СССР

В первом номере вашего бюллетеня интересен архивный материал о Пантелееве

(почему не указано, кто его готовил?). Правда, неясно, почему вы начали его историю с конца. В заключительной фразе говорится, что вы еще вернетесь к судьбе Пантелеева. Я не знаю возможностей того, кто будет готовить этот материал, но, мне кажется, что должны быть обязательно отмечены следующие положения: а) он был сотрудником ЧК в годы гражданской войны; б) его уход из ЧК связан с нэпом и с разочарованием части партийцев-«леваков» в новом курсе, с их точки зрения «буржуазном»; в) он действительно первоначально был «Робин Гудом». Недаром его не могли поймать. Ведь его прятал весь Петроград, сотрясаемый забастовками, заполнявшийся тысячами демобилизованных из крестьян, которые селились в основном на Лиговке и в районе Витебского вокзала. До них там жили китайцы, их в огромном количестве завезли с Дальнего Востока для использования на тяжелых грязных работах еще в годы первой мировой войны. Лиговка, Подольская, Можайская и близлежащие улицы были сплошь заняты публичными домами, притонами, опиумными курильницами. Китайцы, контролировавшие эту индустрию, исчезли в 1921 году из города таинственно и, кажется, бесследно в один день. На их место стали селить «новых петроградцев». Город сотрясали социальные конфликты. С одной стороны, забастовки и безработица, а с другой — нэп. Вот в этой-то среде и появился Пантелеев. Есть данные, что первоначально он действительно грабил только нэпманов и часть денег отдавал полуправовой организации безработных. Постепенно все это вылилось в обычный бандитизм, да к тому же и с антисемитской направленностью. Вот если бы автор смог воспроизвести в следующей публикации весь этот фон, а не сводить все к элементарному бандитизму!

С уважением,
Х. ФИРИН, историк,
Ленинград

Вы, уважаемый Юлиан, пишете о жене Молотова — Жемчужиной Полине Семеновне, что она была репрессирована И. В. Сталиным. А за что, не говорите. Знаете ли Вы, уважаемый, что она выкрала строго секретный документ и передала его Голде Меир и что этот документ был опубликован на другой день. Знали об этом документе только Сталин, Молотов и Берия. Берия настаивал на ее расстреле, но И. В. Сталин не позволил. Между прочим, моя родственница работала в Комиссариате вместе с Полиной Семеновной, которая очень хорошо отзывалась о Сталине. Говорила — строгий, требовательный, удивительно работоспособный, честный, прямой, очень заботился о крестьянстве и рабочем человеке. Не терпел вранья. Вы пишете одну ложь, не знаете, как бы похлеще его облить грязью. Но учтите: Сталина знают как умнейшего человека. Даже Уинстон Черчилль удивлялся себе, что

он, ненавидя коммунизм, перед И. В. Сталиным снимал шляпу; Рузвельт тоже уважал И. В. Сталина. Трумэн поражался его уму, его умению держать себя с высокопоставленными иностранцами. Недавно здесь был из Франции сын одного эмигранта. Он сказал, что Сталина там считают таким же великим, как Иван Грозный, Петр I. Между прочим, ведь только такие, как Вы, Юлиан, не знаю Вашей правильной фамилии, пытаются его обгадить. Маленькая кучка, вы не знаете, как сожрать его прах. Но честный русский народ и все народности на стороне И. В. Сталина. И весь народ — двести миллионов — остается сталинистами. Не разжигайте ненависть к Вам. С русским Иваном справиться трудно, не будите зверя. Прекратите врать! Хотя это и есть Ваше хобби.

Обеляете Троцкого, Рыкова, Зиновьева, Бухарина, да ведь они все признались, что еще нужно? Сейчас Вы, Юлиан, троцкистский отпрыск, пишете о Сталине, а он в то время и Сталиным-то не был, он был Коба. Он еще был Джугашвили. Читали ли Вы, Юлиан, роман-газету за 1989 год, первый и второй номера, там хорошо все описывает А. Знаменский в романе-хронике «Красные дни», без вранья. Там, по крайней мере, поймешь, кто был Троцкий и его приспешники. Сколько он в гражданскую войну погубил народа. Лучших сынов России. А Сталин — это скала, это символ России, он нам был отцом родной, и народ его никогда не забудет, что бы Вы, еврей, ни делали, как бы его ни хаяли. Детям своим закажем, внукам, правнукам. А Андреева молодец!

Без подписи.

Пишет Вам поклонник детективного жанра. Ответьте, пожалуйста, есть ли у нас в стране клуб любителей детектива (хоть где-нибудь)? Если есть, то где? И как туда написать, по какому адресу? Не надеюсь на ответ, но все-таки оставляю свой адрес: г. Ворошиловград, Острая могила, 10, Игорь ГЛОБЕНКО.

Московская штаб-квартира МАДПР приступила к созданию своих филиалов на Дальнем Востоке, в Донецке, Таллинне, Риге, Киеве. Мы надеемся, что наши филиалы в скором времени превратятся не просто в клубы любителей детективно-политического жанра, но и в настоящие культурно-просветительные центры «Детектив и политика» со своими библиотеками, видео-клубами, фирменными книжными магазинами.

Все, что можно было сказать, создать, написать о Сталине, — все уже было сделано при его жизни самим народом с желанием, любовью и страстью.

С советом издать для сравнения Гитлера, Розенберга и Геббельса Ю. Семенов, мне кажется, опоздал.

Лично я выбрала период Сталина как образец лучшей доли для трудового народа. Это подтверждается тем ускорением, тем огромным экономическим потенциа-

лом, которые оставил нам в наследство Сталин и чем мы не сумели воспользоваться.

Только напрасно Ю. Семенов страшится таких, как Нина Андреева, и тех, «кто с ней рядом, в одном строю». Я думаю, что таких, с русским характером, еще много у нас в России; именно они вооружены высокой ответственностью за порученное дело, именно для них в жизни существует одна только Правда и одна Родина; такие не подведут страну и народ.

Тамара ФЕДОРОВА,
работник соцкультбыта,
Москва

Как я поняла, сегодня Юлиана Семенова беспокоит экономика в нашей стране, но в то же время некоторые его высказывания мне кажутся очень странными. Например: «У нас же миллиарды рублей просто лежат на сберкнижках без движения!» Я работаю в саду воспитателем. Сейчас у меня оклад 110 руб. Это в 1989 году, а в 1960 году был 41 руб. Детские сады находятся на дотации у государства. Это значит, что и я тоже нахожусь на дотации и зря ем хлеб, т.е. приношу убыток. Но у нас на дотации находится столько много всего, что и перечислить не хватит пальцев: и школа, и больница, и пенсионеры, и самое главное — оборона страны.

Я войну хорошо помню. Пережила ее сама и видела сама все. Как немцы ехали без всяких преград до самой Москвы, и как наши отступали пешком с винтовками, и как и сколько было захвачено в плен. И чтобы этого не повторилось, оборона должна быть на самом высшем уровне. Но это все и всем, как говорится, очень хорошо известно и понятно. И в то же время это все забыто современной молодежью.

У меня к Юлиану Семенову есть просьба. Напишите, пожалуйста, сценарий об убыточных предприятиях и хозяйствах. У нас есть такие предприятия, которые находятся на дотации у государства. Выпускают никому не нужные вещи. Почему об этом все молчат?

М. ИВАНОВА,
воспитательница,
Москва

Уважаемый г-н Семенов, много лет тому назад я случайно познакомился с вами на съемках фильма «Дунечка и Никита». Меня пригласили, я работал тогда в местном цирке и приезжал на съемки с большой собакой сенбернаром. Может быть, ваша дочь запомнила собаку?

Пишу я вам вот почему. Работая в Нью-Йоркской библиотеке, я натолкнулся на интересные имена и интересные истории. Германское тайное общество «Святой Ведем» (XIII—XX века), окултная «группа Туле» Карла Хаузофера (гуру Гитлера и Гесса). Карл Хаузофер — основатель «геополитики» — учился в Маньчжурии, Монголии и на Тибете, друг великого мага Гурджиева (соученик Сталина по семинарии). Гурджиев был близок с Гитлером. Вы еще не устали от этого компота?

Самое интересное — человек по имени Тербиш-Линкольн-Чао-Кун. Его образование: хасидский хедер, год Будапештского университета. Вероисповедание: иудаизм хасидского толка, баптизм, буддизм. Финансист, член палаты Британского парламента, агент британской разведки, германский пропагандист в США (1914 год), участник «пучка Каппа» в Германии (1920 год), друг Людендорфа, спаситель Гитлера на берлинском аэродроме («Идиот! Смывайся немедленно! На аэродроме красные!»), торговец оружием (1922 год), лектор по буддизму в США, буддийский отшельник на Цейлоне, агент ФБР (1925 год), совместная работа с Хаузофером на Тибете и посвящение в ламы, добывает женшень по заданию Хаузофера и д-ра Морреля для Гитлера. Центр по исследованию женшенья, по словам французского главнокомандующего де Латр де Тасиньи, был разгромлен русскими. Он застал только разграбленный архив и трупы. Предполагается, что там и погиб бывший хасидский кабалист и буддийский лама Тербиш. Компот кончился. Интересна ли эта тема?

С уважением,
Георгий МЕЩЕРСКИЙ,
Нью-Йорк, США

Конечно, интересна! Наши представители связались с Георгием Мещерским. О работе над этой темой будем сообщать читателям.

Недавно я случайно получил вашу газету «Совершенно секретно», и она нам, работникам прокуратуры города Вильнюса, очень понравилась. Скажите, где ваше издание можно приобрести?

Желаем хорошего настроения и больших успехов, ПРАВДЫ на страницах «Совершенно секретно».
Г.ГИТАУСКАС,
Вильнюс

ОТ РЕДАКЦИИ:
Мы благодарим всех читателей, поздравивших нас с выходом первого номера Бюллетеня.

Сообщаем также, что мы не имеем пока возможности открывать подписку на наше издание.

Бюллетень можно приобрести в Таллинне, Донецке, Киеве, на Дальнем Востоке, в Риге, Ташкенте и других городах страны, там, где выступили с инициативой создания наших филиалов. В Москве через «Союзпечать» будет распространяться несколько сот тысяч экземпляров. Как сделать наше издание доступным во всех уголках страны, каким будет его окончательный тираж, когда мы сможем открыть подписку, зависит только от одного из наших многочисленных сегодняшних дефицитов — дефицита на бумагу.

Вот уже двести лет одним из показателей нравственного состояния российского общества является его отношение к так называемому еврейскому вопросу. В конце XVIII века разделы Польши сделали подданными России миллионы проживавших на этих территориях евреев. И с тех пор, то на время уходя в тень, то стремительно выдвигаясь на авансцену, эта проблема заняла одно из главенствующих мест в череде «проклятых вопросов» общественной жизни страны. Если в начальный период многочисленные ограничения и преследования еврейского населения могли еще объясняться религиозными причинами, то в дальнейшем они служили лишь прикрытием социальной и экономической политики правящих классов и групп. Евреи были загнаны в местности, строго ограниченные пресловутой чертой оседлости, их жизнь была опутана огромным количеством всевозможных запретов, которые распространялись на множество видов деятельности и на возможность получить образование. Прибавим сюда и время от времени вспыхивавшие в стране погромы и так называемые кровавые наветы. С 70-х годов XIX века к известным уже побудительным мотивам антисемитской политики самодержавия прибавилась еще одна, постепенно ставшая чуть ли не определяющей: в русское освободительное движение все энергичнее и энергичнее вливалась еврейская революционная молодежь.

Русское правительство уделяло еврейскому вопросу большое внимание. Постоянно действовали различного рода еврейские комитеты и комиссии, призванные составлять новые законы в отношении этого народа.

В 1881—1882 годах, после казни народовольца-ми Александра II, по южным губерниям страны прокатилась волна еврейских погромов. Социальное и экономическое недовольство масс искало выход и, как уже не раз бывало, умело направлялось в привычное русло антисемитских выступлений. Была создана очередная комиссия по еврейским делам во главе с известным государственным деятелем фон-Палленом. Работа комиссии проходила в атмосфере разногласий. Не все ее члены были склонны одобрять ужесточение репрессивной политики в отношении евреев. Было принято решение запросить мнение по этому злополучному вопросу ряда писателей. Среди прочих выбор пал на Н. С. Лескова. Знарок русской народной жизни, народное фольклора, человек, не только стоявший вне политических группировок тех лет, но и известный властям еще по 60-м годам как автор антинигилистических романов «На ножах» и «Некуда», бывший к тому же долгое время чиновником министерства народного просвещения, он, казалось, как нельзя лучше подходил на роль выразителя чаяний «народной интеллигенции». Зная юдофобские настроения императора, Лесков мог бы всего лишь присоединиться к хору многочисленной националистической прессы страны, возглавляемой А. С. Сувориным и И. С. Аксаковым. Каково же было удивление властей, когда они ознакомились с мнением Лескова по еврейскому вопросу. Писатель не только не солидаризировался с ними, а выступил в защиту преследуемого народа. Это произведение было отпечатано в количестве 50 экземпляров и роздано для ознакомления только членам комиссии царской семьи и высшим государственным чинам.

Перед нами не научный трактат и не чиновничья справка, а горячий манифест русского писателя-гуманиста, для которого законы совести и справедливости оказались выше всех иных земных страстей и соблазнов.

Вторично этот документ был издан в 1920 году. Подлинник этого, практически неизвестного произведения Н. С. Лескова находится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки в Ленинграде.

Мы знакомим читателей с фрагментом этого произведения. Полный его текст будет опубликован в одном из выпусков альманаха «Детектив и политика».

Николай ЛЕСКОВ

ЕВРЕИ В РОССИИ

Несколько замечаний по еврейскому вопросу

... Все нехорошее, что делает еврей, обыкновенно приписывается его злой натуре или его плохой вере, причем, к великому греху христиан, из них и об одном и о другом редко кто имеет настоящие понятия. Доказательства налицо: большая газета, как «Новое Время», посвятивши еврейскому «врожденному мошенничеству» многие столбцы, наконец в июне месяце 1883 года узнала на всемирной выставке в Амстердаме, что все алмазы и брильянты на 33-х амстердамских промышленных фабриках гранят евреи и что они не только искуснейшие в этом деле люди, но что между ними нет также ни одного вора.

Еврей — и не крадет ни алмаза, ни брильянта, которые так легко спрятать и которые могут выпасть!

Но это в Голландии. Наш русский жид, быть может, иной природы, или иная природа людей, окружающих жидов в Голландии, где ему верят, и в России, где ему беспрестанно мечут в глаза, что он плут и бездельник...

Последнее, кажется, едва ли не вернее. Стоит ослабить человека канальею, относиться к нему, как к каналье, и в нем в самом деле явится нечто канальское.

Так у нас и сделали, и факт, что жид живет честным человеком на берегах Амстеля, не в силах изменить мнение тех, кому хочется настаивать, что на берегах Днепра жид может быть только эксплуататором и плутом.

Во время царствования в России императора Николая Павловича в Англии возник спор за евреев, и благородные друзья человечества, не отрицая очевидных фактов нравственного повреждения в нищенствующей и полунищей массе еврейства, признали своим христианским и человеческим долгом помочь этим людям исправиться

немедленно же. Было сказано: «начнем это не с завтрашнего дня, а с сегодняшнего». Так, кажется, должен бы сказать и всякий, кто хочет видеть еврея лучшим человеком, чем каков он есть при нынешнем загоне. Что именно предполагалось «начать» в Англии для того, чтобы уничтожить специфические еврейские пороки? Уничтожить все удерживающее евреев в изолированном положении и признать их равными по правам жизни с другими, т. е. уничтожить все особые о них положения, поддерживающие изолированность.

Слово «еврейская изолированность» сделалось тогда таким же модным, как в последние десять лет «еврейская эксплуатация», и пришло в Россию.

Между государственными людьми Англии были умы, в которых робкая осторожность превозмогла инициативу. Эта осторожность внушала страх, что сравненные со всеми другими евреями вредно повлияют на общие нравы, но люди более широкого и дальнзоркого ума указывали на пример Голландии, где жидовское рассеяние и смешение сильнее, чем во всякой другой стране, и между тем жид здесь не только не возобладали над христианским населением, но евреи представляют класс страдальческий («Так это и поныне», — как свидетельствует отчет «Нового Времени» об амстердамской выставке 14 июня 1883 года). К чести века и к удовольствию добрых просвещенных христиан в Англии идея человеколюбия и справедливости восторжествовала над традиционными страхами, и худого не вышло. «Еврейская изолированность» исчезла, и жидов в Англии теперь даже трудно стало распознать от англичанина, как и от голландца. Произошла гражданская ассимиляция.

В тогашнее время газеты в России передавали европейские события глухо и невнятно. Достоинства или недостатки капитальных общественных реформ даже на чужбине не встречали в России новых оценок, которые позволяли бы судить о настроении умов в здешнем обществе; но, однако, есть приметы, что тогашнее русское общество было на стороне уничтожения «изолированности» и, что всего важнее, на этой же стороне был сам император Николай Павлович. Что касается общества, то благосклонность его к евреям мы видим в том, что в городках, смежных с чертою еврейской оседлости, местные обыватели постоянно привечали и укрывали евреев-ремесленников, ибо находили их очень для себя полезными. Местные власти тоже везде им мирволили, ибо и для них, как и для прочих обывателей, евреи представляли значительные удобства.

Когда в сороковых годах по указу императора Николая были отобраны крестьяне у однодворцев, поместные дворяне увидели, что и их крепостному праву пришел последний час и что их рабовладельчество теперь тоже есть только уж вопрос времени. Увидав это, они перестали заводить у себя на дворе своих портных, своих сапожников, шорников и т. п. Крепостные ремесленники стали в подборе, и в мастеровых скоро ощутился большой недостаток. Единственным ученым мастеровым в селах стал только грубый кузнец, который едва умел сварить сломанный лемех у мужичьей сохи или наклепать порхницу на мельничный жернов! Но и то как это делалось! Наверно, не многим лучше, якоже бысть во дни Ноевы... Даже чтобы подковать порядочную лошадь; не испортить ей копыт и раковины, приходилось искать мастера за целые десятки верст.

Во всем остальном, начиная от потерянного ключа и остановившихся часов до необходимости починить обувь и носильное платье, за всем надо было относиться в губернский город, отстоящий иногда на сотни верст от деревни, где жил помещик. Все это стало делать жизнь дворян, особенно не великопоместных, крайне неудобною, и слухменные евреи не упустили об этом прослышать, а как прослышали, так сейчас же и сообразили, что в этом есть для них благоприятного. Они немедленно появились в великорусских помещичьих деревнях с предложением своих услуг. Шло это таким образом: еврей-галантерейщик, торговавший «в развоз» с двух или трех повозок, узнав, что в России сельским господам нужны мастера, повел с собою в качестве приказчиков евреев-портных, часовщиков и слесарей. Один торговал, другие «работали починки». Круглый год они совершали правильное течение «по знакомым господам» в губерниях Воронежской, Курской, Орловской, Тульской и Калужской, а «знакомые господа» их не только укрывали, но они им были рады и часто их нетерпеливо к себе ждали. Всякая поломка и починка откладывалась

в небогатом помещичьем доме до прихода знакомого Берки или Шмульки, который аккуратно являлся в свое время, раскидывал где-нибудь в указанном ему уголке или чулане свою портативную мастерскую и начинал мастерить. Брался он решительно за все, что хоть как-нибудь подходило под его занятия. Он чинил и тяжелый замок у амбара, с невероятной силой неуклюжего ключника, поправлял и легкий дамский веер, он выводил каким-то своим, особенно секретным, мылом пятна из жилетов и сюртуков жирно обдавшего барина и артистически штопал тонкую ткань протершейся наследственной французской или турецкой шали. Словом, приход евреев к великорусскому помещику средней руки был весьма желанным домашним событием, после которого все порасстроившееся в домашнем хозяйстве и туалете приводилось руками мастерового еврея в порядок. Еврея отсюда не только не гнали, а удерживали, и он едва успевал окончить работу в одном месте, как его уже нетерпеливо тащили в другое и потом в третье, где он тоже был нужен. Притом все хвалились, что цены задельной платы у евреев были гораздо ниже цен русских мастеров, живших далеко в губернских городах.

Это, разумеется, располагало великорусских помещиков к переходу евреев, а те с своей стороны ценили русский привет и хлебосольство. Путешествовавшим евреям давали угол, хлеба, молока, овощей, гарнец овса для их клыч и плошку или свечку, при свете которых еврей-мастера производили свои энциклопедические занятия чуть не во всех родах искусства. В хозяйстве помещиков такое хлебосольство стоило очень мало, но еврей хороший счетчик: он берет в расчет все. Он не простофиля, он знает, во что бы ему обошлись все эти великодушно даром ему предложенные удобства, если бы ему пришлось за них заплатить дома, в его «бисовой тисноти», как он называет переполненную черту своей «постоянной оседлости». И вот он всю эту стоимость скинул со счета на цене сделанной им работы. Еврей ничего не потерял на такой ссавке, а помещик был в восторге от очевидной выгоды и хвалился, что он заплатил денег гораздо менее, чем взяли бы с него в губернском городе. И оба — и еврей, и помещик — оставались чрезвычайно довольны друг другом.

— Прощай, Борис! — говорил еврею помещик, давая ему, не в счет всего прочего, четверик овса и гарнец пшена на дорожную кашу. — Не забудь меня, когда опять будешь!

А жид раскланивался, приговаривая:

— Будем, будем, — не забудем.

Таковы были эти законопреступные отношения, проторившие еврею первые тропы к тем великорусским людям, к которым и нынешние евреи стремятся.

Власти, как коренные, так и выборные, начиная от дворянских предводителей до городничего и станового, нуждались в сказанных услугах евреев столько же, сколько все другие обыватели, и потому евреи в сороковых годах, несмотря на всю тогдашнюю будто бы строгость, свободно обтекали ближайшие великороссийские губернии и везде по деревням у дворян торговали и работали.

Богу одному ведомо, с какими они ездили паспортами, но в городе Кромах Орловской губернии раз один любознательный солдат из грамотных отобрал у евреев при городской заставе документ с печатью, который оказался объявлением Оподельдока о его майском бальзаме или летучей мази. В другом случае там же было получено красивое печатное объявление о папиросах Спиглазова. Уголовщины из этого не вывели. Оба документа только возбудили смех да заставили евреев произвести бесплатно в городническом доме некоторые необходимые починки. Затем те же самые объявления были им возвращены для дальнейшего свободного следования.

Фальши тут не находили, а видели, так сказать, только «игру фантазии».

Великорусское дворянство и средний класс мелких городов открыто покровительствовали евреям и завидовали жителям тех мест, где «всегда есть под рукой услужливый еврей». Еврей в Кромах никому не мешал, не исключая самого уездного отца-протопопа, которому он выверял солнечные часы на его широком, как площадь, дворе и доставлял превосходную «нежного блеска лоснящуюся ваксу» для его опойковых со скрипом сапог. Иногда отец-протопоп указывал на еврея и в «беседах» — «как де он крепко в

своем заблуждении, а мы, обладая спасительной истиною, — слабы и малодушны».

Еврей так всеми своими боками и прищипывался.

Живой и общительный характер великорусских людей, не питавших тогда в здешних местах тупой казацкой презрительности к жидовину, породил между ними отношения только приятные.

Рассказанное здесь движение еврейства никогда не указывается ни врагами, ни друзьями еврейского вопроса, а оно составляет достопримечательный и несомненный факт сороковых годов. Об нем словно не знают газеты, ни еврейские, редактируемые людьми, бытовая опытность которых началась со вчерашнего дня, ни русские, во главе которых нередко стоят люди очень незначительного беспристрастия. А эти факты важные, как доказательство, что еврей пришел в Россию в новейшее время не перед погромами, а гораздо раньше и что он вначале искал возможности жить здесь без цинкачества и никому не был в тягость.

Если бы тогда, в тех сороковых и пятидесятых годах, великорусское дворянство, купечество и мещанство было вопрошено: желают ли они оставить у себя на оседлости тех прихожих евреев, которых они передерживали у себя, нарушая законные постановления, то невозможно сомневаться, что самый искренний ответ был бы в пользу евреев. От всех этих великороссов получился бы такой же ответ, каковой дали в «Московских Ведомостях» московские купцы.

Это, смею думать, было бы мнение общества, т.е. лучшей его части; но теперь вместо того стараются ставить на вид другое мнение, — мнение кулаков, не составляющих хорошей среды общества...

...В царствование императора Александра Второго николаевские меры к «уничтожению изолированности евреев» частью совсем упразднились, частью сильно видоизменились. В этом направлении многие из них сделались очень пригодными для целей, намеченных государем Николаем I, но, по несчастю, и тут опять произошло нечто странное и недоуменное.

Начнем последовательно.

Во-первых, заботы о крещении взятых от родителей еврейских мальчиков в батальонах военных кантонистов тотчас же по воцарении императора Александра Николаевича изменили свой скоростный характер. Огульные крещения прекратились. Вместе с тем вывелась из практики выдача выкрестам 30-рублевой награды. Это тоже было прекрасно, ибо, с одной стороны, положило конец проделкам некоторых плутов, повторявших над собою крещение несколько раз в разных местах, а с другой — эти «тридцать сребренников», напоминавшие счетом своим «цену цененного» — были как бы профанацією. Вероятно, что в мысли законодателя не было иронии в том, что за выкреста из евреев платили как раз столько же серебряных монет, сколько было выдано фарисеями за предание им Иисуса Христа, но народ видел или сам сочинил такую иронию и соблазнялся ею.

С воцарением государя Александра II крещенные операции за известные вознаграждения или поневоле прекратились, и прекращено тоже ужасавшее сердца задержание в рекруты еврейских детей в малолетнем возрасте. Евреи в отношении рекрутской повинности были сравнены с неевреями. Третья из сильных николаевских мер к уничтожению «изолированности» евреев была — привлечение евреев к земледелию. Она не получила новых применений и оставалась по-прежнему без успеха. С нею, очевидно, ничего невозможно сделать, пока еврей состоит в особом отношении к земле. Но зато четвертая из мер государя Николая, т.е. образование еврейских детей в русских училищах, сделала при Александре II успех огромный, который, наверно, порадовал бы государей Петра I и Николая, но теперь же, к удивлению, он вызвал самые неожиданные и даже почти невероятные последствия.

Как только при императоре Александре II было дозволено евреям получать не одно медицинское образование в высших школах, а поступать и на другие факультеты университетов и в высшие специальные заведения, — все евреи среднего достатка повели детей в русские гимназии. По выражению еврейских недоброжелателей, евреи даже «переполнили русские школы». Никакие примеры и капризы других на евреев не действовали: не только в чисто русских городах, но и в Риге, и в Варшаве, и в Калише евреи без малейших колебаний пошли учиться по-русски и, мало того, полу-

чали по русскому языку наилучшие отметки. Учебная реформа, последовавшая при управлении министерством народного просвещения графом Дм. Андр. Толстым, возбудила против себя неудовольствия значительной доли русского общества, но со стороны евреев и она не встретила никакого неудовольствия. Напротив, это не только не уменьшило, но даже еще усилило приток еврейского юношества в классические гимназии. Удостоверясь из разъяснений обстоятельных людей, что классическая система есть совершеннейшая и высшая форма образования, евреи даже радовались, что дети их усвоят самое лучшее образование. Они видели в этом успокоительный залог, что такое образование уже не может остаться втуне. Верили в это несомненно, да и нельзя было не верить, ибо тогда в тех органах печати, которые считались особенно компетентными по учебным вопросам, прямо и неуклонно указывали, что стране нужны люди классически образованные и что таким людям по преимуществу желают вверить самые важные служебные должности. Евреи проходили факультеты юридический, математический и историко-филологический, и везде они оказали успехи, иногда весьма выдающиеся. До сих пор можно видеть несколько евреев на государственной службе в высших учреждениях и достаточное число очень способных адвокатов и учителей. Никто из них себя и своего племени ничем из ряда вон унизительным не обесславил. Напротив, в числе судимых или достойных суда за хищение, составляющее, по выражению Св. Синода, болезнь нашего века, не находится ни одного служащего еврея. Есть у нас евреи и профессора, из коих иные крестились в христианство в довольно позднем возрасте, но всем своим духом и симпатиями принадлежавшие родному им и воспитавшему их еврейству, и эти тоже стоят нравственно не ниже людей христианской культуры...

Казалось бы, все это стоило доброго внимания со стороны русских, но вместо того евреи в образованных профессиях снова показались столь же или еще более опасными, как и в шинке! Повторяем — евреев не было в числе достопримечательных служебных хищников, — они не попадались в измене; откуда же к ним пришла эта напасть, извратившая все их расчеты на права образования? В так называемой образованной среде нашлись люди, которые в появлении евреев на службе увидели то самое, что орловские «кулаки» заметили на подвозных трактах к своим рынкам. Еврей учился прилежно, знал, что касалось его предмета, жил не сибаритски и, вникая во всякое дело, обнаруживал способность взять его в руки и «эксплуатировать», т.е. получить с него возможно большую долю нравственной или денежной пользы, которую всякое дело должно принести делателю и без которой собственно ничто не должно делаться в большом хозяйстве государства.

Эта способность «эксплуатировать» в мертве лежащие или уходящие из рук статьи действовала самым неприятным образом на все, что неблагоприятно относится к конкуренции, и исторгала крик негодования из завистливой гортани. Слово «эксплуатация» заменило в новом времени слова времени николаевского: «изолированность» и «ассимиляция». То, чего желал император Николай, по мнению политиков нового времени, выходило вредно. Выходило, что никакой «ассимиляции» не надо, и пусть жид будет по-прежнему как можно более «изолирован», пусть он дохнет в определенной черте и даже, получив высшее образование, бьется в обидных ограничениях, которых чем более, тем лучше. Лучшее — это, конечно, для одних людей, желающих как можно менее трудиться и жить барственно, не боясь, что за дело может взяться другой «эксплуататор»...

Предисловие и подготовка текста
Виктора КЕЛЬНЕРА
(Ленинград)

Рисунки Пабло ПИКАССО

НЕЛЕГКАЯ СМЕРТЬ

ЮЛИУСА И ЭТЕЛЬ

РОЗЕНБЕРГОВ

Это политическое убийство можно сравнить в нашем столетии только с делом Сакко и Ванцетти.

19 июня 1953 года в тюрьме Синг-Синг в Нью-Йорке правительство Соединенных Штатов предало смерти Юлиуса и Этель Розенбергов.

«Мы знаем, что эти заговорщики украли самые важные секреты, когда-либо оказывавшиеся в распоряжении человечества, и передали их Советскому Союзу», — говорил на процессе государственный обвинитель Сэйпол.

«А были ли вообще секреты, которые стоило красть?»

«В Англии некто Клаус Фукс признался, что был «атомным» шпионом и украл секретные данные, касающиеся установки в Лос-Аламосе. Его признания вывели на Гарри Голда. Гарри Голд, в свою очередь, вывел на Гринглассов, а Гринглассы закономерно указали на Юлиуса и Этель Розенбергов».

«Эта надежная цепь имела, однако, одно ненадежное звено... в лице Гарри Голда... Был ли Гарри Голд тем человеком, которому Клаус Фукс передал информацию? В 1950 году Фукс дал британским властям письменные показания, но они остаются засекреченными, несмотря на все наши усилия добиться их опубликования».

«Останемся мы живы или нет, история покажет, что нас сделали жертвами самой чудовищной судебной инсценировки, когда-либо организованной в нашей стране» — это слова Юлиуса и Этель Розенбергов.

Большинство американцев: «Здесь

не Россия. У нас не могут казнить ни за что, ни про что».

«Я следил за ходом процесса и за апелляциями, и у меня нет ни малейшего сомнения в том, что правительство сфабриковало свое обвинение, абсолютно презрев конституционные гарантии, на которые Розенберги, как американские граждане, имели право» (Нат Хентофф, писатель).

«Предательство вызывает у меня точно такие же чувства, как убийство или изнасилование, или разбойный грабёж. Я считаю, что в подобных случаях необходимо максимальное наказание» (один из присяжных).

The Unquiet Death of
JULIUS & ETHEL
ROSENBERG
ALVIN H. GOLDSTEIN

With an Introduction by NAT HENTOFF

«Относительно Гарри Голда я пришел к выводу, что он был марионеткой в руках обвинения» (Джон Уэсли, автор книги «Осуждение Юлиуса и Этель Розенбергов»).

«Есть ли правда в показаниях Гарри Голда? Возможно, что ответ на этот вопрос таится в архивах ФБР... Мне теперь совершенно ясно, что ФБР поставило себя выше закона».

«То самое правительство, которое двадцать пять лет назад истратило около миллиона долларов, чтобы осудить Юлиуса и Этель Розенбергов и Мортону Собелла, предоставило через Корпорацию общественного телевидения средства для нынешнего пересмотра этого дела».

Кому-то такой поворот покажется странным. Другие же, включая автора, видят в нем свидетельство того, что наш национальный менталитет меняет свою природу» (из примечания автора).

Документальный телефильм Оливии Голдстейн «Нелегкая смерть Юлиуса и Этель Розенбергов» широко демонстрировался на экранах США и Англии четверть века спустя после их казни, составив основу и одноименной книги-буклета с подлинными фотокадрами. Текст сценария, откуда взяты вышеприведенные цитаты, мы предполагаем опубликовать в «ДиП».

Мы также намерены подробнее рассказать читателям об этом политическом процессе на страницах «Совершенно секретно».

Главный редактор
ЮЛИАН СЕМЕНОВ

Первый заместитель
главного редактора
АЛЕКСАНДР ПЛЕШКОВ
Редакционный совет:
МАЙК АНДЕРЛЕ,
писатель (Австрия)
АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ, писатель
(Москва, СССР)
КАРЛ АРНЕ БЛОМ,
писатель (Швеция)
АЛОИЗ БРЕНЧ,
режиссер (Рига, СССР)
АРКАДИЙ ВАЙНЕР,
писатель (Москва, СССР)
НИКОЛАЙ ВИНГРАНОВСКИЙ,
кинорежиссер (Киев, СССР)
ГЕОРГИЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
адвокат (Москва, СССР)
ДАНА ГЕНРИ,
судья Верховного суда (США)
ТАТЬЯНА КОРЯГИНА,
доктор экономических наук
(Москва, СССР)
АТАНАС МАНТАДЖИЕВ,
писатель (Болгария)
АЛЕКСАНДР МЕНЬ,
протоиерей (Загорск, СССР)
ВЯЧЕСЛАВ ПАНКИН,
начальник Уголовного розыска
(Москва, СССР)
ВАЛЕРИЙ САВИЦКИЙ,
доктор юридических наук
(Москва, СССР)
ЕВГЕНИЯ СТОЯНОВСКАЯ,
публицист (Москва, СССР)
ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ,
писатель, народный депутат
СССР (Алма-Ата, СССР)
РАФАЭЛЬ Р. ЭРРЕДИА,
писатель (Мексика)

Коллегия:
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
заместитель главного редактора
ТРИСТАН ДЕЛ,
собственный корреспондент
(США)
ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ,
обозреватель
ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ,
обозреватель
ИШТВАН НЕМЕТ,
собственный корреспондент
(Венгрия)
ВАЛЕРИЙ ТУРСУНОВ,
собственный корреспондент
(Москва, СССР)
МИЛАН ЧОЛИЧ,
собственный корреспондент
(Югославия)
МИХАИЛ ШЕСТОПАЛ,
главный художник

Оформление номера
ВЛАДИМИРА ПОМОЧИЛИНА
и МИХАИЛА ШЕСТОПАЛА
Технический редактор
ТАТЬЯНА КОЙРАНСКАЯ
Корректор ТАТЬЯНА БУЧА

В очередных номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» и «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» читайте:

Академик П. Л. Капица. «О вреде, приносимом цензурой...»

Арест в Гаграх. Судьба драматургов В. Масса и Н. Эрдмана, авторов сценария кинофильма «ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА»

Отец Александр Мень, Вадим Молодой: «ВРАЧ, ИСЦЕЛИСЯ САМ!» —

о духовной жизни и современной психиатрии

Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
детективного и политического
романа

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, АПН
Московская штаб-квартира
МАДПР
Бюллетень «Совершенно
секретно»
тел. 291-98-62, 201-44-16
Телекс 411323 Факс: 2302170

Подписано к печати 23.08.89 г.
А 11024

Отпечатано типографией
«Восточно-Сибирская правда».

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10